

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 1(59)

2019

Москва 2019

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
С.В. Карпенко

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, О.Г. Буховец, В. Goldman, Н.Т. Ерегина,
В.П. Зиновьев, В.Г. Корнелюк, Н.Г. Кулинич, О.В. Павленко,
А.М. Пашков, А.А. Симонов, В.Л. Успенский,
Д. Фильцер, Л. Чех, П.П. Шкаренков**

Ответственный секретарь **П.Н. Лебедев**
Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторэлла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вѣстникъ, 2019
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2019
© Издательство Ипполитова, 2019

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

Founded in 2000

EDITOR-IN-CHIEF
Sergey V. Karpenko

EDITORIAL BOARD

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer,
W. Goldman, V. Karnialiuk, N. Kulinich, A. Pashkov, O. Pavlenko,
P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

Executive Secretary **P. Lebedev**
Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2019
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2019
© Ippolitov Publishing House, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Азнабаев Б.А., Джунджузов С.В.* Складывание системы управления башкирами Оренбургского края в XVIII веке6
- Семёнова Н.Л., Любичанковский С.В.* Оренбургские вице-губернаторы в первой половине XIX века: Функции, полномочия, персональный состав и факторы карьеры.....20
- Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л.* Медицинское освидетельствование в расследовании «лишения девства» в России середины XIX века.....42
- Васильев Д.В.* Проведение административной реформы 1868 года в Казахской степи: Судьба одной семьи.....61
- Костров А.В., Елохина Ю.В.* Сопротивление старообрядцев Восточной Сибири попыткам властей контролировать их численность в начале XX века.....77

Россия и мир

- Амбарцумян К.Р.* «Грузия нужна нам как временный буфер»: Международные факторы большевистской советизации Южного Кавказа (1920 – 1921 годы).....88

События и судьбы

- Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Хабидулина Э.К.* Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Восточную Сибирь и Синьцзян в 1889 – 1892 годах.....106
- Семенов К.К.* Генерал А.В. Фок: Русская смерть на испанской земле.....125

CONTENTS

Russian Statehood

- Aznabaev B.A., Dzhundzhuzov S.V.* The Emergence of the System of Governance for the Bashkirs in the Orenburg Region in the 18th Century.....6
- Semenova N.L., Lyubichankovskiy S.V.* The Orenburg Vice-Governors in the First Half of the 19th Century: Functions, Authority, Personal Information, and Career Factors.....20
- Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L.* The Medical Examination in the Investigation of “Deprivation of Virginity” in Mid-Nineteenth Century Russia.....42
- Vasilyev D.V.* The Implementation of the Administrative Reform of 1868 in the Kazakh Steppe: The Fate of a Family.....61
- Kostrov A.V., Elokhina Yu.V.* The Resistance of Old Believers in Eastern Siberia to Official Attempts to Monitor their Numbers at the Beginning of the Twentieth Century.....77

Russia and the World

- Ambartsumyan K.R.* “We Need Georgia as a Temporary Buffer”: International Factors in the Bolsheviks’ Sovietization of the South Caucasus (1920 – 1921).....88

Landmarks in Human History

- Martynov D.E., Martynova Yu.A., Khabibullina E.K.* Nikolay Katanov’s Scientific Journey to Eastern Siberia and Xinjiang (1889 – 1892).....106
- Semenov K.K.* General Anatoly V. Fok: A Russian Death on Spanish Soil.....125

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

Б.А. Азнабаев, С.В. Джунджузов

СКЛАДЫВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ БАШКИРАМИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В XVIII ВЕКЕ*

B.A. Aznabaev and S.V. Dzhundzhuzov

The Emergence of the System of Governance for the Bashkirs in the Orenburg Region in the 18th Century

Вопрос о складывании системы управления кочевыми и полукочевыми народами в Российском государстве остается одним из самых запутанных и малоисследованных как в отечественной исторической науке, так и в работах иностранных ученых. На сегодняшний день понимание этого и без того сложного вопроса еще дополнительно осложняется отголосками старых концепций, абсолютизовавших формационный подход в изучении кочевых и полукочевых обществ и их государственности.

В исторической литературе прочно утвердилось мнение, что система управления башкирами в XVI–XVII вв. строилась на основе феодального вассалитета с широкими правами самоуправления и феодальными привилегиями. Сами башкирские феодалы рассматривали свое подданство как «свободный вассалитет»¹. Теория кочевого феодализма, утверждающая классовое родство российской правящей верхушки и башкирских феодалов, не могла дать ясный ответ на вопрос о причинах и характере башкирских восстаний. В XVII–XVIII вв. эти вооруженные выступления сотрясали край каждые 10–15 лет. В них участвовала подавляющая часть башкирского населения. По своей ожесточенности и масштабам эти восстания менее всего напоминали сепаратистские выступления феодальной знати.

Если в российских исследованиях формирование системы

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на материалах урало-поволжских и центрально-азиатских территорий Российской империи)» (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете

управления башкирами рассматривалось с точки зрения формационной теории, то в западной историографии целиком возобладал колониальный подход. Западные исследователи утверждают, что подчинение («завоевание») башкир происходит только после резкого увеличения вооруженных сил на Южном Урале в 1730–1740-е гг.² При этом австрийский историк А. Каппелер считает, что, в отличие от казанских татар, башкиры даже в первой половине XIX в. не были интегрированы в социальную, правовую и управленческую систему Российского государства, а сохраняли особое административное положение. В конце XVIII в. они получили военный статус, примерно аналогичный тому, какой имели русские казаки, то есть были объединены в нерегулярное «башкирское войско», имевшее собственное военное управление³.

Однако в начале XX в. в России насчитывалось 11 казачьих войск общей численностью 4,4 млн человек, среди которых были мусульмане и буддисты. В соответствии с логикой австрийского историка, все они в социально-правовом отношении не были интегрированы в Российское государство. По его мнению, этносы утрачивают «особый социально-правовой статус» лишь в национальном государстве (etat-nation), к каковым Российское государство XVIII–XIX вв. причислить нельзя. Главной целью политики России в отношении кочевых и полукочевых народов являлось не включение их в ту или иную общегосударственную сословную группу, а создание действенной системы управления с участием лояльной элиты самих нерусских народов. В ряде исследований этот процесс получил название «интеграция».

По нашему убеждению, под интеграцией башкирского народа в социальную, правовую и управленческую систему России следует понимать создание местной администрации из башкир, непосредственно управляемой правительственными учреждениями.

Когда это произошло?

* * *

Во взаимоотношениях Российского государства с башкирами на протяжении второй половины XVI – первой половины XIX вв. отчетливо виден своеобразный водораздел. Именно в последней четверти XVIII в. прекращается длительная череда башкирских восстаний.

Возникает вопрос: почему после 1775 г. башкиры не поднялись ни на одно сколько-нибудь значительное вооруженное выступление? Более того, к началу XIX в. башкиры были признаны одним из самых лояльных короне народов. Башкирские иррегулярные подразделения занимали первое место по численности среди всех нерусских народов, участвовавших в военных кампаниях России первой половины XIX в.⁴

Таким образом, именно в последней четверти XVIII в. появилась действенная система управления, обратившая прежних возмутителей спокойствия в надежную опору имперской власти. В конце XVIII в. башкиры были переведены в военное ведомство с подчинением военному губернатору⁵. Введение кантонной системы привело к сформированию целого штата военных чиновников из башкир, которые подчинялись военным властям Оренбургской губернии, созданной в 1744 г. в составе Исетской и Уфимской провинций (до этого входили в Казанскую губернию).

С этого времени российское имперское правительство не только установило жесткий военно-административный контроль за положением дел в башкирских селениях, но и сформировало низовой управленческий аппарат, заинтересованный в исполнении распоряжений российских властей. В среднем под контролем одного чиновника находилось менее 50 башкирских дворов⁶.

Основной обязанностью башкирского населения становится несение пограничной службы на юго-восточной границе империи. Кроме того, башкиры активно привлекались к участию в военных действиях, которые вела Россия в первой половине XIX в. В Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии было задействовано 20 башкирских полков пятисотенного состава⁷. Положение башкирских военных формирований существенно отличалось от казачьих войск России. К примеру, башкиры владели своими вотчинными землями⁸. По воинской разверстке башкиры выставляли на службу значительно меньше полков, нежели казачьи войска.

Таким образом, в отношении башкир российские власти использовали метод военной интеграции, когда весь этнос переводился на положение служилого сословия с особыми правами и обязанностями.

Была ли такая форма интеграции характерна для всех кочевых или полукочевых народов?

* * *

Из всех кочевых народов Российской империи только башкиры были обращены в военно-казачье сословие по этническому принципу. Вторым по численности нерусским иррегулярным войском России стали ставропольские и оренбургские калмыки. Однако в последнем случае речь шла только о той небольшой части калмыков, которые, приняв православие в XVIII в., перешли в прямое подчинение оренбургским губернским военным властям.

Вступив во взаимодействие с башкирами, российские власти обнаружили общество, в котором не было представителей белой кости, стоящей над родовыми общественными органами. В начале XVIII в. Казанский губернатор П.М. Апраксин (Уфимская провинция входила в Казанскую губернию) посетовал в письме к царю Пе-

тру I на полное отсутствие у башкир ответственной элиты: «Народ их проклятый, многочисленный и военный, да безглавный, никаких над собой начал, хотя бы, такого как на Дону атаманы, и таких не имеют, приняться не за кого и чтобы особо послать не кому»⁹.

В 1735 г., уже при императрице Елизавете Петровне, российский государственный деятель и ученый, основоположник экономической географии России, И.К. Кирилов, назначенный главой Оренбургской экспедиции, созданной в 1734 г. для окончательного умирения башкир и организации управления ими, в своем рапорте в Кабинет Е.И.В. выразил ту же мысль: «...Ныне не имеют никого, но всяк большой, и для того посылаемые указы пишут обще тарханам, батырям и всем башкирцем, чего взыскать ни на ком нельзя»¹⁰. Несколько лет спустя, в беседе с тарханом Таймасом Шаймовым, В.Н. Татищев так объяснил представителям башкирского народа причины бедствий, обрушившихся на него в 1735–1740-х гг. («многие тысячи пропали»): «Между вами никакого начальника нет»¹¹.

Сам язык делопроизводства XVII – начала XVIII в. указывает на отсутствие в башкирском обществе лиц, обладавших правом решать от имени своего народа вопросы, затрагивающие общие интересы¹². В формулярах памятей, отправляемых уфимскими воеводами башкирам, как правило, отсутствует конкретный адресат. Указывали просто: «к башкирцам» или «ко всем башкирцам»¹³. Со своей стороны, сами восставшие башкиры подписывали свои послания так: «письмо от нас, башкир»¹⁴. Специфическая форма адресации «ко всем башкирам» сохраняется даже в XVIII в. В начальном протоколе указа от 28 декабря 1735 г. отмечен адресат: «Сибирской дороги башкирского народа обывателем»¹⁵.

Москве, а затем Санкт-Петербургу подобная неопределенность обращения была крайне неудобна, так как понятие «все башкирцы» лишено какой-либо правовой ответственности. Сами же главы башкирских родов категорически отказывались от роли полномочных представителей, ссылаясь на то, что все вопросы, связанные с состоянием войны, организацией военной службы, определением налогов и повинностей решаются только «мирским согласием»¹⁶. Между тем во взаимоотношениях российских властей с калмыками, казаками, ногаями, джунгарами, каракалпаками субъектом коммуникации выступали исключительно представители знати.

Чем же было обусловлено отсутствие в башкирском обществе элиты, стоящей над органами родового управления?

* * *

В отличие от кочевых народов Урала, Поволжья и Казахстана, в башкирском обществе XVII–XVIII вв. в отношениях между родоплеменными органами управления существовали только гори-

зонтальные связи. Напротив, у казахов, калмыков и ногаев роды не имели равный друг другу статус, и это неравенство обуславливалось различными причинами. Это могли быть демографические (людские ресурсы), политические (степень близости к правящему дому), экономические (контроль торговли с оседлыми народами) обстоятельства.

Однако в башкирском обществе эти факторы не играли никакой роли. В XV–XVII вв. в башкирский этнос вошли некоторые роды, имевшие высокий статус в Монгольской империи и государствах, образовавшихся на ее пространстве. При этом «знатность» не дала им никаких преимуществ перед коренными родами. Более того, у башкир были роды, образовавшиеся из плененных башкирами калмыков¹⁷.

Таким образом, на земле Южного Урала все роды получали равные права, независимо от числа своих родичей или прошлого статуса. Одна из башкирских поговорок вполне ясно отображает это равенство родовых органов разных поколений: «Степь – широкая земля, для молодых и старых – равная земля».

Эгалитарный характер башкирского общества сохранялся даже в случае вхождения в состав империи. Поскольку башкирское общество не знало системы ответственного представительства, то каждый род принимал решение о вхождении в состав Монгольской империи самостоятельно. Добровольность подчинения давала гарантии сохранения самоуправления. Родоплеменные органы башкир не имели непосредственного подчинения чингизидам, возглавлявшим улусы. Письменные памятники и археологические исследования не подтверждают наличия на территории Башкирии административных или торговых центров XIII–XV вв. Река Урал являлась естественной границей с юга и востока между Башкирией и улусами Золотой Орды.

Добровольное вхождение башкир в состав Московского государства проходило по схожему сценарию. Каждый род самостоятельно принимал решение о подданстве. Однако в отличие от чингизидов, московское правительство, еще при Иване Грозном, создало в крае свой военно-административный центр – город-крепость Уфа. Несмотря на это, принятие российского подданства башкирами не приводит к включению башкирской знати в российское служилое сословие в статусе служилых татар или иноземцев. В административном отношении вплоть до середины XVIII в. башкирские старшины не зависели от уфимских воевод. Однако это не означало, что башкирская элита была суверенна в принятии решений. Ни один вердикт (от смертной казни до объявления войны) не мог быть вынесен одними только представителями родовой знати.

Кто же имел подобные полномочия?

Документы, отражающие историю многочисленных башкирских восстаний, свидетельствуют о том, что высшей властью в башкирском обществе обладали только йыйыны – народные съезды¹⁸.

В XVII–XVIII вв. общешкирские йыйыны собирались в тех случаях, когда необходимо было принимать решения, затрагивающие интересы всех башкир. Так было, например, в 1721 г., когда башкиры решали вопрос о возобновлении российского подданства, прерванного в результате восстания 1704–1711 гг.¹⁹

В делопроизводственных документах российских учреждений йыйыны назывались «мирскими советами»²⁰.

О том, что йыйыны отнюдь не были только советами знати, говорят масштабы подобных собраний. В феврале 1737 г. руководители восстания на Ногайской дороге предложили башкирам Казанской дороги «послать во все волости дабы съезжались к ним для совету, почему в показанную деревню Козееву съехались со всей Казанской дороги дворов тысяч 5»²¹, то есть в принятии решения участвовало не менее 15 тыс. человек, способных носить оружие.

В башкирском обществе считалось, что никакие меры, затрагивающие интересы народа, не могут приниматься без «мирского согласия». В июне 1735 г. сотник Надыровской волости Надыр Уразметев сообщил властям о состоявшемся на реке Дема собрании башкир Ногайской дороги. На йыйыне Надыр Уразметев и другие башкиры, побывшие в Москве и подписавшиеся «служить без мирского ведома», были приговорены к смерти²².

В 1745 г. один из участников трагических событий 1735–1740 гг. Сапар Осипов сообщал властям, что уже в 1731 г. правительство нарушило установленный порядок, согласно которому любые действия российских властей в Башкирии должны быть согласованы с решениями йыйынов. По его мнению, именно это обстоятельство стало одной из причин восстания: «В прошлом 1731 г. приезжал из Санкт-Петербурга в Уфу Иностранной коллегии бывшей переводчик Алексей Тевкелев, кой ныне брегадиров, взял к себе в товарищи из оных башкирцев коштанов без мирского совету, отменил вышеписанный порядок, и поехал в Киргиз-Кайсацкую Орду. А некоторые башкирцы были с ним по службе, токмо была между народу молва, что де он, Тевкелев, поехал для призыву киргиских ханов с их владениями е.и.в. в подданство и положения на них ясаку. На что оной башкирской народ между собою разсуждали, что де оного киргиского народу состояние их издревле знаем, они де люди не постоянные е.и.в. подданные, и с нами жить не будут»²³.

Аналогичная ситуация повторилась в начале июня 1735 г., когда на реке Чесноковке собралось 500 башкир, направивших в Уфу двух представителей с просьбой разъяснить цель подготовки Кириловым экспедиции на реку Орь. Из-за постоянных набегов башкир-

ских отрядов на города и заводы, строящиеся в Оренбургском крае, глава Оренбургской экспедиции был сторонником самых жестких мер по отношению к башкирам. По его приказанию выборных башкир высекли и заключили в тюрьму. Вторая партия их выборных была уполномочена собранием добиваться разрешения на поездку в Санкт-Петербург. И членов второй партии по приказанию Кирилова высекли (один от побоев умер) и бросили в тюрьму²⁴.

Такое попрание российскими военными и гражданскими властями обычая мирского обсуждения мероприятий, задуманных и осуществляемых этими властями, было воспринято башкирским обществом как разрыв, уничтожение «обратной связи», гарантировавшей в их глазах прочность отношений между башкирами и российским имперским правительством.

Российские власти начала XVIII в. не имели опыта прямого управления большими этническими сообществами (150 тыс. человек), в которых любое распоряжение властей приобретало легитимность только после одобрения народными собраниями. Ситуация осложнялась тем, что башкиры имели независимую от государства организацию племенного ополчения, контролировавшую юго-восточную границу растущей империи.

В 1730 г. Казанский губернатор А.П. Волынский, будущий кабинет-министр Анны Иоанновны, считал, что башкиры не могут быть лояльными подданными России, поскольку, дескать, мусульманские народы изначально враждебны христианскому государству²⁵. Самым разумным и действенным средством для обуздания башкир Волынский считал военные, политические и экономические меры, призванные сократить численность башкирского населения. Согласно его расчетам, вполне достаточным было бы уменьшение населения в два раза. Волынский полагал, что вовлечение башкир во всякого рода военные действия на юго-восточной границе является наиболее действенным и дешевым средством для достижения данной цели.

Воплощению далеких от человечности замыслов Волынского способствовала и внешнеполитическая ситуация на южной границе Уфимской провинции. В начале XVIII в. под натиском джунгар к Яику и Илеку подошли казахи Младшего Жуза. После восстания 1704–1711 гг., завершившегося перемирием, российские власти не имели никаких достоверных сведений о военных возможностях башкир, их численности и намерениях. По мнению Волынского, война башкир с соседями, наряду с неизбежными людскими потерями, должна была продемонстрировать реальные возможности башкирского племенного ополчения.

Тем не менее, проект Волынского не был одобрен и реализован, так как он фактически перечеркивал стратегические цели российского правительства в Средней Азии. Убежденность Волынского в том, что государства, в котором существуют народы разных религий,

во все времена несли в самих себе угрозу распада. Эта его убежденность основывалась на многочисленных примерах из средневековой византийской истории, а также из персидской истории. Он считал, что мусульманские подданные, будучи внутренним врагом Российского государства, всегда будут готовы поддержать единоверцев в их священной войне против России. Несмотря на то, что в целом проект Волынского был отвергнут, отдельные его положения, касающиеся провоцирования пограничных конфликтов и установления контроля над мусульманским духовенством, были воплощены в жизнь во второй половине XVIII в.

Российское правительство реализовало основные идеи другой программы – той, которую предложил новый глава Оренбургской комиссии (в 1737 г. экспедиция была реорганизована и переименована в комиссию) В.Н. Татищев, известный государственный деятель, инженер, географ и историк. Ключевые положения проекта включения башкир в социальную, правовую и управленческую систему России Татищев изложил в ходе подавления башкирского восстания 1735–1740 гг. Он предложил ряд законодательных мер, нацеленных на постепенный перевод всего башкирского народа в военное состояние.

В чем заключалась новаторская суть проекта Татищева?

* * *

В декабре 1736 г. Татищев сообщил в Сенат о предпринятой им реорганизации управления башкирами: «Их безначальных в страхе и добром порядке содержать неудобно, разсудил выбрать из них до указа е.и.в. старшин и сотников»²⁶.

По существу Татищев предложил создать в башкирских волостях иерархическую систему администрации по типу управления помещичьими крестьянами: «Для того у нас в шляхетских деревнях в каждой десятник, над несколькими сотник, потом выборной и староста, над тем прикащик, которые над людьми надзирают и их в страхе содержат; подчиненные их почитают и слушают беспрекословно»²⁷.

Эту же мысль Татищев стремился донести и до башкирской элиты, чей авторитет не признавался даже собственными детьми: «Лучшие же люди и особливо богатые, а паче старики умные, тому [Восстанию. – Б.А., С.Д.] не пристали, разве по нужде в обществе находились, многия же детей своих не могли от того зла удержать»²⁸.

Глава Оренбургской комиссии обратил внимание на то, что независимость башкирской знати основывалась на той организаторской роли, которую она играла в охране юго-восточной границы государства. Массовое строительство пограничных крепостей и редутов в 1730–1740-е гг. не только ограничило откочевку башкир за пределы досягаемости российских властей, но и поставило под вопрос

необходимость существования башкирской родовой знати. И Татищев предложил подчинить организацию племенного ополчения непосредственно командирам крепостей и редутов, создав новые элементы низовой администрации из башкир.

Его неожиданным решением было введение принципа выборности старшин, который должен был заменить традиционный институт наследования должности. Новый, демократический, порядок выборности старшин не сплотил, а, напротив, расколол башкирское общество. В башкирских кочевьях образовались «партии», поддерживающие того или иного кандидата. Стороны апеллировали к оренбургским властям, сообщая обо всех антиправительственных действиях соперников.

Так уже в середине XVIII в. в башкирском обществе начинает формироваться система управления, состоящая из выборной администрации, полностью зависимой от оренбургских губернских властей. Перевод башкир в военно-служилое сословие в конце XVIII в. лишь оформил в правовом отношении социальные, правовые и административные изменения, инициированные Татищевым.

Вместе с тем любые радикальные общественные изменения обречены на провал в том случае, если основные элементы «нового порядка» уже не представлены в актуальном настоящем.

Была ли башкирам известна модель иерархизированного общества с жесткой системой ответственности?

* * *

Американский антрополог, специалист по азиатским исследованиям, Д. Снит своей монографии «Безголовое государство» попытался на примере монголов доказать, что в при изучении кочевых народов (кочевых народов, живущих за счет скотоводства и развивающихся в своих специфических этнокультурных условиях) необходимо обратиться к дискурсу феодального общества. Причем под последним он своеобразно понимает любое иерархически построенное общество. Вместе с тем, он экстраполировал свои наблюдения конкретного кочевого общества, существовавшего в определенную эпоху, на кочевников всех времен и народов²⁹.

Однако история башкир XVI–XVIII вв. демонстрирует их функциональный подход к властным иерархическим органам, которые возникали только в период войн или крупномасштабных восстаний.

Кочевники знают только одну форму безусловного подчинения. Это – иерархия военного времени, которая в определенных условиях способна не только ограничить, но и полностью вытеснить власть родоплеменной знати. Улусная система империи монголов показала, насколько легко разрушаются родоплеменные органы в обстановке военной экспансии³⁰.

В мирное время в башкирском обществе господствовали горизонтальные связи, которые не позволяли иерархическим органам, возникавшим в военное время, приобрести постоянный институциональный характер. Подчинив башкир военному командованию, российские власти придали иерархическим органам чрезвычайного времени постоянный характер. В определенной степени эта милитаризация управления башкирами была оправдана тем, что она началась в условиях военного конфликта между казаками и башкирами, приобретшего в 30–40-е гг. XVIII в. характер затяжной степной войны.

С построением башкирского общества на принципах военной субординации у российских имперских властей впервые появилась возможность непосредственного управления башкирскими общинами.

Таким образом, только с реорганизацией башкирского общества 1730–1740-х гг. начинается постепенная интеграция башкир в социальную, правовую и управленческую систему Российской империи.

Окончательно это процесс завершается с переводом башкирского народа в военно-служилое сословие в конце XVIII в.

Примечания Notes

¹ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737 – 1739 гг. Москва; Ленинград, 1950. С. 127.

² Donnelly A.S. The Russian Conquest of Bashkiria, 1552 – 1740: A Case Study in Imperialism. New Haven; London, 1968; Steinwedel Ch. Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552 – 1917. Bloomington (IN), 2016. P. 112, 113.

³ Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung – Geschichte – Zerfall. München, 1992.

⁴ Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. Москва, 2014.

⁵ Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798 – 1865 гг.). Уфа, 2005. С. 34, 35.

⁶ Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798 – 1865 гг.). Уфа, 2005. С. 56.

⁷ Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя»: Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. Москва, 2014. С. 15–17.

⁸ Шакурова Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX в. Уфа, 1992. С. 79, 80.

⁹ Российский государственный архив древних актов. (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. Д. 1 Л. 179.

¹⁰ Материалы по истории Башкортостана: Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа, 2002. С. 100.

¹¹ Там же. С. 264.

¹² *Азнабаев Б.А.* Социальная структура башкирского общества в терминологии делопроизводственных документов XVII в. // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. XVII. № 1 (1). С. 728–730.

¹³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Москва; Ленинград, 1936. С. 168–171.

¹⁴ Там же. С. 166.

¹⁵ Материалы по истории Башкортостана: Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа, 2002. С. 132.

¹⁶ Там же. С. 133.

¹⁷ *Валиди Тоган А.-З.* История башкир. Уфа, 2010. С. 53.

¹⁸ *Азнабаев Б.А.* Башкирская политика XVII – XVIII вв. // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 72–74.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 172.

²⁰ Материалы по истории Башкортостана: Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа, 2002. С. 658.

²¹ Там же. С. 368.

²² Там же. С. 30.

²³ Там же. С. 659.

²⁴ Там же. С. 492.

²⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Москва; Ленинград, 1936. С. 302, 303.

²⁶ Материалы по истории Башкортостана: Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа, 2002. С. 269.

²⁷ Там же. С. 264.

²⁸ Там же. С. 265.

²⁹ *Sneath D.* The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. *New York, 2009. P. 23.*

³⁰ *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства. Уфа, 2005.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Азнабаев Булат Ахмерович – докт. ист. наук, профессор, Башкирский государственный университет (Уфа)
azbulattt@rambler.ru

Джунджузов Степан Викторович – докт. истор. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург)
Djund@yandex.ru

Система действенного управления башкирами возникла почти через два столетия после добровольного принятия ими российского подданства. Проблема заключалась в отсутствии в башкирском обществе ин-

ституциональной элиты, стоящей над родоплеменными органами управления. В отличие от других кочевых народов юго-востока России, башкирские роды не образовывали иерархии. Все важнейшие решения (от вынесения смертных приговоров преступникам до объявления войны) принимались только на народных съездах. По этой причине применить к башкирам испытанный метод интеграции через инкорпорацию наиболее лояльной части этнической элиты в служилое сословие Российского государства не представлялось возможным. По условиям добровольного вхождения в состав России башкиры обязались самостоятельно охранять юго-восточную границу, и по этой причине у них была сохранена независимая от российских властей организация племенного военного ополчения. Любое административное давление на башкир приводило к вооруженным выступлениям, для подавления которых у российских властей не было достаточных сил. Решение башкирского вопроса было найдено в середине XVIII в. Введение новой системы управления башкирами не было связано с военным принуждением или «завоеванием», на чем настаивают некоторые зарубежные исследователи. Главные идеи реорганизации управления башкирами принадлежали главе Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву, который в конце 1730-х гг. предложил правительству отменить традиционный порядок наследования старшинской должности и ввести принцип выборности. Избранные старшины должны были образовать иерархическую административную вертикаль, подчиненную местным властям. Эта реформа не встретила сопротивления башкир, поскольку иерархическая структура общества с жесткой дисциплиной соответствовала их представлениям о военном положении, что в тот период было оправдано ухудшением отношений между башкирами и казаками. С преобразованием башкирского общества на принципах военной субординации у российских властей впервые появился инструмент прямого управления башкирскими общинами.

Кочевники, полукочевники, башкиры, Волжско-Уральский регион, Башкирская губерния, государственное управление, реформа государственного управления, община, общинная элита, общинное самоуправление, племенное ополчение, Азиатские исследования, А.П. Вольтер, И.К. Кирилов, В.Н. Татищев.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Aznabayev, B.A. Bashkirskaya politiya XVII – XVIII vv. [Bashkir Public Administration in 17th and 18th Centuries.] *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kultura*, 2015, no. 6, pp. 72–74. (In Russian).

2. Aznabayev, B.A. Sotsialnaya struktura bashkirskogo obshchestva v terminologii deloproizvodstvennykh dokumentov XVII v. [The Social Structure of the Bashkir Society in the Terminology of Office Documents of the 17th Century.] *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2012, vol. 17, no. 1 (1), pp. 728–730. (In Russian).

(Monographs)

3. Asfandiyarov, A.Z. Kantonnoye upravleniye v Bashkirii (1798 – 1865 gg.) [Cantonal Administration in Bashkiria, 1798 – 1865.]. Ufa, 2005, 255 p. (In Russian).
4. Aznabaev, B.A. Integratsiya Bashkirii v administrativnyuyu strukturu Rossiyskogo gosudarstva [Integration of Bashkiria into the Administrative Structure of the Russian State.]. Ufa, 2005, 228 p. (In Russian).
5. Donnelly, Alton S. The Russian Conquest of Bashkiria, 1552 – 1740: A Case Study in Imperialism. Yale University Press, 1968, 214 p. (In English).
6. Kappeler, Andreas. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung – Geschichte – Zerfall. C.H. Beck, 1992, 395 p. (In German).
7. Rakhimov, R.N. Na sluzhbe u “Belogo tsarya”: Voyennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v. [In the Service of the “White Tsar”: Military Service of Non-Russian Peoples of the South-East Russia in 18th – first half of 19th Centuries.]. Moscow, 2014, 542 p. (In Russian).
8. Shakurova, F.A. Bashkirskaya volost i obshchina v seredine XVIII – pervoy polovine XIX v. [Bashkir Volost and Community in the middle of 18th – first half of 19th Centuries.]. Ufa, 1992, 137 p. (In Russian).
9. Sneath, David. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. *Columbia University Press*, 2009, 273 p. (In English).
10. Steinwedel, Charles. Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552 – 1917. Indiana University Press, 2016, 381 p. (In English).
11. Ustyugov, N.V. Bashkirskoe vosstanie 1737 – 1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737 – 1739.]. Moscow, Leningrad, 1950, 156 p. (In Russian).
12. Velidi Togan, Ahmed Z. Istoriya bashkir [The History of the Bashkirs.]. Ufa, 2010, 348 p. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Bulat A. Aznabaev – Doctor of History, Professor, Bashkir State University (Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia)
azbulattt@rambler.ru

Stepan V. Dzhundzhuzov – Doctor of History, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)
Djund@yandex.ru

The system of efficient governance over the Bashkirs emerged almost two centuries after they had voluntarily taken out Russian citizenship. The problem was the lack of institutional elite above the tribal government. Unlike other nomad peoples in the south-east of Russia Bashkir tribes did not form hierarchy. All important decisions from death sentences to declarations of war were taken only at people’s assemblies. This fact ruled out the tested integration method to

be applied to the Bashkirs to incorporate the most loyal part of ethnic elite into the service class of the Russian state. Under the terms of voluntary integration into Russia Bashkirs undertook to independently guard the south-eastern border which allowed the Bashkirs to preserve their tribal militia that was not to report to Russian authorities. Any administrative pressure on the Bashkirs would cause military uprising which the Russian authorities did not have enough strength to suppress. The solution of the Bashkir issue was found in mid-18th century. The new system of governance for the Bashkirs did not mean coercion by force or “conquest” as some foreign scholars insist. The main ideas of reorganized governance for the Bashkirs belong to V.N. Tatishchev, head of the Orenburg Commission, who called on the government to repeal the common practice of inheriting senior’s position and introduce the elective principle. Elected seniors were supposed to constitute hierarchical administrative vertical that was to report to local authority. This reform was not confronted by the Bashkirs as such hierarchical community structure with rigid discipline corresponded to their own idea of martial law, which was justified at that time by worsened relations between the Bashkirs and Kazachs. With the Bashkir community being transformed on the principle of military subordination, the Russian authorities acquired an instrument for direct governing the Bashkir communities.

Nomads, semi-nomads, Bashkirs, Volga-Ural region, Bashkir Province, governance, governmental reform, community, community elite, community self-government, tribal militia, Asian Studies, Artemiy P. Volynsky, Ivan K. Kirilov, Vasiliy N. Tatishchev.

**ОРЕНБУРГСКИЕ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРЫ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
ФУНКЦИИ, ПОЛНОМОЧИЯ, ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ
И ФАКТОРЫ КАРЬЕРЫ**

N.L. Semenova and S.V. Lyubichankovskiy

**The Orenburg Vice-Governors in the First Half of the 19th
Century: Functions, Authority,
Personal Information, and Career Factors**

История местного государственного управления Российской империи включает в себя исследование значительного круга вопросов: поиски оптимального административно-территориального устройства; разграничение функций учреждений во властной вертикали; определение принципов и форм горизонтали управления; взаимодействие центральной власти и местных элит. Особое значение имеет анализ кадрового потенциала государственных учреждений, поскольку именно чиновничество выполняло решения верховной власти, обеспечивая функционирование системы управления на территории огромной Российской империи. Данная проблематика широко представлена в работах не только отечественных, но и зарубежных ученых¹.

В современной историографии изучение высшего руководства Оренбургской губернии – генерал-губернаторов, военных и гражданских губернаторов в XIX – начале XX вв. – является довольно известным исследовательским сюжетом. Однако парадоксальным образом институт вице-губернаторства в первой половине XIX в. остается вне поля зрения историков. Имеется единственная специальная статья о вице-губернаторах Уральского региона конца XIX – начала XX вв., предлагающая методологическую схему анализа их кадрового состава².

В данной статье мы попытались проанализировать функции, полномочия, персональный состав оренбургских вице-губернаторов и основные факторы, влиявшие на их продвижение по службе, в первой половине XIX в. В этот период происходит утверждение принципов министерской системы в местном управлении, поэтому важно проследить, насколько губернская администрация соответствовал новым требованиям и могла эффективно решать стоявшие перед ней задачи.

Данные исследовательские вопросы решаются в статье на основе законодательных актов и делопроизводственных документов, прежде всего формулярных списков, материалов заседаний Комитета министров, внутриведомственной переписки, губернаторских

* * *

В соответствии с «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г., вице-губернатор являлся третьим лицом в губернии после наместника (генерал-губернатора) и правителя (губернатора). Вице-губернатор – это поручик правителя, который заседает в губернской Казенной палате, коллегиально управляемом учреждении (ведало все казенным управлением, включая казну и казенное имущество) вместе с директором экономии (чиновник Каченной палаты, другое название – директор домоводства), советником, двумя ассессорами и губерньским казначеем³. Должность вице-губернатора соответствовала чину V класса Табели о рангах, и относилась к высшей группе российского чиновничества (ее составляли те, кто был произведен в чин I – V классов)⁴.

Вице-губернатор назначался императором. В случае отсутствия военного губернатора и гражданского губернатора, вице-губернатор заступал место начальника губернии. В этом случае, как ответственный за состояние управления губернией, он мог проводить ревизию губернской денежной казны.

Следующим шагом регламентации функций вице-губернатора стало принятие «Наставления для производства дел в казенных палатах» 1781 г⁵. Оно подтвердило высокий статус вице-губернатора, определив, что ему, «яко старшему члену и председательствующему в казенной палате, никакой особой экспедиции не поручается», а иметь ему управление над всеми чинами и делами в казенной палате», где «за все он отвечает»⁶. Предметом его особой заботы считалась исполнительность всех чиновников Казенной палаты. Для этого он должен был вести журнал «о неисправности каждого». Под непосредственным начальством вице-губернатора находились секретарь, бухгалтер и архивариус со своими канцеляриями⁷.

Манифест от 8 сентября 1802 г. положил начало проведению министерской реформы, которая, по общему мнению историков, раздробила местное управление. Основной тенденцией развития местных учреждений в XIX в. было их обособление от губернатора и распределение по различным ведомствам. Вице-губернатор и Казенная палата перешли в ведение Министерства финансов, губернаторы оставались в зависимости от Сената, а губернское правление вошло в ведомство Министерства внутренних дел. Подчиненность вице-губернатора Министерству финансов давала ему определенную независимость в системе местного управления. Министерство финансов определяло политику доходов и расходов государства. От решения министра финансов зависело бюджетное финансирование всех ведомств, решение вопросов о назначении пенсий, пособий, изменение штатов и т.п.⁸

«Наказ гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г. был призван четко регламентировать функции губернатора и преодолеть ведомственную разобщенность⁹. Он вводил новый порядок, согласно которому вице-губернатор становился старшим советником губернского правления, а «нынешних» вице-губернаторов следовало «переименовать в Председатели Казенных Палат». Вместе с «Наказом» от 3 июня было принято «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях»¹⁰.

Статья 1 этого документа устанавливала, что все дела губернского правления решаются в присутствии во главе с гражданским губернатором. В его состав входили четыре советника, старший из которых – вице-губернатор – назначался на должность императором по представлению министра внутренних дел. Особое внимание вице-губернатора сосредотачивалось на 1-м отделении губернского правления, которое обнародовало законы, постановления, наблюдало за их исполнением; контролировало течение дел, заведовало служащими и проживающими в губернии чиновниками, определением их на службу и увольнением¹¹.

Чиновники 1-го отделения губернского правления назначались Сенатом по представлению вице-губернатора.

Так вице-губернатор стал чиновником Министерства внутренних дел, состоящим в непосредственном подчинении губернатора.

2 января 1845 г. было принято «Учреждение губернских правлений», определившее штат правления и впервые четко обозначившее полномочия вице-губернатора¹².

Прямое назначение вице-губернатора состояло в том, чтобы быть «непосредственным помощником и сотрудником начальника губернии по всем частям управления оною»; иметь «ближайший и ответственный надзор по всем частям Губернского Правления», наблюдая при этом за делопроизводством и порядком; «заступать временно место начальника губернии», когда тот отсутствует¹³.

Вице-губернатор должен был присутствовать во всех губернских комитетах, комиссиях и учреждениях, «состоящих под председательством начальника губернии». Губернатор мог поручить вице-губернатору «обозрение городских и уездных управлений». Один раз в полгода вице-губернатор должен был проверять делопроизводство по всем отделениям Губернского правления и докладывать начальнику губернии о результатах.

Таким образом, «Учреждение губернских правлений» 1845 г. четко установило, что вице-губернатор – это «помощник» начальника губернии, и очертило круг его обязанностей и сферу ответственности.

* * *

Персональный состав и социокультурный облик вице-губерна-

торов как представителей начальства Оренбургской губернии позволяют восстановить формулярные списки и материалы делопроизводства.

В первой половине XIX в. на должность оренбургского вице-губернатора были назначены и состояли в этой должности, сменяя один другого, 14 человек:

действительный статский советник П.И. Яковлев (октябрь – ноябрь 1800 г.);

действительный статский советник Ф.З. Кривошеин (1800 – 1804 гг.);

статский советник Н.С. Романовский (1804 – 1811 гг.);

статский советник И.Ф. Федоров (1811 – 1818 гг.);

коллежский советник Д.А. Воеводский (1818 – 1819 гг.);

статский советник М.Н. Сушков (1819 – 1821 гг.);

надворный советник Н.Д. Хирьяков (1821 – 1828 гг.);

коллежский советник П.В. Безобразов (1828 – 1834 гг.);

статский советник В.И. Лавров (1834 – 1836 гг.);

коллежский советник К.А. Случевский (1836 – 1838 гг.);

коллежский советник К.Н. Григорьев (1838 – 1841 гг.);

статский советник А.А. Македонский (1841 – 1852 гг.);

коллежский советник Г.С. Аксаков (1852 – 1853 гг.);

статский советник Е.И. Барановский (1853 – 1857 гг.).

К настоящему времени обнаружены формулярные списки 10 вице-губернаторов (71 %). В ряде случаев делопроизводственные документы позволяют уточнить хронологию назначений. Так, в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) сохранился указ от 22 октября 1800 г. о назначении председателя Пермской палаты суда и расправы действительного статского советника П.И. Яковлева на вакансию вице-губернатора в Оренбургскую губернию¹⁴. Однако он не приступил к исполнению своих обязанностей, поскольку в ноябре 1800 г. был назначен орловским губернатором. Возможно, причина получения нового назначения в центральную губернию состояла в протекции со стороны его тестя – сенатора П.И. Новосильцева.

Отсутствуют формуляры вице-губернаторов первой четверти XIX в.: действительного статского советника Ф.З. Кривошеина, статских советников И.Ф. Федорова и М.Н. Сушкова. В этот период послужные списки губернских чиновников составлялись плохо и несвоевременно. Несмотря на то что практика составления формуляров чиновников начала складываться еще в 1760–1770-е гг., вплоть до 1830–1840-х гг. распоряжения правительства на этот счет просто не выполнялись¹⁵.

По чинам все 14 оренбургских вице-губернатора распределились следующим образом: действительных статских советников – 2 (П.И. Яковлев, Ф.З. Кривошеин, а А.А. Македонский получил этот чин уже в должности вице-губернатора в 1849 г.); статских советников

– 6; коллежских советников – 5; надворных советников – 1. Один вице-губернатор, М.Н. Сушков, имел придворное чин камер-юнкера. Подавляющее большинство вице-губернаторов имели чин V и VI классов.

По сословной принадлежности все 10 вице-губернаторов, чьи формулярные списки сохранились, были «из дворян».

Трое из них (Д.А. Воеводский, Н.Д. Хирьяков, Г.С. Аксаков) были родом из Оренбургской губернии; двое (Н.С. Романовский, П.В. Безобразов) – из Казанской; один (В.И. Лавров) – из Псковской; один (К.А. Случевский) – из Черниговской; один (А.А. Македонский) – из Киевской и один (Е.И. Барановский) – из Могилевской губерний.

Некоторые вице-губернаторы были связаны родством с известными фамилиями Оренбургской губернии.

Так, Н.Д. Хирьяков происходил из дворян Бугульминского уезда¹⁶. Его родителями были Анна Михайловна Аничкова, двоюродная сестра матери Сергея Тимофеевича Аксакова, М.Н. Зубовой, и небогатый дворянин, капитан Д.И. Хирьяков. Н.Д. Хирьяков приходился троюродным братом русскому писателю, чиновнику и общественному деятелю С.Т. Аксакову. Оренбургским вице-губернатором в 1852–1853 гг. служил и сын С.Т. Аксакова – Григорий Сергеевич.

Средний возраст вступления оренбургских вице-губернаторов в должность составлял 41 год. При этом пятеро вступили в должность от 30 до 40 лет; трое – от 40 до 50, двое – свыше 50 лет.

Таким образом, по материалам Оренбургской губернии общероссийская тенденция «взросления» бюрократии к середине XIX в., выявленная П.А. Зайончковским, не прослеживается¹⁷.

Имущественное положение вице-губернаторов, а именно земельные владения и число крепостных душ, установить довольно сложно. У 5 вице-губернаторов в формулярных списках отсутствуют сведения об имениях. Самое большое количество крепостных душ числилось за родителями статского советника Е.И. Барановского – 270, за матерью статского советника В.И. Лаврова – 200, за отцом коллежского советника П.В. Безобразова – 18. Статский советник Н.С. Романовский владел 53 крепостными душами, а надворный советник Н.Д. Хирьяков – 18.

Таким образом, среди вице-губернаторов преобладали мелкопоместные дворяне, для которых жалованье становилось основным источником существования.

* * *

По подсчетам П.А. Зайончковского, в середине XIX в. российские вице-губернаторы были образованнее «своих непосредственных начальников губернаторов»: 32,2 % из них окончили высшие

учебные заведения, 35,3 % имели среднее и 32,2 % получили домашнее образование¹⁸.

Рассмотрим уровень образования, знание управленческой реальности и профессионализацию оренбургских вице-губернаторов в 1800–1837 гг., когда они являлись председателями губернской Казенной палаты.

Основная часть оренбургских вице-губернаторов в это время рекрутировалась из числа бывших военных (Н.С. Романовский, Д.А. Воеводский, Н.Д. Хирьяков, К.А. Случевский), что соответствовало общероссийской практике формирования губернской элиты. Только два вице-губернатора (В.П. Безобразов и В.И. Лавров) получили образование в учебных заведениях.

* * *

Коллежский советник П.В. Безобразов окончил императорскую гимназию Казанского университета, которая готовила воспитанников для «отправления должностей как военной, так и штатской службы»¹⁹. После окончания гимназии он поступил на службу в Министерство юстиции, а в мае 1808 г. был определен на должность в канцелярию Главного директора водяных коммуникаций Министерства путей сообщения, за службу в которой получил высочайшее «благоволение в воздаяние усердия»²⁰.

Благодаря его способностям, усердию и полученному образованию, служебная карьера Безобразова проходила очень успешно: в 1810 г. он – помощник начальника стола Экспедиции водяных и сухопутных сообщений, в феврале 1811 г. – ему пожалован чин титулярного советника, а в марте того же года за усердную службу последовало его награждение по «высочайшему повелению» бриллиантовым перстнем. В 1812 г. Безобразов был переведен секретарем в канцелярию Совета при министре путей сообщения, где через год стал начальником стола. В 1814–1820 гг. следовали практически ежегодные награды: орден Св. Владимира 4 ст., дважды единовременные денежные выплаты по 400 руб. и дважды – по 1 000 руб.²¹ В 1822 г. он был определен в Государственную экспедицию для ревизии счетов гражданского ведомства, которая занималась проверкой приходно-расходных книг и документов.

В 1824 г. Безобразов был назначен начальником отделения в Департаменте Государственного казначейства Министерства финансов (созданный на базе Экспедиции о государственных доходах, этот департамент занимался приемом, хранением, выдачей государственных денежных средств).

Во время службы в Оренбургской губернии в 1829 г. Безобразову было объявлено «удовольствие» Сената за пересмотр и решение нескольких сложных дел, в 1832 г., а 10 марта 1833 г. Сенат «в награду отлично-усердной службы и неумолимых трудов тамошним воен-

ным губернатором засвидетельствованных» пожаловал ему «в вечное и потомственное владение 3000 десятин»²². Однако Безобразов землю получить не успел, поскольку в начале 1834 г. скоропостижно умер.

В марте 1834 г. его жена подала прошение Оренбургскому гражданскому губернатору Н.В. Жуковскому, в котором просила «назначить» ей как вдове пожалованную землю в Мензелинском уезде «из дач, отрезанной от села Богородского помещиков Мусиных-Пушкиных и Кадомцева по смежности сей дачи с имением ее»²³. У самой Е.А. Безобразовой в Лайшевском уезде Казанской губернии имелось 262 душ крестьян и 1 726 десятин земли. Гражданский губернатор передал просьбу вдовы Оренбургскому военному губернатору графу В.А. Перовскому, добавив: «...Прошу к удовлетворения оной просьбы из-за внимания к детям Безобразовой которые не имеют никакого другого наследства»²⁴. У Безобразовых было четверо детей: Василий 6 лет, Алексей 5 лет, Дмитрий 3 года, Павел 2 года²⁵.

Окончательное решение вопроса было передано на рассмотрение министра финансов Е.Ф. Канкрина. 21 июня 1834 г. в Оренбурге был получен его ответ: «...В Мензелинском уезде такая раздача запрещена, ибо в оном излишней земли нет... почему не могу ходатайствовать о наделении»²⁶.

* * *

Оренбургский вице-губернатор статский советник В.И. Лавров получил военное образование, окончив в 1796 г. Пажеский корпус, являвшийся престижным военно-учебным заведением. Службу начал поручиком в Каргопольском драгунском полку. С 1801 г. служил в Провиантском штате²⁷.

В декабре 1823 г. он был определен на должность обер-провиантмейстера 1-го пехотного корпуса. В 1831 г. последовало его увольнение из Провиантского штаба по болезни с пенсией «по 800 руб.». Но уже спустя два года, в 1833 г., Лавров был включен в число чиновников по особым поручениям Министерства финансов, а 20 апреля 1834 г. назначен оренбургским вице-губернатором с чином статского советника²⁸.

Ознакомившись с положением дел в Казенной палате, Лавров в августе 1834 г. составил доклад министру финансов Е.Ф. Канкрину «О мерах к устройству Оренбургской казенной палаты». В докладе он указал на многочисленные беспорядки в палате, связанные с «недостатком усердия большей части членов», которые «не являются к должности» (то есть попросту не ходят на службу), или «исправляют должность», то есть выполняют свои служебные обязанности) без «малого усердия и пользы»²⁹. В палате накопилось большое количество неисполненных дел и бумаг, более 40 человек просителей, являясь каждый день, не могли «получить себе хоть какое-либо

удовлетворение в течении нескольких месяцев», и обратились с жалобой к начальнику губернии. Лавров писал министру: «...О всех нарушениях Вам уже наверное известно из донесений находящегося здесь с ревизией статского советника Дубецкого»³⁰.

При этом новоиспеченный вице-губернатор был уверен, что нельзя обвинять его предшественника П.В. Безобразова в упущениях по службе, поскольку «видно, что он весьма желал улучшить порядок делопроизводства в палате, но не мог достигнуть его по неблагонадежности членов палаты»³¹.

Чтобы наладить работу подчиненного ему учреждения, Лавров сделал следующие распоряжения: 1) все чиновники должны были являться к должности в 7 и 8 часов утра, а «после обеда через три часа после утреннего выхода и заниматься часов до 9 вечера и не отлучаться из палаты без дозволения»³²; 2) необходимо уволить всех бесполезных чиновников, которые «не имели ни желания, ни способностей, являлись на службу нетрезвые»; 3) поручил специально назначенным чиновникам выявить все неисполненные бумаги с 1829 г.; 4) предложил, чтобы один советник Хозяйственного отделения всегда находился в отделении, занимался делопроизводством, и не выезжал в командировки. Лавров писал: «Главное, чтобы все поняли, что единственный путь исправления: каждодневно являться на службу и заниматься делами». И еще он считал правильным «не увольнять чиновников до тех пор, пока они исправят свои упущения по делам»³³. Вице-губернатор вынес вопрос о кадровых перестановках в Казенной палате на согласование с министром финансов, предлагая уволить трех чиновников.

Действия вице-губернатора встретили поддержку у военного губернатора В.А. Перовского, который в своем письме министру финансов Е.Ф. Канкрину сообщал: «...Считаю нужным свидетельствовать пред вами как об усердии г. статского советника Лаврова к оправданию сделанного ему вами милостивого доверия назначением в сию должность, так и необходимости заменить другими большую часть советников и чиновников казенной палаты, что по местной мне известности я полагаю первою мерой восстановления в палате порядка»³⁴.

Выводы вице-губернатора совпали с результатами ревизии Хозяйственного отделения Оренбургской казенной палаты статского советника Дубецкого. Доклад вице-губернатора и представление ревизора были рассмотрены на заседаниях Комитета министров 22 января и 5 февраля 1835 г. Комитет решил временного упразднить Соляное отделение в казенной палате, дополнительно включить в ее состав старшего землемера и двух чиновников по особым поручениям для рассмотрения накопившихся дел³⁵. «Неспособные» чиновники подали прошения об увольнении³⁶.

Служебное усердие вице-губернатора Лаврова не осталось незамеченным правительством, и 14 июня 1835 г. он был награжден

единовременно 4 тыс. руб. 27 августа 1835 г. за доставку в Департамент Государственного казначейства ведомостей о приходе и расходе по новой форме Лаврову была объявлена благодарность от министра финансов³⁷.

* * *

И другие оренбургские вице-губернаторы первой трети XIX в. почти все были отставными военными, в большинстве своем – из числа строевых офицеров.

Так, статский советник Н.С. Романовский был зачислен на военную службу в 12 лет в лейб-гвардии Преображенский полк. В военных действиях он не участвовал. В 1783 г. вышел в отставку, а в 1785 г. перешел на гражданскую службу и был назначен прокурором в Уфимский губернский магистрат³⁸.

В 1794 г. был назначен советником Оренбургской казенной палаты по части винной и соляной³⁹. В 1803 г. был назначен оренбургским вице-губернатором с чином коллежского советника, а в следующем году получил чин статского советника.

Коллежский советник Д.А. Воеводский «не имеет ни земли, ни крестьян»⁴⁰. Военную службу он начал в 1799 г., в возрасте 15 лет, в Оренбургском драгунском полку фанен-юнкером. В 1816 г. вышел в отставку по болезни с чином полковника и был «определен к статским делам». 3 декабря 1817 г. он был назначен оренбургским вице-губернатором⁴¹.

Военная служба оренбургского вице-губернатора надворного советника Н.Д. Хирьякова началась в 1800 г. подпрапорщиком Рыльского пехотного полка⁴². В 1813 г. он уволился в отставку, имея чин майора, через год его назначили городничим города Самара, а 9 марта 1817 г. перевели полицмейстером в Симбирск. В 1819 г. Хирьяков стал чиновником по особым поручениям Департамента разных податей и сборов Министерства финансов с чином надворного советника. 5 мая 1822 г., по именному указу, Хирьяков был назначен оренбургским вице-губернатором⁴³.

Коллежский советник К.А. Случевский начал службу в 1803 г. в Черниговском поветовом суде, который рассматривал уголовные и гражданские дела, выполнял нотариальные функции⁴⁴. В декабре 1812 г. Случевского перевели в Черниговский генеральный суд. В 1820 г. он продолжил службу в Инженерном департаменте Военного министерства, а 30 июня 1824 г. определен на службу в Исполнительную экспедицию Верховного Грузинского правительства. В феврале 1835 г. был назначен начальником гражданской канцелярией «управляющего пограничной частью» барона Г.В. Розена.

Однако Случевский не смог по состоянию здоровья продолжить службу, и решил перейти в ведомство Министерства финансов. Барон Г.В. Розен принял участие в дальнейшей судьбе своего подчи-

ненного, он писал министру финансов: «...Управляющий гражданской моей канцелярией... постоянно отличается усердною службой, всегда обращает на себя внимание начальства, что свидетельствуют многие полученные им награды»⁴⁵. Он просил определить своего подопечного «...на одну из имеющихся вице-губернаторских вакансий во внутреннюю губернию». Министр финансов Е.Ф. Канкрин ответил, что он «будет иметь ввиду Случевского», хотя «по редкости вице-губернаторских вакансий и множества чиновников, желающих ее, не могу обнадежить в скором времени»⁴⁶.

Все же Случевскому не пришлось долго ждать, уже 18 ноября 1836 г. он вступил в должность председателя Оренбургской губернской казенной палаты и оренбургского вице-губернатора⁴⁷.

Барон Г.В. Розен составил рекомендательное письмо в адрес военного губернатора Оренбургского края В.А. Перовского, который сам контролировал все кадровые перемещения. Розен писал о Случевском: «...Он более двенадцати лет служа при предместниках моих и при мне, испытан с отличной стороны как в отношении усердия к службе, так и примерной нравственности, ...я считаю обязанностью моей свидетельствовать о похвальной во всех отношениях службе и обратить ваше внимание на него»⁴⁸.

Случевский занимал должность вице-губернатора до 1838 г., а затем выполнял обязанности председателя Оренбургской губернской казенной палаты до 1856 г. Столь длительный срок пребывания во главе Казенной палаты подтверждает высокие оценки его деловых качеств, которые дал барон Г.В. Розен.

Таким образом, анализ формулярных списков показывает, что в первой трети XIX в. основная часть вице-губернаторов рекрутировалась преимущественно из бывших военных, которые по состоянию здоровья перешли на гражданскую службу. Образовательный ценз не являлся главным критерием при назначении. Большая часть чиновников имела домашнее образование. Однако все вице-губернаторы, за исключением коллежского советника Д.А. Воеводского и статского советника В.И. Лаврова, до приезда в Оренбургскую губернию уже имели значительный опыт гражданской службы в центральных и местных учреждениях ведомства Министерства финансов, получив необходимые знания на практике. Это было оправдано, поскольку служба председателя Казенной палаты требовала специальных знаний. Практически все оренбургские вице-губернаторы 1800–1838 гг. имели награды и благодарности от правительства.

* * *

У вице-губернаторов 1830–1850-х гг. уровень образования был несколько выше. Особую роль в подготовке чиновников сыграло Императорское училище правоведения – одно из наиболее престиж-

ных высших учебных заведений России, открытое в 1835 г. в Санкт-Петербурге. Сразу два оренбургских вице-губернатора – коллежский советник Г.С. Аксаков и статский советник Е.И. Барановский – получили высшее образование, окончив училище в 1840 г.

Вице-губернатор коллежский советник Г.С. Аксаков занимал должность чуть больше года. При этом он пять раз исполнял обязанности Оренбургского гражданского губернатора⁴⁹. Аксаков после окончания Училища правоведения начал службу в канцелярии II департамента Сената, затем служил товарищем председателя Владимирской палаты гражданского суда⁵⁰.

5 декабря 1846 г. коллежский асессор Аксаков был назначен Оренбургским губернским прокурором, потом – вице-губернатором. В 1853 г. Аксаков по личному прошению был уволен с должности и назначен Самарским вице-губернатором. В 1861 г. он вновь приехал в Оренбургскую губернию уже в качестве представителя правительства для работы в дворянском Комитете по устройству быта помещичьих крестьян. Впоследствии Аксаков был назначен сначала Оренбургским гражданским губернатором (1861 г.), а после разделения губернии на две – первым Уфимским губернатором (1865 г.).

Незаурядная личность оренбургского вице-губернатора статского советника Е.И. Барановского уже привлекала пристальное внимание современных историков, чему в немалой степени способствовал хранящийся в ГАОО личный фонд Е.И. Барановского⁵¹. Исследователи пришли к выводам, что вице-губернатор Барановский придерживался прогрессивных взглядов, выступал убежденным противником произвола помещиков, защищал крепостных крестьян. Местные дворяне прозвали его «красным губернатором»⁵².

Первым местом службы Барановского после окончания с отличием Училища правоведения стал III департамент Сената⁵³. Уже через год за «усердия и рвение при исполнении возложенных на него обязанностей» ему была объявлена признательность от министра юстиции. В 1841 г. Барановский был назначен на должность секретаря канцелярии Министерства юстиции.

С января 1845 г. он исполнял должность старшего члена Таганрогского коммерческого суда, в ноябре был утвержден членом местного попечительного комитета о тюрьмах. В 1846 г. его перевели на должность младшего секретаря Синода, но уже в 1847 г. – на должность правителя канцелярии Рижского военного, Лифляндского, Эстлянского и Курляндского генерал-губернатора. Под его началом в канцелярии служил известный впоследствии государственный деятель П.А. Валуев, с которым у Барановского возник конфликт⁵⁴.

С 1848 г. Барановский был переведен в число чиновников особых поручений Министерства государственных имуществ, где получил большой опыт проведения ревизий. Так, в сентябре 1848 г. он был отправлен министром в Смоленскую, Рязанскую и Орловскую гу-

бернии для выполнения разных поручений, в Калужскую губернию для проведения ревизии Палаты государственных имуществ, окружных, волостных и сельских управлений государственных имуществ⁵⁵. После возвращения в 1850 г. Барановского командировали в канцелярию Виленского, Минского и Ковенского генерал-губернатора. В 1851 г. его назначили членом комиссии для рассмотрения положения об эстляндских крестьянах, которой руководил граф П. Толстой. В 1852 г. он стал производителем дел Остзейского комитета, созданного еще в 1846 г., рассматривавшего вопрос о землевладении в Остзейском крае и разрабатывавшего проект положения о крестьянах. С мая 1852 г. Барановский выполнял обязанности чиновника особых поручений Министерства внутренних дел с чином статского советника.

К моменту назначения в Оренбургскую губернию Барановский имел не только хорошее образование, но и владел необходимым для службы опытом. Правительство неоднократно возлагало на него исполнение обязанностей гражданского губернатора. В марте 1858 г. Барановского назначили Оренбургским гражданским губернатором, а в июне 1861 г. перевели на такую же должность в Саратовскую губернию. По нашему мнению, назначение в Саратовскую губернию стало ярким свидетельством политики министра внутренних дел П.А. Валуева, направленной на борьбу с губернаторами, поддерживавшими крестьянскую реформу 1861 г. Ситуация в данном случае усугубилась личным конфликтом между министром и Барановским, случившемся еще в период совместной службы. Своим назначением министр внутренних дел направил подчиненного ему гражданского губернатора в заведомо враждебную дворянскую среду, прекрасно зная, что Барановский выступал в защиту крестьян.

Обстоятельства и детали отставки Барановского с должности саратовского губернатора позволяет уточнить документ «Дело об увольнении от службы саратовского губернатора действительного статского советника Е.И. Барановского», отложившийся в фондах РГИА⁵⁶.

В августе 1862 г. министру внутренних дел П.А. Валуеву поступило отношение от управляющего Третьим отделением Собственной Е.И.В. канцелярии, в котором сообщалось, что в бумагах арестованного отставного инженера капитана М.В. Авдеева, являвшегося членом Оренбургского губернского по крестьянским делам присутствия, была обнаружена его переписка с бывшим оренбургским, а ныне саратовским гражданским губернатором Е.И. Барановским и его женой, причем «письма губернатора и его жены были с самыми дерзкими выражениями в адрес императора»⁵⁷. Капитан Авдеев был арестован за распространение «в тамошнем крае пропаганды против правительства». Он прибыл в Санкт-Петербург «с целью отправиться за границу», был арестован и «посажен в крепость».

В донесении П.А. Валуеву были приведены цитаты из писем

Барановского и его жены. Так, Е.К. Барановская писала: «...Ехали в Саратов через Самару, встретили здесь К.Д. Кавелина, который дал нам прочесть свою брошюру об освобождении, обязанности дворян и конституции. Великолепно, будет напечатана в Лондоне. Саратов так и просится в “Колокол”, “Искру”. В Петербурге что-то готовят, рассылают брошюры об уничтожении династии. Брожение умов в Петербурге ужасное, а он, как ни в чем не бывало, охотится»⁵⁸.

После ареста капитана Авдеева Барановский подал прошение министру внутренних дел «о неудобстве его дальнейшего нахождения на службе» в качестве саратовского губернатора⁵⁹. 12 октября 1862 г. его прошение об отставке было удовлетворено императором Александром II. Министр внутренних дел ходатайствовал о назначении Барановскому пенсии «в усиленном режиме» за то, что он «проявил свою работу в сложное время реализации реформы», хотя и не выслужил положенного срока 22-х летней службы. Император повелел назначить увольняемому Барановскому ежегодную пенсию в размере 1 700 руб. серебром⁶⁰.

* * *

Оренбургские вице-губернаторы коллежский советник К.Н. Григорьев и статский советник А.А. Македонский, по-видимому, получили домашнее образование.

Коллежский советник Григорьев, определенный на должность по указу от 3 сентября 1838 г., уже не являлся председателем казенной палаты, а был старшим советником губернского правления⁶¹. Его служба началась в 1806 г. канцеляристом в Экспедиции о государственных доходах. В 1814 г. он перешел на военную службу, получив назначение в Рязанский пехотный полк. Участвовал в заграничных походах русской армии. На военной службе Григорьев находился до 1821 г., дослужившись до чина капитана. После выхода в отставку по собственному желанию, он был определен во вновь образованный Департамент Государственного казначейства Министерства финансов. В 1823 г. исполнял обязанности помощника винного пристава в Георгиевском уездном питейном правлении Кавказской области. В 1825 г. Григорьев перешел на службу в Санкт-Петербургскую казенную палату помощником надзирателя питейного сбора. С 1829 по 1831 гг. служил в канцелярии интендантства 2-й (Варшавской) армии. Участвовал в русско-турецкой войне⁶².

В 1833 г. он окончательно перешел на службу в гражданское ведомство: сначала в число чиновников Департамента податей и сборов Министерства финансов, затем – Воронежским губернским контролером и контролером Департамента казначейства Министерства финансов.

Во время службы в Оренбургской губернии вице-губернатором Григорьев несколько раз «исправлял должность» гражданского гу-

бернатора. В декабре 1840 г. по представлению Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского ему была за «ревностную службу пожалована земля по чину».

12 сентября 1841 г. Григорьев обратился к управляющему Министерством внутренних дел генерал-адъютанту графу А.Г. Строганову с прошением: «Имея надобность по домашним моим обстоятельствам находиться на службе ближе к Петербургу или Москве, прошу Вас о переводе меня из Оренбургской губернии в какую-нибудь другую, соседствующую с Московской или Санкт-Петербургской и до открытия там вице-губернаторской вакансии, и о причислении меня в МВД»⁶³. 21 сентября 1841 г. он был уволен от должности оренбургского вице-губернатора и причислен к ведомству Министерства внутренних дел. С 1842 г. Григорьев выполнял отдельные поручения министра внутренних дел, а в январе 1846 г. его назначили Костромским гражданским губернатором.

Вице-губернатор А.А. Македонский начал службу в 1797 г. канцеляристом в Зеньковском нижнем земском суде, с 1800 г. продолжил ее в Киевской казенной палате⁶⁴. В феврале 1808 г. он был вызван на службу главнокомандующим Молдавской армией генерал-фельдмаршалом князем А.А. Прозоровским и определен в его военно-походную канцелярию регистратором исходящих бумаг. Служба в военно-походной канцелярии продолжилась и при преемниках А.А. Прозоровского – генералах князе П.И. Багратионе, графе Н.М. Каменском, генерал-фельдмаршале князе М.И. Голенищеве-Кутузове, адмирале П.В. Чичагове, генерал-фельдмаршале князе М.Б. Барклай-де-Толли. Македонский участвовал в русско-турецкой войне, заграничных походах русской армии.

Вновь перейдя на гражданскую службу в 1816 г., Македонский служил советником в Нижегородской палате уголовного суда, а затем в Казенной палате. С 1827 по 1839 гг. занимал должность председателя Саратовской палаты гражданского суда. После недолгой отставки, в 1840 г. был принят в ведомство Министерства внутренних дел, а затем назначен Оренбургским вице-губернатором.

Находясь в этой должности, он несколько раз исполнял обязанности гражданского губернатора, например после смерти гражданского губернатора И.Д. Талызина в мае 1844 г. и до назначения губернатором Н.В. Балкашина в марте 1846 г. Однако, несмотря на значительный опыт, император Николай I так и не назначил его Оренбургским гражданским губернатором.

В 1852 г. Македонский был переведен в Саратов председателем Саратовской палаты гражданского суда. Возможной причиной был достаточно зрелый возраст: к моменту перевода в гражданский суд ему исполнилось 64 года.

Продолжительность службы вице-губернаторов была различной.

Из 14 человек один (7 %) вице-губернатор (А.А. Македонский) занимал должность 11 лет; четверо (29 %) – 6–7 лет; двое (14 %) – 4 года; четверо (29 %) – от 2 до 3-х лет; трое (21 %) – около 1 года. Следовательно, самый большой процент составляли вице-губернаторы, которые занимали свою должность 2–3 года и 6–7 лет.

В первой трети XIX в. чиновники с должности оренбургского вице-губернатора уходили в отставку по болезни, в случае смерти, либо переходили на службу в центральные учреждения Министерства финансов.

Известен только один случай, когда вице-губернатор был отстранен от должности в связи с «беспорядками» в Казенной палате. В марте 1828 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин подготовил доклад Николаю I о необходимости смены Оренбургского вице-губернатора Н.Д. Хирьякова⁶⁵. 23 марта 1828 г., император Николай I «соизволил представить указ о другом вице-губернаторе, а о прочем войти в Комитет министров»⁶⁶. В основу доклада министра финансов легло так называемое дело «о неправильных действиях» вице-губернатора⁶⁷.

Из материалов дела, которое рассматривалось в Сенате, оказалось, что 8 сентября 1826 г. казанский купец В. Заусайлов подал Оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену частную жалобу на уфимского купца И. Котельникова, который не заплатил ему 14 000 руб. за поставленный товар (чай и сахар), хотя до этого, на протяжении пятнадцати лет, их связывали взаимовыгодные торговые отношения. Военный губернатор П.К. Эссен передал жалобу купца вице-губернатору Н.Д. Хирьякову, исправлявшему должность гражданского губернатора, чтобы он допросил Котельникова и выяснил, почему тот не отдает деньги.

В присутствии вице-губернатора, полицмейстера и губернского прокурора купец Котельников устно согласился с правильностью претензий Заусайлова. Но когда ему пришлось на следующий день письменно изложить обстоятельства дела, он отказался от своего собственного признания, заявив, что «претензия несправедлива» и он просит «избавить его от всяких дел»⁶⁸. Более того, Котельников подал жалобу, что якобы он был «притесняем вице-губернатором и прокурором»⁶⁹.

IV департамент Сената нашел действия вице-губернатора Н.Д. Хирьякова «неправильными», посчитав, что он допустил нарушения закона, поскольку не имел «ни обязанности, ни права входить в разбор спорного гражданского дела», а должен был отчитаться перед военным губернатором о безуспешности своего «посредства» и «объявить купцу Заусайлову, как поступить по закону»⁷⁰. Комитета министров, рассмотрев дело, принял решение: «...Оренбургского вице-губернатора Н.Д. Хирьякова, исправляющего обязанности

гражданского губернатора, предать суду, а губернскому правлению сделать замечание, что же касается до оренбургского военного губернатора, то предположенного ему Сенатом замечания не делать»⁷¹.

Оренбургская палата уголовного суда провела следствие и 2 апреля 1829 г. вынесла оправдательное решение, указав, что вице-губернатором двигал «порыв усердного исполнения», который нельзя ставить ему в вину. Палата освободила Н.Д. Хирьякова от суда. Сенат в своем решении от 4 января 1830 г. согласился с мнением палаты уголовного суда⁷². Согласно воле императора, в марте 1828 г. в Оренбургскую губернию был назначен новый вице-губернатор.

Во второй трети XIX в., после того как оренбургские вице-губернаторы перешли в ведомство Министерства внутренних дел, и был законодательно установлен их статус как «помощника губернатора», устанавливается практика перевода их на губернаторскую должность в Оренбургскую и другие губернии. Должность «вице-губернатора» становится своеобразной «школой» для будущих губернаторов.

Таким образом, законодательство конца XVIII – первой трети XIX вв. развивалось по пути систематического и иерархического разделения функций между частями государственного управления и между отдельными чиновниками. Происходила более четкая регламентация полномочий вице-губернаторов в системе губернского правления, разграничение их полномочий и функций с полномочиями и функциями губернатора. В период становления министерской системы, до принятия «Наказа гражданским губернаторам» 1837 г. и последовавших за ним указов, вице-губернатор являлся чиновником Министерства финансов, сохраняя определенную независимость от губернской администрации и губернатора.

Николай I сделал ставку на усиление власти и ответственности губернатора, превратил его в «хозяина губернии». Вице-губернатор при этом стал старшим советником губернского правления, «помощником» губернатора, и был включен в ведомство Министерства внутренних дел.

Основными критериями при назначении на должность вице-губернатора являлись происхождение, возраст, уровень знаний и управленческий опыт, прежде всего в финансовой и хозяйственной областях. Все оренбургские вице-губернаторы рассматриваемого периода являлись мелкопоместными дворянами, в основном представляли чиновничество высшей группы. В этот период материальное положение чиновников становится полностью зависимым от окладов жалованья.

Средний возраст вступления в должность вице-губернатора составлял 41 год, то есть эта должность являлась одним из важных,

но далеко не завершающих этапов служебной карьеры чиновников. Если в первой трети XIX в. после вице-губернаторской должности уходили в отставку, переходили на службу в Министерство финансов или в другие губернии председателем Казенной палаты, то во второй трети XIX в. складывается устойчивая практика, когда оренбургские вице-губернаторы назначались на губернаторские должности.

В первые десятилетия XIX в. гражданская служба не была в почете у дворян. Система высшего образования и профессиональной подготовки чиновников в этот период только начала формироваться, поэтому вполне объяснимо, что только 29 % оренбургских вице-губернаторов окончили учебные заведения. Необходимые знания чиновники получали в процессе своей служебной деятельности.

Главным фактором карьерного роста оренбургских вице-губернаторов в первой половине XIX в. являлась успешная военная или гражданская служба, уровень их компетентности. Устанавливается принцип комплектования высшей губернской администрации чиновниками в зависимости от личной выслуги, способностей и знаний. В служебной деятельности вице-губернатора в первой трети XIX в. можно говорить о некоей специализации. Это было связано с тем, что должность председателя Казенной палаты требовала специальных знаний в области налогообложения, откупов и т.п. Основная масса чиновников, как правило, получала необходимые знания во время службы в центральных и местных учреждениях Министерства финансов.

Во второй трети XIX в., когда губернское правление, по сути, превратилось в еще одну канцелярию губернатора, необходимость в специальных знаниях вице-губернаторов отпадала.

Продолжительность службы у основной части Оренбургских военных губернаторов была от двух до семи лет. Архивные документы позволили выявить только один случай отстранения оренбургского вице-губернатора от должности из-за нарушения закона и «беспорядков», как и единственный случай протекции при назначении.

В целом оренбургские вице-губернаторы в первой половине XIX в. были способны решать и решали стоящие перед ними задачи, обеспечивая достаточно действенную работу губернской администрации.

Примечания Notes

¹ *Armstrong J.A.* Old-Regime Governors: Bureaucratic and Patrimonial Attributes // *Comparative Studies in Society and History*. 1972. Vol. 14. № 1. P. 2–29; *Pinter W.M.* Civil Officialdom and the Nobility in the 1850s // *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*. Chapel Hill (NC), 1980. P. 227–249.

² *Любичанковский С.В.* Вице-губернаторский корпус Урала в конце XIX – начале XX в. (социокультурная характеристика) // *Известия Уральского государственного университета*. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. Т. 41. № 11. С. 193–206.

³ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. (ПСЗРИ-1). Т. XX. № 14392.

⁴ *Троцкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. Москва, 1974. С. 173.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. XXI. № 15141.

⁶ Там же.

⁷ *Семенова Н.Л.* Гражданские губернаторы и Казенные палаты в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX в. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2016. Т. 18. № 3. С. 31–35.

⁸ *Раскин Д.И.* Министерская система управления – базовый институт Российской имперской государственности // *Клио*. 2005. № 3 (30). С. 121.

⁹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е. (ПСЗРИ-2). Т. XII. № 10303.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² ПСЗРИ-2. Т. XX. № 18580.

¹³ Там же.

¹⁴ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 624. Л. 2.

¹⁵ ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19488.

¹⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. Д. 197. Л. 28.

¹⁷ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва, 1978. С. 152.

¹⁸ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва, 1978. С. 161.

¹⁹ РГИА Ф. 1349. Оп. 4. Д. 111. Л. 55.

²⁰ Там же. Л. 56.

²¹ Там же. Л. 57.

²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10640. Л. 1.

²³ Там же. Л. 12.

²⁴ Там же. Л. 12.

²⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 111. Л. 64.

²⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10640. Л. 14.

²⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 324-1. Л. 60.

²⁸ Там же.

²⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 9. Д. 84. Л. 19.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 36.

³² Там же. Л. 21.

³³ Там же. Л. 26.

- ³⁴ Там же. Л. 32.
³⁵ Там же. Л. 82.
³⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10862. Л. 85.
³⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 324-1. Л. 63.
³⁸ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-475. Оп. 1. Д. 3. Л. 2об.
³⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 60. Л. 26.
⁴⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 11. Д. 521. Л. 3об.
⁴¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 240. Л. 139.
⁴² РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 197. Л. 11об.
⁴³ Там же.
⁴⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11200. Л. 15.
⁴⁵ РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 155. Л. 7.
⁴⁶ РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 155. Л. 8.
⁴⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11200. Л. 2.
⁴⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11200. Л. 3об.
⁴⁹ НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1. Л. 7об.
⁵⁰ НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1. Л. 7об., 23.
⁵¹ ГАОО. Ф. 171.
⁵² *Любичанковский С.В.* Механизмы карьерного роста и падения реформаторов эпохи Александра II: Казус П.А. Валуева и Е.И. Барановского // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 55.
⁵³ РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. 1857 г. Д. 100. Л. 12.
⁵⁴ *Любичанковский С.В.* Механизмы карьерного роста и падения реформаторов эпохи Александра II: Казус П.А. Валуева и Е.И. Барановского // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 52–59.
⁵⁵ РГИА. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 100. Л. 34.
⁵⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 752.
⁵⁷ Там же. Л. 1–1об.
⁵⁸ Там же. Л. 2–2об.
⁵⁹ Там же. Л. 13–13об.
⁶⁰ Там же. Л. 18.
⁶¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 608. Л. 97.
⁶² Там же.
⁶³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 26. Д. 46. Л. 3.
⁶⁴ Там же. Л. 24.
⁶⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 115. Л. 42.
⁶⁶ Там же. Л. 24.
⁶⁷ НА РБ. Ф. И-100. Оп. 1. Д. 678. Л. 1.
⁶⁸ Там же. Л. 2.
⁶⁹ Там же. Л. 133.
⁷⁰ Там же. Л. 18.
⁷¹ Там же. Л. 129.
⁷² Там же. Л. 179.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Семёнова Наталия Леонидовна – канд. ист. наук, доцент, Стерлитамакский филиал, Башкирский государственный университет (Стерлитамак, Республика Башкортостан)
natalja_leonid@mail.ru

Любичанковский Сергей Валентинович – докт. ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург)
svlubich@yandex.ru

Особое значение для понимания функционирования управленческой системы Российской империи имеет анализ кадрового состава государственных учреждений разного уровня. Высшее губернское чиновничество не только выполняло все распоряжения верховной и центральных властей, но являлось важной составной частью всей системы имперской государственности, оказывая непосредственное влияние на действие механизма принятия решений. От губернского чиновничества во многом зависела эффективность реализации правительственных решений. Российская империя представляла собой огромную гетерогенную систему, в которой сосуществовали различные модели управления. Высшее губернское чиновничество, особенно на окраинах, выступало ретранслятором основных идей центра, обеспечивая, по сути, единство империи. В данной статье рассматриваются функции, полномочия, персональный состав и основные этапы служебной карьеры вице-губернаторов Оренбургской губернии в первой половине XIX в. Источниками для написания статьи послужили впервые использованные авторами архивные документов центральных и местных российских архивов. Главное внимание уделяется особенностям служебного положения и управленческой работы вице-губернаторов как губернских чиновников сначала Министерства финансов (в первой трети XIX в.), а затем Министерства внутренних дел (начиная с 1830-х гг.). Анализ архивных документов позволил авторам сделать вывод, что оренбургские вице-губернаторы в первой половине XIX в. потенциально были способны решать и на деле успешно решали задачи, которые ставили перед ними верховная власть и министерства. И даже несмотря на некоторое несоответствие их бюрократической работы принципам рационализма, которые утверждались в российской системе местного управления, они обеспечивали достаточно эффективное функционирование управленческой системы Российской империи.

Оренбургская губерния, военный губернатор, гражданский губернатор, вице-губернатор, казенная палата, Министерство финансов, Министерство внутренних дел, гражданская служба, чиновничество, государственное управление, реформа государственного управления, Е.Ф. Канкрин, П.А. Валуев.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Armstrong, J.A. Old-Regime Governors: Bureaucratic and Patrimonial Attributes. *Comparative Studies in Society and History*, 1972, vol. 14, no. 1, pp. 2–29. (In English).
2. Lyubichankovskiy, S.V. Mekhanizmy karyernogo rosta i padeniya reformatorov epokhi Aleksandra II: Kazus P.A. Valueva i E.I. Baranovskogo [Mechanisms for Career and Downs of the Reformers of the Era of Alexander II: The Case of P.A. Valuev and E.I. Baranovsky.]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2015, no. 4 (49), pp. 52–59. (In Russian).
3. Lyubichankovskiy, S.V. Vitse-gubernatorskiy korpus Urala v kontse XIX – nachale XX v. (sotsiokulturnaya kharakteristika) [Vice-Governor's Corps of the Urals in the Late 19th – Early 20th Centuries (Social and Cultural Characteristics).]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*, 2006, vol. 41, no. 11, pp. 193–206. (In Russian).
4. Raskin, D.I. Ministerskaya sistema upravleniya – bazovyy institut Rossiyskoy imperskoy gosudarstvennosti [A Ministerial System of Governance – the Basic Institute of the Russian Imperial Statehood.]. *Klio*, 2005, no. 3 (30), pp. 118–125. (In Russian).
5. Semenova, N.L. Grazhdanskiye gubernatory i Kazennyye palaty v sisteme mestnogo upravleniya Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – pervoy treti XIX v. [Civil Governors and Treasury Chambers in the System of Local Governance of the Russian Empire in the Late 18th – First Third of the 19th Centuries.]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 2016, vol. 18, no. 3, pp. 31–35. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Pinter, W.M. Civil Officialdom and the Nobility in the 1850s. *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*. University of North Carolina Press, 1980, pp. 227–249. (In English).

(Monographs)

7. Troitskiy, S.M. Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v.: Formirovaniye byurokratii [Russian Absolutism and the Nobility in the Eighteenth Century: The Formation of the Bureaucracy.]. Moscow, 1974, 394 p. (In Russian).
8. Zayonchkovskiy, P.A. Pravitelstvennyy apparat samodержavnoy Rossii v XIX v. [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century.]. Moscow, 1978, 288 p. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Nataliya L. Semenova – Candadate of History, Senior Lecturer, Sterlitamak Branch, Bashkir State University (Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia)

natalja_leonid@mail.ru

Sergey V. Lyubichankovskiy – Doctor of History, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

svlubich@yandex.ru

The analysis of government personnel of different levels is of special importance for understanding the operation of the system of governance in the Russian Empire. The senior provincial bureaucracy did not only implement all the decisions of supreme and central authorities, but also were part of the entire government system of the Russian Empire which was directly involved in the mechanism of decision making. The effectiveness of implementing government decisions was largely determined by provincial officialdom. The Russian Empire was a huge heterogeneous system combining different governance models. The senior provincial government, particularly, on the periphery, acted as a re-translator of the major ideas from the centre thus providing for the Empire's unity. This article examines the functions, personal data and key career stages of vice-governors of Orenburg Province in the first half of the 19th century. The authors used new archival documents from central and local Russian archives. The focus is made on the particularities of the official status and governance of Vice-Governors as provincial officers first in the Ministry of Finance (the first third of the 19th century), and then in the Ministry of Internal Affairs (starting from the 1830s). It is concluded that vice-governors of Orenburg Province in the first half of the 19th century were capable to and in fact did successfully fulfill the tasks set by the supreme authority and central ministries. Even though their administrative work did not always comply with principles of rationality which were being established in the system of Russian local government they accounted for fairly efficient governance system in the Russian Empire.

Orenburg Province, Military Governor, Civil Governor, Vice-Governor, treasury chamber, Ministry of Finance, Ministry of Internal Affairs, civil service, officialdom, governance, governmental reform, Egor F. Kankrin, Pyotr A. Valuev.

Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкарева

**МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ
В РАССЛЕДОВАНИИ «ЛИШЕНИЯ ДЕВСТВА»
В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА***

N.A. Mitsyuk and N.L. Pushkareva

**The Medical Examination in the Investigation
of “Deprivation of Virginity”
in Mid-Nineteenth Century Russia**

Английский историк Р. Портер еще в 1980-х гг. ставил вопрос о важности и перспективах изучения сексуального насилия в прошлом¹. В западноевропейской и американской историографии интерес к этой тематике совпал с всплеском женского движения 1980-х гг.² Она заняла особое место в гендерных исследованиях, так как ярко раскрывала гендерную дискриминацию, асимметрию в гендерных ролях и статусах, формирование гендерной идентичности³.

Некоторые исследователи считают, что изучение сексуального насилия способно в целом раскрыть уровень насилия против женщины в том или ином обществе, связывают воедино патриархат и социальные отношения⁴. Ключевые вопросы, вокруг которых сосредоточена научная дискуссия, таковы: является ли сексуальное насилие универсальной исторической категорией? какова взаимосвязь между патриархатом и частотой изнасилований? каковы причины существования «более» и «менее» склонных к сексуальному насилию обществ?

Между тем в российской исторической науке сексуальное насилие до сих пор выступает спорным и «маргинальным» предметом исследования. Причины игнорирования темы историк М.Г. Муравьева в начале XXI в. видела в слабом женском движении в России, отсутствии образовательных программ женских исследований в университетах, а также в незначительном количестве кризисных центров для женщин, переживших насилие⁵.

На наш взгляд, при определении причин различного отношения к насилию в обществах вполне актуальна концепция П.Р. Сендей, которая выделила общества, более и менее «склонные к сексуальному насилию»⁶.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук «Формирование и развитие института материнства и младенчества в истории России XVII – XX вв.» (проект № МД-3743.2018.6) и гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Взаимодействие государства и провинциального общества в формировании национальной модели медико-социальной работы в России в XIX – начале XX в.» (проект № 17-31-01020-ОГН).

Настоящая статья ориентирована на выявление скрытых схем воспроизводства практики сексуального насилия в истории России середины XIX в. Основное внимание уделено анализу не столько документов полицейских и судебных учреждений, сколько медицинских источников (отчетов врачей, результатов медицинских освидетельствований, акушерской литературы).

Авторы использовали метод case study, актуальный в микроистории, повседневной и гендерной истории. В фокусе изучения – «случай Устиньи», произошедший в 1850–1851 гг. в уездном городе Поречье Смоленской губернии и заключавшийся в полицейском дознании и следствии по делу об изнасиловании 14-летней девочки.

Этот случай ярко демонстрирует специфику установления факта сексуального насилия в середине XIX в., до полицейской и судебной реформ Александра II⁷. Именно анализ конкретных случаев нередко используется в исторических изысканиях, нацеленных на раскрытие «анатомии» практик сексуального насилия в обществе. Изучение материалов данного дела, а также законодательных и судебно-медицинских источников позволяет выявить скрытые механизмы и «тонкости» воспроизводства практик насилия.

Новизна исследования, кроме малой изученности темы, состоит также в вовлечении новых видов источников – медицинских документов, составленных в Медицинском департаменте Министерства внутренних дел и подчиненных этому департаменту губернских врачебных управах⁸. До того, как дело об изнасиловании попадало или не попадало в суд, в его расследовании участвовали Медицинский департамент Министерства внутренних дел и врачебная управа соответствующей губернии. Именно этот массив источников до сих пор игнорировался как российскими, так и зарубежными историками, так как основная ставка делалась на изучение судебных дел. Отсюда проистекает главная задача авторов – установить роль врачебно-административных учреждений Российской империи в расследовании случаев сексуального насилия и их влияние на судебный приговор.

Практика расследования дел об изнасиловании

Российское уголовное законодательство, представленное Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (все редакции: 1845, 1866, 1885 гг.), выделяло такие понятия, как «противозаконное совокупление», «насилованье», «лишение девства», «растление»⁹. При этом тяжесть наказания за изнасилование и скотоложество была фактически одинаковой.

Возраст 14-летия был рубежным для расследования дел о «насиловании» и «растлении». Понятия «педофилия» не существовало, но закон ставил тяжесть наказания в зависимость от возраста жертвы.

Более суровое наказание влекла связь с «девицей до 14 лет» (времени полового созревания; считалось, что до этого возраста девочка в полной мере не осознает, что именно с ней делают): виновный лишался всех прав состояния и ссылался в Сибирь на каторжные работы на срок до 12 лет.

Однако закон защищал мужчину в случае его «неведения»: «Совокупление с девочкой, не достигшей 14 лет, не может считаться преступлением, если виновный не знал, что она не достигла еще определенного законом возраста»¹⁰.

Если же девице было больше 14 лет, то срок ссылки на каторгу уменьшался на два года¹¹.

Анализ архивных дел о сексуальном насилии показывает, что большинство из них являлось концентрированным выражением властных отношений: гендерного доминирования (мужчины над женщиной) и неравенства социальных статусов (хозяин над прислугой, представитель привилегированной сословной группы над непривилегированной). При расследовании дел о растлении очень часто обвиняемые и жертвы находились в неравном социальном положении: в то время как жертвы принадлежали к крестьянскому, реже мещанскому, сословию, обвиняемые были дворянами (военные, чиновники) и купцами. Если дело касалось насилия над малолетними девочками, то зачастую таких девочек воспитывала одна мать. В обществе мужского доминирования отсутствие отца в семье делало ее членов более уязвимыми. В патриархальном обществе именно отец выступал покровителем, охранителем женской невинности, вследствие чего женская сексуальность сводилась до уровня, подконтрольного мужчинам¹². В случае отсутствия отца девочка могла рассматриваться как жертва, ее сексуальность могла подчиняться и контролироваться другим мужчиной. В отношении девушки А.В. Белова употребляется понятие «“отчужденной” сексуальности», которая «считалась принадлежностью не ее самой, а мужчины, чьей женой она должна была стать»¹³.

По российским законам, расследования случаев сексуального насилия начинались исключительно после «жалобы самой изнасилованной» или ее родственников. Государство само не инициировало разбирательства по изнасилованию и растлению. Это важно для понимания механизмов воспроизводства практики сексуального насилия: достаточно было молчания жертвы насилия, чтобы насильник избежал заслуженного наказания. Максимальный срок за сексуальное насилие над «девицами до 14 лет» составлял 12 лет каторжных работ; такое же наказание было установлено за изнасилование и убийство женщины¹⁴.

Доказательства изнасилования, приведенные в статьях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, предоставляли широкие возможности мужчине избежать наказания. В уязвимом положении оказывалась жертва, а не насильник. При расследовании случая

сексуального насилия необходимо было доказать, что 1) это было именно насилие, то есть жертва сопротивлялась и не давала согласия; 2) жертва честна и не была замечена в «плотских пороках»; 3) сам акт исполнен именно «мужским детородным органом». Таким образом, дело можно было с легкостью закрыть, доказав, что женщина по собственному согласию вступила в связь. Нравственный облик жертвы, если дело не касалось малолетних детей, играл едва ли не ключевую роль в определении виновности мужчины, привлекаемого к уголовной ответственности.

Сам факт сексуального насилия над взрослыми женщинами многими юристами и даже врачами ставился под сомнение. В медицинской литературе господствовало представление о невозможности для мужчины в одиночку изнасиловать женщину. В частности, в учебнике по судебной медицине для врачей Э. Бухнера, изданном в 1870 г., указывалось: «Изнасилование взрослой женщины невозможно, так как последняя, хотя бы и подвергалась насилию, всегда найдет еще средства к тому, чтобы воспрепятствовать введению мужского члена во влагалище»¹⁵. Эксперты-мужчины, среди которых были врачи, полицейские чиновники и юристы, часто приходили к заключению о ложности женских обвинений, изначально полагая, что из десяти случаев девять непременно будут ложными¹⁶.

Изнасилование в отношении взрослых женщин признавалось только в том случае, если женщина могла доказать свой «честный образ жизни». В этой ситуации трактовка изнасилования предполагала «совокупление с честной женщиной, вынужденное преступным насилием»¹⁷. В противном случае ответственность за изнасилование перекладывалась на женщину, которая, по мнению экспертов, способна спровоцировать и обольстить находящегося в неведении мужчину. Отмести все обвинения возможно было, доказав, что женщина блудлива, нечестна и порочна.

В результате доказать факт изнасилования было чрезвычайно сложно, а в случае активного противодействия со стороны совершившего насилие или особой заинтересованности полицейских дознавателей и следователей в исходе расследования – практически невозможно. Этим объясняется крайне малое число судебных дел об изнасиловании взрослых женщин.

Для закона наибольшую важность представляло не столько изнасилование, сколько факт «лишения девства», растления. Объектом правовой защиты являлась не сама женщина, а ее девственность, которая была ценным «товаром» в патриархальном обществе и фактором, от которого зависела судьба девицы. В связи с этим в документальных материалах врачебных управ и судов в подавляющем большинстве содержатся дела не о «насиловании», а о «лишении девства» и растлении. Развратные действия, не сопровождавшиеся лишением девственности, в отношении детей и подростков назывались «непотребными действиями». Максимальный срок тюремного

заклучения за это «непотребство» составлял всего четыре месяца¹⁸.

Ключевым в определении изнасилования, «лишения девства» была именно невинность, честность девушки. Важность женской «чистоты», по мнению английского историка А. Кларк, была выражением мужского контроля над женской сексуальностью в обществе, где доминировали патриархальные отношения. Потеря девственности в осознанном возрасте, вне зависимости от обстоятельств произошедшего, рассматривалась в первую очередь с позиции женской «блудливости» и «нечестивости». Двойная мораль в половой сфере, влияющая на гендерную асимметрию, – ключевая составляющая патриархальной власти над женским телом¹⁹.

Расследования дел о сексуальном насилии порой тянулись не один год.

Жертва и насильник

Подробно рассматриваемый нами «случай Устиньи» воплотил в себе все типичные «тонкости» полицейского дознания и следствия по делам об изнасиловании в России середины XIX в.

Начало «дела Устиньи», растянувшегося почти на два года, было положено в сентябре 1850 г. На момент совершения насильственных действий девочке было 14 лет.

Устинья Пенкина, дочь вольноотпущенной солдатки, воспитывавшей ее без отца, была изнасилована женатым письмоводителем Городнического правления уездного города Поречье Смоленской губернии Осипом Медведевым в его же доме.

Отметим исключительно важное в данном случае обстоятельство: до полицейской реформы 1862 г. городничий уездного города являлся начальником исполнительной полиции, а подчиненное ему Городническое правление – административно-полицейским учреждением. Иными словами, обвиненный в изнасиловании Осип Медведев служил по ведомству Министерства внутренних дел, а именно – в уездной полиции, которая боролась с преступностью на территории уезда.

Девочка была приглашена письмоводителем в его дом для выполнения хозяйственных работ в то время, когда его жена отправилась на богомолье. Помимо принадлежности обвиняемого к уездному полицейскому чиновничеству, его положительный общественный образ дополнялся тем, что он имел репутацию «добропорядочного» семьянина.

Несмотря на угрозы со стороны письмоводителя, девочка рассказала о случившемся матери. А та решила законными средствами защитить свою дочь и обратилась в полицию.

По жалобе матери было начато полицейское дознание о «лишении девства».

Медицинские освидетельствования как доказательства «лишения девства»

Архивные дела показывают, что с середины XIX в. для доказательства случаев изнасилования стали привлекаться врачи, которые в обязательном порядке проводили гинекологический осмотр. С развитием акушерства и гинекологии в XIX в. именно научное медицинское знание становилось инструментом поиска истины в следствиях по делам об изнасиловании²⁰. Изменения физиологического характера стали главными критериями в определении фактов растления. В учебниках по судебной-медицинской экспертизе появились отдельные главы, посвященные гинекологическим осмотрам и перечислению признаков девственности.

Учитывая табуированность половой сферы в XIX в., гинекологический осмотр, проводимый врачами-мужчинами, становился первым препятствием для заявления жертвы или ее родителей о произошедшем изнасиловании. О стыдливости женщин как препятствии для осуществления гинекологических осмотров писали врачи начала XX в.²¹

Еще в конце XVIII в. развитие государственной системы здравоохранения привело, как в столице, так и в провинции, к зарождению профессионального родовспоможения. В штаты губернских врачебно-административных учреждений Министерства внутренних дел вводились должности повивальных бабок, на которые назначались выпускницы повивальных школ, позднее преобразованных в повивальные институты (и школы, и институты являлись средними медицинскими учебными заведениями)²². Повивальные бабки восполняли нехватку у врачей-мужчин практического опыта и без особого труда преодолевали сложности, порождаемые традиционной женской стыдливостью. Так родовспоможение стало первой областью женской государственной службы в Российской империи²³.

Знания и опыт повивальных бабок, получивших среднее медицинское образование, помимо главного их дела – родовспоможения, – оказались важны в полицейских расследованиях и судебных процессах по делам об изнасиловании, когда требовалось установить факт растления, «лишения девства», «вступления в связь с малолетними»²⁴. Анализ дел Смоленской губернской врачебной управы²⁵ показал, что в большинстве случаев именно повивальные бабки проводили гинекологический осмотр и составляли заключение²⁶.

Мать Устиньи обратилась к повивальной бабке, которая находилась в подчинении уездного врача, подчиненного, в свою очередь, губернской врачебной управе (то есть она являлась служительницей уездного административного аппарата, относившегося к ведомству Министерства внутренних дел).

На протяжении XIX в. гинекологические осмотры и освидетельствования проходили в большинстве случаев в частных домах

или квартирах. В «случае Устиньи» освидетельствование состоялось на квартире повивальной бабки, так как в условиях отсутствия стационарного акушерства они работали по вызову или у себя на дому. Повивальная бабка Феодосья Петрова, производя осмотр, пришла к выводу о наличии явных признаков изнасилования. «Считая долгом по званию и человеколюбию», 26 сентября 1850 г. она написала рапорт в Смоленскую губернскую врачебную управу, подробно изложив все детали произошедшего, о которых она узнала со слов девочки и ее матери²⁷.

По предписанию Смоленской губернской врачебной управы, выразившей сомнение в правильности проведенного осмотра и заключения, повивальная бабка составила повторный рапорт от 10 октября 1850 г., где описала все гинекологические признаки, по которым сделала заключение о «лишении девства»: «Нашла признаки лишения девства следующие: на детородных частях ея...»²⁸. Отметим, что многие повивальные бабки, в отличие от врачей-акушеров и профессоров «бабичьего дела», возможно, были лучше подкованы с практической стороны, так как имели внушительный опыт принятия родов и освидетельствования женщин, хотя они наверняка уступали врачам с университетским дипломом в знании анатомии и физиологии.

Из самых первых документов Поречского городничего Н.Н. Суровцева и врачей Смоленской губернской врачебной управы, направленных к повивальной бабке, очевидно, что девочка рассматривалась ими не как жертва, а как подозреваемая в клевете (с этого и началось превращение жертвы в преступницу). Кроме того, сразу же проявилось гендерное доминирование врачей над повивальной бабкой: городской врач Поречья штаб-лекарь А.Ф. Селю и Поречский уездный врач штаб-лекарь Н. Попков выразили скепсис в отношении того, насколько можно доверять ее познаниям в гинекологии. Несмотря на разрешение повивальным бабкам, получившим среднее образование в повивальной школе (институте), проводить медицинские освидетельствования, которые принимались в судах, в любой момент их заключения могли быть оспорены врачами с университетским дипломом, недоступным для женщин. Так демонстрировалось экспертное превосходство мужчин, профессиональная зависимость и подчиненность женщин.

Объективным считалось освидетельствование, проведенное врачом-акушером в присутствии свидетелей и представителей местных властей. Развивавшаяся научная гинекология превращала женское тело в «жертву» врачебного «досмотра», о чем могут свидетельствовать красочные картинки из учебников по гинекологии²⁹.

По российским законам, чрезвычайно сложно было доказать факт растления, если это не касалось совсем маленьких детей. Врач после гинекологического осмотра должен был прийти к выводам об: 1) отсутствии девственности у девочки; 2) однократности поло-

вого акта с нею; 3) девственности жертвы до момента совершения преступления («до того времени будто бы совершенно невинная»)³⁰. Наличие этих признаков являлось доказательством изнасилования. Однако в XIX в. уровень медицинского осмотра был таким, что давал безграничные возможности для различных трактовок произошедшего. Насильнику предоставлялось вполне законное право избежать уголовной ответственности.

Таким образом, наличие гинекологических признаков, свидетельствовавших об изнасиловании, было недостаточным для доказательства «растления». Закон давал множество возможностей «усомниться» в этом. В частности, среди других признаков сексуального насилия должны быть повреждения, ушибы, ссадины, как на жертве, так и на подозреваемом³¹. Изнасилование, согласно закону, сопровождалось явными повреждениями детородных частей тела³².

Отсутствие сопротивления могло выступить доказательством порочности женщины, способное снять вину с подозреваемого и предъявить обвинения жертве. В рассматриваемом деле отсутствие «знаков на теле, могущих быть при насиловании»³³ стало важным аргументом для отвода обвинения от полицейского письмоводителя. Кроме этого, закон предполагал, что «лишение девственности» могло быть произведено «еще каким-либо способом», без насилия и полового акта, и тогда подозреваемый наказывался не за изнасилование, а за нанесение увечий³⁴.

Все эти «тонкости» российского законодательства давали возможность составить любое медицинское заключение, и тогда дело могло принять совсем иной оборот. В архивных делах не так часто можно встретить описание самой процедуры осмотра, но в сохранившихся документах в спорных случаях или при желании одной из сторон «замять» дело находим повторность гинекологического осмотра в присутствии широкого круга лиц. В «случае Устиньи» городничий Суровцев и городской врач Селю усомнились в правильности осмотра, заподозрив повивальную бабку в подлоге. Смоленской губернской врачебной управой было назначено повторное освидетельствование в стенах городской больницы, которое стало выражением как беспомощности жертвы и ее унижения, так и символом мужского доминирования. И если гинекологические осмотры женщин привилегированных сословий производились с «учетом женской стыдливости» (закрывалось лицо пациентки, врач находился за ширмой)³⁵, то осмотр простолюдинок осуществлялся без подобных «деликатностей».

Повторное освидетельствование девочки Устиньи проводилось 19 октября 1850 г. в присутствии различных по чину и служебному положению мужчин: Поречского уездного врача штаб-лекаря надворного советника Попкова, городского врача Поречья штаб-лекаря Селю, Поречского городничего Суровцева, уездного стряпчего М.И. Кобылинского, а также троих свидетелей. Проведенный ос-

мотр был подробно описан повивальной бабкой в рапорте Смоленской губернской врачебной управе. Согласно рапорту, медицинский осмотр длился не один час, девочка после него с трудом могла передвигаться³⁶.

Такая процедура освидетельствования, по сути, предостерегала все потенциальные жертвы сексуального насилия. Своего рода «несудебное» наказание за саму попытку обвинить в насилии мужчину состояло уже в самой процедуре медицинского освидетельствования.

Результаты повторных осмотров, проводимых врачами в присутствии широкого круга лиц, нередко расходились с первоначальными заключениями повивальных бабок. Это зависело от тех задач, которые ставило перед собой полицейское расследование, и от личной заинтересованности его участников. В «случае Устиньи» врачи 19 октября 1850 г. вынесли противоречивое заключение. С одной стороны, оно не расходилось с выводами повивальной бабки: врачи подтвердили факт отсутствия девственности. Однако принципиальным отличием их заключения, которое кардинально меняло суть дела, было указание на то, что девочка на момент вступления в связь уже не была девственницей, была «раньше изнасилована», а значит вины письмоводителя в «растлении» нет³⁷.

Российское законодательство, которое требовало доказать факт лишения девственности в конкретном случае, порождало ситуацию, когда при повторных освидетельствованиях врачи зачастую подтверждали отсутствие девственности у предполагаемой жертвы, но отрицали факт произошедшего насилия над ней. Получалось так, что повивальная бабка, проведя первичное освидетельствование, устанавливала факт произошедшего изнасилования, который, однако, впоследствии был оспорен врачебным заключением. Таким образом, эксперты-врачи широко использовали формулировки статей закона, которые помогали насильнику избежать уголовной ответственности и позволяли обвинить жертву насилия в клевете.

Поведение повивальной бабки в «случае Устиньи» было нетипичным для женского самосознания того времени. Она продолжала доказывать свою правоту, вновь и вновь обращаясь в Смоленскую губернскую врачебную управу и противостоя мужскому сообществу в лице городских полицейских чиновников и врачей. В результате она сама оказалась в уязвимом положении.

От городничего Николая Николаевича Суровцева повивальной бабке Феодосье Петровой стали поступать документы, в которых высказывалось сомнение в ее квалификации, невозможности производить ею освидетельствование по причине «ее распутности». Сверх того, по заявлению самой повивальной бабки, городничий стал угрожать ей, обещая привлечь ее к суду: «Городничий, увидевшись со мною, сказал, как же вы могли свидетельствовать означенную девицу без моего приказа... За то, что вы донесли

во Врачебную управу без моего ведома, вам порядком достанется. Вы должны были, сударыня бабка, со мною согласоваться и слушать моих приказаний... Грозил меня предать суду во что бы то ни стало и все меры употребить, чтобы рапорт мой оказался лжив»³⁸.

Уверенность городничего в действенности своих угроз питалась прежде всего тем, что повивальная бабка, проживающая и практикующая в Поречье и подчиненная Поречскому уездному врачу, напомним, была служительницей уездного административного аппарата, относившегося к ведомству Министерства внутренних дел, а он являлся начальником этого аппарата, включавшего в себя уездную полицию. Эта уверенность могла подкрепляться и тем, что судьей Поречского уездного суда состоял, вероятно, его близкий родственник (возможно, родной брат) – майор Ипполит Николаевич Суровцев³⁹.

Сложившаяся ситуация очень ярко иллюстрирует гендерную асимметрию общества, в том числе в служебной, профессиональной сфере. С одной стороны, женщин допустили к государственной службе, но с другой – в условиях патриархальных отношений они не рассматривались в качестве полноценного актора профессиональной деятельности. Бюрократическая система принуждала их к подчинению, а независимое женское поведение вызывало враждебность и нападки гендерного и профессионального характера со стороны мужчин-чиновников и мужчин-врачей.

Третье освидетельствование и превращение жертвы в преступницу

«Случай Устиньи» демонстрирует, что повивальная бабка могла если не противостоять, то пошатнуть мнение и авторитет мужского экспертного сообщества. Распоряжением Смоленской губернской врачебной управы на 18 ноября 1850 г. было назначено третье освидетельствование.

Произвел его городской врач Селю в присутствии самой повивальной бабки и уездного врача Попкова. Повивальная бабка описала неподобающее поведение городского врача, который «в веселом расположении духа рылся в детородных частях девицы около часа к крайнему ее смущению и стыду»⁴⁰.

Со своей стороны она представила новое важное доказательство – рубаху девочки с кровавыми пятнами. Однако оно было проигнорировано во многом по причине того, что химико-микроскопические лабораторные исследования в то время проводились лишь в Медицинском департаменте МВД в Санкт-Петербурге. С развитием медицинского знания, появлением химических лабораторий, проводивших анализы, в крупных городах при установлении факта совершения насильственных действий сексуального характера стали использоваться «химические исследования». Они стали включаться в доказательную базу с 1860-х гг. в особенно запутанных

случаях⁴¹. Исследованию подвергались «кровавые пятна» на одежде предполагаемой жертвы. В свою очередь, отсутствие следов могло свидетельствовать в пользу подозреваемого.

В итоговом заключении по «случаю Устиньи» были использованы все возможности, которые предоставляло законодательство для того, чтобы отвести обвинение от насильника и обвинить жертву насилия в клевете. Городовой врач Селю признал девицу «растленной» ранее произошедшего случая. По мнению врача, даже если и была связь с обвиняемым, то девица была «уже подготовленной», то есть она не являлась девственницей. Подобное заключение могло снять всю ответственность с подозреваемого. Девочке было 14 лет, а значит, она осознавала свои действия. Получалось, что она, не будучи девственницей накануне полового акта, вполне могла по собственному желанию вступить в «греховную связь». Нет девственности – нет растления.

Закон позволял обвинить не только жертву, но и ее заступников. Возникла опасность привлечения к суду матери: закон содержал статьи, предполагавшие наказание за сводничество дочери⁴², вследствие чего подозреваемыми могли стать мать и дочь, а полицейский чиновник – жертвой.

В «случае Устиньи» избежать дальнейшего превращения жертвы в преступницу помогла активная позиция повивальной бабки, которая отказалась подписывать итоговое заключение, вместо этого написав жалобу самому Смоленскому губернатору генерал-майору князю Захару Семеновичу Херхеулидзе. Так «насилованье», случившееся в маленьком уездном городе Поречье, в доме письмоводителя Поречского городнического правления, привлекло внимание высшей губернской власти.

12 марта 1851 г. из губернаторской канцелярии последовало указание Смоленской губернской врачебной управе и Поречскому городничему предоставить все свидетельства. В итоговом заключении врачебной управы от 27 марта 1851 г. говорилось: «Из всего сказанного Врачебная управа заключает, что хотя девочка Пенкина и действительно лишена девства, но ни повивальная бабка Петрова, ни свидетельствовавшие Пенкину медики не имели решительно никаких фактов к положительному заключению о недавнем лишении девства указанной девочки, а тем более о лице, бывшем причиной этого»⁴³. Присланную рубашу девочки управа не стала рассматривать в качестве доказательства.

Таким образом, эксперты-мужчины исключили вину подозреваемого, не приняв в расчет ни одно из доказательств. Полицейское дознание и следствие по делу о «растлении» девочки Устиньи были завершены не в пользу потерпевшей. Дело об изнасиловании так и не дошло до суда, будучи «разваленным» Смоленской губернской врачебной управой и врачами Поречья на стадии медицинского освидетельствования.

Дальнейшая судьба полицейского письмоводителя, обвиненного в изнасиловании матерью девочки и повивальной бабкой, неизвестна. В первой «Памятной книжке» по Смоленской губернии от 1855 г., в которой перечислялись все чиновники поречских городских и уездных учреждений всех ведомств, он уже не числился в должности письмоводителя Поречского городнического правления. В то время как Суровцев продолжал занимать должность городничего⁴⁴.

* * *

Следственные и судебные дела об изнасиловании демонстрировали властные отношения, доминирование одних социальных групп над другими, а также гендерную асимметрию. В большинстве рассматриваемых случаев жертвы относились к низшим социальным слоям. В провинциальных городах, где представители чиновничьего мира, привилегированных социальных групп были связаны не только службой, но и родственными, личными отношениями, пострадавшие женщины и девушки, происходившие из социальных низов, находились в бесправном положении.

Традиция насилия была заложена в самих правовых нормах, которые на практике давали широкие возможности для превращения в преступниц тех жертв сексуального насилия, которые обратились в полицию, выдвинули обвинение против насильников. Доказательства изнасилования были сведены прежде всего к установлению факта лишения девственности. Закон защищал не столько женщину, сколько ее честь и невинность. Этим объясняется значительное количество дел с участием детей. Замужней женщине, вдове, происходившей из социальных низов, было крайне тяжело доказать совершенное над ней сексуальное насилие, а опасность привлечения к суду за лжесвидетельство была высока.

С развитием медицинской науки гинекологические освидетельствования становились важнейшими процедурами в ходе расследования, установления факта изнасилования. Врачи становились ключевыми фигурами, предоставлявшими доказательства совершенных насильственных действий и лишения девственности предполагаемых жертв. В то же время проникновение профессиональной медицины в расследование дел об изнасиловании не означало объективности результатов медицинского освидетельствования.

Несмотря на проявления женской эмансипации в XIX в., расследования случаев «растления», изнасилования демонстрируют многомерность патриархальных отношений и традиций, их устойчивость в частной, общественной и государственной жизни, зависимое положение женщин в обществе мужского доминирования.

Профессиональная медицина, контролируемая врачами-мужчинами с университетским образованием, имела возможность пресе-

кать выдвигаемые женщинами обвинения в сексуальном насилии. Такую возможность предоставляла установленная законом унижительная процедура многократных гинекологических освидетельствований в присутствии широкого круга лиц. Подобные способы сбора доказательств выступали своего рода предостережением против новых обвинений. Сама процедура установления факта изнасилования была не менее травмоопасна психологически и физиологически, чем «растление», так как жертве приходилось не единожды проходить медицинские освидетельствования. По сути, вся процедура следствия приобретала вид «публичного изнасилования». Медицинские осмотры при большом скоплении людей, оканчивавшиеся обвинением в адрес жертвы насилия и снятием подозрений с обвиняемого, культивировали в сознании общества «первородную» вину женщин, бессмысленность любых доказательств вины насильника, терпимость к самому изнасилованию.

В условиях доминирования в обществе патриархальных отношений транслировалась негласная норма, запрещавшая женщинам говорить о сексуальном насилии, выдвигать обвинения против мужчин. Роль жертвы для женщины, даже в области половых отношений, была приемлема и в какой-то мере одобряема обществом.

Сексуальное насилие выступало выражением доминирования как в гендерном измерении (мужчины над женщиной), так и в социальном (одной социальной группы над другой). Полицейское расследование, не приведшее к судебному процессу, никак не подрывало статус и «респектабельность» мужчины, но оно всегда накладывало тяжелый отпечаток на жертву, так как в системе патриархальных отношений женщина становилась «падшей». Такая асимметрия приводила к замалчиванию случаев изнасилования.

Примечания Notes

¹ Porter R. Rape – Does It Have a Historical Meaning? // Rape: An Historical and Social Enquiry. Oxford (UK); New York, 1986. P. 229–230.

² Муравьева М.Г. Методологические проблемы современной историографии сексуального насилия на Западе и в России // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 171–172.

³ Brownmiller S. Against Our Will: Men, Women and Rape. New York, 1975; Sanday P.R. The Socio-Cultural Context of Rape: A Cross-Cultural Study // Journal of Social Issues. 1981. № 37. P. 5–27; Clark A. Women's Silence, Men's Violence: Sexual Assault in England, 1770 – 1845. London, 1987; Vigarrello G. History of Rape: Sexual Violence in France from the 16th to 20th Century. Cambridge, 2001; Thornhill R., Palmer C. A Natural History of Rape: Biological Bases of Sexual Coercion. Cambridge (MA), 2000; Williamson A. The Law and Politics of Marital Rape in England, 1945 – 1994 // Women's History Review. 2017. Vol. 26. №. 3. P. 382–413.

⁴ D'Cruze Sh. Approaching the History of Rape and Sexual Violence: Notes Towards Research // Women's History Review. 1993. Vol. 1. № 3. P. 378.

⁵ Муравьева М.Г. Методологические проблемы современной историографии сексуального насилия на Западе и в России // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 171–190.

⁶ Sanday P.R. The Socio-Cultural Context of Rape: A Cross-Cultural Study // Journal of Social Issues. 1981. № 37. P. 5–27.

⁷ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 754. Оп. 1. Д. 344.

⁸ Смирнова Е.М. Врачебная управа в истории здравоохранения России // Исторические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2012. № 10-2 (24). С. 194–198.

⁹ Гофман Э. Учебник судебной медицины. Санкт-Петербург, 1887. С. 73–122.

¹⁰ Гофман Э. Учебник судебной медицины. Санкт-Петербург, 1887. С. 121.

¹¹ Бухнер Э. Судебная медицина для врачей и юристов. Санкт-Петербург, 1870. С. 91.

¹² Clark A. Women's Silence, Men's Violence: Sexual Assault in England, 1770 – 1845. London, 1987.

¹³ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. Санкт-Петербург, 2010. С. 290.

¹⁴ Бухнер Э. Судебная медицина для врачей и юристов. Санкт-Петербург, 1870. С. 91.

¹⁵ Бухнер Э. Судебная медицина для врачей и юристов. Санкт-Петербург, 1870. С. 108–110.

¹⁶ Генке А. Руководство к судебной медицине. Санкт-Петербург, 1828. С. 169; Гофман Э. Учебник судебной медицины. Санкт-Петербург, 1887. С. 112.

¹⁷ Шюрмайер И.Г. Руководство к теоретическому и практическому изучению судебной медицины для врачей и юристов. Санкт-Петербург, 1851. С. 230.

¹⁸ Гофман Э. Учебник судебной медицины. Санкт-Петербург, 1887. С. 125.

¹⁹ Clark A. Rape or Seduction? A Controversy Over Sexual Violence in the Nineteenth Century // The Sexual Dynamics of History: Men's Power, Women's Resistance. London, 1983. P. 13–27.

²⁰ Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. У истоков медиализации: Основы российской социальной политики в сфере репродуктивного здоровья (1760 – 1860 гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 515–530.

²¹ Губарев А.П. Акушерское исследование (наружное и внутреннее). Москва, 1910. С. 135, 178.

²² Смирнова Е.М. Женщина в медицине: тернистый путь к врачебному

званию // История в подробностях. 2012. № 11 (29). С. 52–59; Смирнова Е.М. Государство, общество и здравоохранение российской провинции в XVIII – начале XX вв. (по материалам Верхней Волги). Ярославль, 2015. С. 58, 99, 326, 331, 332.

²³ Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л., Остапенко В.М. Зарождение профессионального родовспоможения в Смоленской губернии в XIX – начале XX в. // История медицины. 2017. Т. 4. № 4. С. 420–436.

²⁴ Левитский Д.И. Руководство к повивальной науке. Москва, 1821. С. 93.

²⁵ ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 220, 327, 344.

²⁶ Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. Повивальные бабки в истории медицины России (XVIII – сер. XIX в.) // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2018. Т. 17. № 1. С. 179–189.

²⁷ ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 344. Л. 12.

²⁸ Там же.

²⁹ Отт Д. Оперативная гинекология. Санкт-Петербург, 1914.

³⁰ Гофман Э. Учебник судебной медицины. Санкт-Петербург, 1887. С. 77.

³¹ Бухнер Э. Судебная медицина для врачей и юристов. Санкт-Петербург, 1870. С. 108.

³² Шюрмайер И.Г. Руководство к теоретическому и практическому изучению судебной медицины для врачей и юристов. Санкт-Петербург, 1851. С. 231; Гофман Э. Учебник судебной медицины. Санкт-Петербург, 1887. С. 97.

³³ ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 344. Л. 17.

³⁴ Штольц В. Руководство к изучению судебной медицины. Санкт-Петербург, 1885. С. 155.

³⁵ Отт Д. Оперативная гинекология. Санкт-Петербург, 1914.

³⁶ ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 344. Л. 19об.

³⁷ Там же. Л. 17.

³⁸ Там же. Л. 19об., 20

³⁹ Памятная книжка Смоленской губернии на 1855 г. Смоленск, 1855. С. 70

⁴⁰ ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 344. Л. 20об., 21.

⁴¹ Бухнер Э. Судебная медицина для врачей и юристов. Санкт-Петербург, 1870. С. 108, Шюрмайер И.Г. Руководство к теоретическому и практическому изучению судебной медицины для врачей и юристов. Санкт-Петербург, 1851. С. 231.

⁴² Гофман Э. Учебник судебной медицины. Санкт-Петербург, 1887. С. 74.

⁴³ ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 344. Л. 26, 27об.

⁴⁴ Памятная книжка Смоленской губернии на 1855 г. Смоленск, 1855. С. 69.

Мицюк Наталья Александровна – докт. ист. наук, доцент, Смоленский государственный медицинский университет (Смоленск)
mitsyuk.natalya@gmail.com

Пушкарева Наталья Львовна – докт. ист. наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии, Российская академия наук (Москва)
pushkarev@mail.ru

Статья посвящена теме, до сих пор «маргинальной» для российской историографии, – сексуальному насилию и государственной защите женщины от сексуального насилия в России. Пользуясь методом case study, авторы стремились выявить скрытые механизмы воспроизводства практик сексуального насилия в российском обществе XIX в. Новизна исследования состоит в использовании исторических источников медицинского происхождения. Авторы сосредоточились на полицейском расследовании случая изнасилования, произошедшего в Смоленской губернии в 1850 г., и на использовании медицинского освидетельствования в ходе этого расследования. Главный вывод, к которому пришли авторы, состоит в том, что важным инструментом сохранения и воспроизводства как сексуального насилия, так и терпимого отношения государственной власти и общества к сексуальному насилию в первой половине и середине XIX в. являлись российское законодательство и государственная организация медицинской помощи в области акушерства. Полицейское расследование инициировалось исключительно по жалобе жертвы сексуального насилия, и в ходе расследования все шире использовалось медицинское освидетельствование потерпевшей как метод поиска доказательств вины мужчины, обвиненного в изнасиловании. Решающим доказательством факта изнасилования считалось «лишение девства». Врачи-акушеры (мужчины) и акушерки (женщины) стали ключевыми фигурами, определявшими факт «лишения девства». Именно от их медицинского заключения зависели итог следствия и передача дела в суд. При этом профессиональное мнение врачей мужчин подавляло самое обоснованное заключение акушерок-женщин. Кроме того, процедура гинекологического осмотра приобретала вид «публичного изнасилования»: неоднократность, длительность и привлечение большого числа свидетелей-мужчин. Их результатом нередко было превращение жертвы сексуального насилия в преступницу, то есть женщину, виновную в ложном обвинении мужчины. Эта ситуация культивировала в сознании общества бессмысленность любых доказательств изнасилования и терпимость к фактам сексуального насилия. Тем самым в условиях доминирования патриархальных отношений распространялась негласная норма, предостерегавшая женщин от разглашения случаев сексуального насилия над ними и тем более от выдвижения обвинения против насильника.

Министерство внутренних дел, полиция, полицейское следствие, сексуальное насилие, изнасилование, акушерка, медицинское освидетельствование, история медицины, гендерная история, патриархальное общество, Смоленская губерния.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. D’Cruze, Sh. Approaching the History of Rape and Sexual Violence: Notes Towards Research. *Women’s History Review*, 1993, vol. 1, no. 3, pp. 377–397. (In English).

2. Mitsyuk, N.A.; Pushkareva, N.L.; Ostapenko, V.M. Zarozhdeniye professionalnogo rodovspomozheniya v Smolenskoj gubernii v XIX – nachale XX v. [The Emergence of Professional Obstetric Aid in Smolensk Province in the 19th – Early 20th Centuries.]. *Istoriya meditsiny*, 2017, vol. 4, no. 4, pp. 420–436. (In Russian).

3. Muravyeva, M.G. Metodologicheskiye problemy sovremennoy istoriografii seksualnogo nasiliya na Zapade i v Rossii [Methodological Questions in the Modern Historiography of Sexual Violence in the West and in Russia.]. *Gendernye issledovaniya*, 2005, no. 13, pp. 171–190. (In Russian).

4. Pushkareva, N.L.; Mitsyuk, N.A. Povivalnyye babki v istorii meditsiny Rossii (XVIII – ser. XIX v.) [Midwives in the History of Medicine in Russia, 18th – Mid. 19th Centuries.]. *Vestnik Smolenskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii*, 2018, vol. 17, no. 1, pp. 179–189. (In Russian).

5. Pushkareva, N.L.; Mitsyuk, N.A. U istokov medikalizatsii: Osnovy rossiyskoy sotsialnoy politiki v sfere reproduktivnogo zdorovya (1760 – 1860 gg.) [At the Origins of Medicalization: The Fundamentals of Russian Social Policy in the Field of Reproductive Health, 1760 – 1860.]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2017, vol. 15, no. 4, pp. 515–530. (In Russian).

6. Sanday, P.R. The Socio-Cultural Context of Rape: A Cross-Cultural Study. *Journal of Social Issues*, 1981, no. 37, pp. 5–27. (In English).

7. Smirnova, E.M. Vrachebnaya uprava v istorii zdravookhraneniya Rossii [The Medical Board in the History of Public Health Service in Russia.]. *Istoricheskiye, filosofskkiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye: Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 10-2 (24), pp. 194–198. (In Russian).

8. Smirnova, E.M. Zhenshchina v meditsine: ternistyy put k vrachebnomu zvaniyu [The Woman in Medicine: A Thorny Path into the Medical Ranks.]. *Istoriya v podrobnostyakh*, 2012, no. 11 (29), pp. 52–59. (In Russian).

9. Williamson, A. The Law and Politics of Marital Rape in England, 1945 – 1994. *Women’s History Review*, 2017, vol. 26, no. 3, pp. 382–413. (In English).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

10. Clark, Anna. Rape or Seduction? A Controversy Over Sexual Violence

in the Nineteenth Century. *The Sexual Dynamics of History: Men’s Power, Women’s Resistance*. London: Pluto Press, 1983. P. 13–27. (In English).

11. Porter, Roy. Rape – Does It Have a Historical Meaning? *Rape: An Historical and Social Enquiry*. Oxford (UK), New York: Blackwell, 1986. P. 216–236. (In English).

(Monographs)

12. Belova, A.V. “Chetyre vozrasta zhenshchiny”: Povsednevnyaya zhizn russkoy provintsialnoy dvoryanki XVIII – serediny XIX v. [“The Four Ages of a Woman”: The Daily Life of a Provincial Russian Noblewoman, 18th – Mid 19th Centuries.]. St. Petersburg, 2010, 478 p. (In Russian).

13. Brownmiller, S. Against Our Will: Men, Women and Rape. New York, Simon & Schuster, 1975, 472 p. (In English).

14. Clark, Anna. Women’s Silence, Men’s Violence: Sexual Assault in England, 1770 – 1845. London, Pandora, 1987, 180 p. (In English).

15. Smirnova, E.M. Gosudarstvo, obshchestvo i zdravookhraneniye rossiyskoy provintsii v XVIII – nachale XX vv. (po materialam Verkhney Volgi) [State, Society and Health Care in a Russian Province in the 18th – Early 20th Centuries (Based on Material from the Upper Volga.)]. Yaroslavl, 2015, 446 p. (In Russian).

16. Thornhill, R.; Palmer, C. A Natural History of Rape: Biological Bases of Sexual Coercion. Cambridge (MA), MIT Press, 2000, 251 p. (In English).

17. Vigarello, G. History of Rape: Sexual Violence in France from the 16th to 20th Century. Cambridge, Polity Press, 2001, 306 p. (In English).

Authors, Abstract, Key words

Natalya A. Mitsyuk – Doctor of History, Senior Lecturer, Smolensk State Medical University (Smolensk, Russia)
mitsyuk.natalya@gmail.com

Natalya L. Pushkareva – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
pushkarev@mail.ru

The article highlights the topic which is still being marginal for Russian historiography, namely, sexual violence in Russia. Applying the case-study method, the authors seek to reveal the hidden mechanisms of reproduced practices of sexual violence in Russian society in the 19th century. Historical sources of medical origin used in the research account for its novelty. The authors focus on the police investigation of a rape incident that took place in the Smolensk province in 1850 and the medical examination in the course of this investigation. The main conclusion the authors arrive at is that it was Russian legislation and the system of medical services in the area of obstetrics offered by the state that accounted for sexual violence being preserved and reproduced as well as

the tolerant attitude on the part of the state and society toward sexual violence in the first half and mid-nineteenth century. The police investigation was initiated exclusively upon the complaint of the victim of sexual violence, with medical examination of the victim being increasingly used as a method to search for the evidence of guilt of the man who is charged with rape. "Deprivation of virginity" was considered the conclusive proof of rape. Male and female obstetricians became key figures to find out the fact of "deprivation of virginity". Their medical conclusion determined the result of the investigation and whether the case should be referred to court. Moreover, the male doctors' opinion tended to undermine that of the female obstetricians, no matter how grounded it was. Also, the procedure of gynecological examination started to look like "a public rape" due to its multiplicity, duration and a big number of male witnesses involved. More often than not the victim of sexual violence was turned into the one to blame, charged with false accusation of a man. This situation made people commonly believe that it was no use proving the fact of rape making them tolerant of incidents of sexual violence. With patriarchal relationships being dominant, an unspoken rule was spreading across Russia which kept women from disclosing information about sexual violence against them, to say nothing of accusing the abuser.

Ministry of Internal Affairs, police, police investigation, sexual violence, rape, midwife, medical examination, history of medicine, gender history, patriarchal society, Smolensk province.

Д.В. Васильев

ПРОВЕДЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ 1868 ГОДА В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ: СУДЬБА ОДНОЙ СЕМЬИ*

D.V. Vasilyev

The Implementation of the Administrative Reform of 1868 in the Kazakh Steppe: The Fate of a Family

В ведущейся со второй половины XX в. дискуссии о колониальном характере российского присутствия на имперских окраинах еще рано ставить точку. При этом исследование административной политики России в Казахской степи XVIII – первой половины XIX вв. приводит к убеждению, что здесь до начала XIX в. Петербург с помощью пограничных властей реализовывал модель косвенного управления, суть которой сводилась к наблюдению за нормальной работой традиционных административных институтов. Однако вмешательство пограничных чиновников во внутренние распри казахов сделали империю соучастником этих конфликтов¹, что подрывало сами принципы косвенного управления и бесповоротно вело к введению новой формы колониальной администрации – модели прямого управления.

Отсрочить неизбежное попытался Симбирский и Уфимский генерал-губернатор барон О.А. Игельстром². Предложенная им промежуточная модель оказалась тупиковой, но именно она стимулировала деятельность по преобразованию административной системы в Казахской степи.

Во второй четверти XIX в. завершалась адаптация региона к новым административно-политическим и социальным условиям, и на большей части казахских земель утвердилось прямое имперское управление³. При этом не следует сбрасывать со счетов, что оно изначально рассматривалось властями лишь как средство смягчения перехода к полному инкорпорированию региона в состав империи⁴.

Важной вехой на пути сближения Казахской степи с остальными частями Российской империи стало Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях 1868 г.⁵ Ликвидация специфических областных управлений казахами, унификация их администрации в рамках областей, близких уже к общероссийским губерниям, введение общегосударственных учреждений и институтов свидетельствуют о завершении

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Политика Российской империи в Центральной Азии. Конец XIX – начало XX века» (проект № 18-09-00078).

реализации в казахском регионе принципов прямого управления⁶ и форсировании адаптации региональных административных систем (оренбургской и западносибирской) к общеимперской⁷.

Появившиеся в степи органы пусть не полностью, но в основном дублировали общегосударственную систему. Создавались коллегиальные учреждения, более правильную организацию получали социальная сфера (здравоохранение, образование) и податное обложение.

При этом не следует сбрасывать со счетов недопущение представителей коренных народностей к участию в коллегиальных административных органах, определенные ограничения при формировании и функционировании их общественного управления. Новым законом власть, конечно же, уже закладывала фундамент для будущей крестьянской колонизации степи и сокращения традиционного казахского землепользования (§ 210 Временного положения признавал все занимаемые казахскими кочевьями земли государственной собственностью)⁸. Но все эти меры не были пока еще такими явными, а само Временное положение в некоторой степени еще сохраняло некоторые традиционные нормы и институты, в первую очередь в части народного суда.

Однако, распространяя на край значительную часть общероссийских установлений, предоставляя казахам права сельских обывателей империи, причем даже с серьезными льготами (освобождение от военной повинности пожизненно, а при переходе в податное имперское сословие – на пять лет от соответствующей подати, от гербового сбора во взаимных делах между собою и т.д.), правительство на деле подтверждало неуклонность своего курса на неразрывное сращивание Казахской степи с внутренними областями России в единое и неделимое государство.

* * *

Введение в действие Временного положения 1868 г. в некоторых местах вызвало волнения казахского населения. В связи с этим хотелось бы остановиться на одном лишь эпизоде, связанном с новым шагом на пути огосударствления местной администрации.

Несмотря на то, что реформа 1868 г. стремилась затронуть низшее звено управления очень осторожно, некоторые нововведения, вполне очевидные для остальной России, вызвали в казахской среде непонимание там, где его ожидали меньше всего. Сказывались цивилизационные различия, которые еще предстояло смягчить в ходе длительного процесса межкультурного взаимодействия русских (россиян) и казахов⁹.

Речь идет о нежелании некоторых вновь избранных представителей местной низовой администрации принимать должностные знаки отличия.

Известно, что организация административных аулов и волостей в казахских областях Западной Сибири завершилась весной–летом 1869 г., а менее года спустя в уезды поступили бронзовые должностные знаки. И военный губернатор Акмолинской области генерал-майор Н.П. Окольничий в марте 1870 г. докладывал главному начальнику края генерал-губернатору Западной Сибири А.П. Хрущову о том, что от принятия своих знаков отказались управители двух волостей и несколько биев на том основании, что ислам запрещал носить на себе изображения креста, в то время как именно крест венчал императорскую корону, расположенную в верхней части аверса соответствующих знаков. Прочие же волостные управители приняли свои знаки безропотно¹⁰.

При этом военный губернатор Окольничий, со слов Акмолинского уездного начальника подполковника Фролова, пояснил, что действия двух управителей вызвали сочувствие у казахов других волостей, которые не теряли надежды на то, что эти бронзовые знаки вскоре будут заменены золотыми медалями наподобие наградных, на аверсе которых помещался барельеф императора, его краткий титул и год выпуска медали, а на реверсе – надпись «За усердную службу». Эти сомнения влиятельных казахов, день ото дня распространявшиеся среди населения уезда, и заставили его начальника до времени приостановить выдачу должностных знаков¹¹.

Из докладов уездного начальника военный губернатор сделал вполне обоснованный вывод о том, что знатные казахи во введении таких «христианских» знаков отличия увидели намерение правительства поколебать в народе устои ислама: «Перенеся с молчанием, но тем не менее с крайним раздражением ряд преобразовательных мер, хотя и долженствующих, несомненно, повести к процветанию киргизского народа [Так в XIX в. было принято называть казахов. – Д.В.], однако существенно затронувших многие интересы, с которыми он сроднился, народ, естественно, остановился на том предмете, в котором считал себя полным хозяином – на своей вере»¹².

Сам же военный губернатор Окольничий утверждал, что бронзовые знаки казахи рассматривали как второй, после выведения местных духовных лиц из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания, шаг в деле постепенной ликвидации ислама в Казахской степи¹³.

Завершая свой доклад, акмолинский областной начальник просил Западно-Сибирского генерал-губернатора Хрущова не принимать никаких строгих мер, «дабы не раздражить народ в самом священном его чувстве»¹⁴.

Поразмыслив какое-то время над сложившейся ситуацией, главный начальник края Хрущов спустя почти две недели согласился с Окольничим в том, что событию этому не стоило придавать особого значения и тем более прибегать к каким-либо мерам принуж-

дения. «Но тем не менее, – писал Хрущов, – необходимо, чтобы г<оспода> уездные начальники путем убеждений склоняли по возможности должностных лиц киргизского управления к принятию таковых [Знаков. – Д.В.], объясняя им, что знаки эти установлены собственно для отличия должностных лиц от прочих киргизов и что ношение их обязательно только при исполнении служебных обязанностей, а неприятие оных будет неблагоклонно принято начальством как неподчинение служебному порядку»¹⁵.

Однако в стремлении найти простую и легко устранимую причину неприятности главный начальник края не поддержал Окольного в его рассуждениях о взаимоотношениях ислама и власти в степных областях, подчеркнув тем самым свою сознательную приверженность мерам, направленным на ограничение консолидации местного духовенства. «Зная, насколько киргизы падки ко всем знакам отличия, я не могу отнести этого явления к фанатизму, воспрещающему носить знак, на котором имеется изображение креста. Многие киргизы из числа самых влиятельных имеют орденские знаки и носят их постоянно. Причину этого явления едва ли не следует искать в подстрекательстве прежних мулл или, быть может, иных злоумышленников, что необходимо было бы выяснить негласным и весьма осторожным дознанием». При этом генерал-губернатор выразил уверенность, что начальнику области удастся разрешить все вопросы во время личного объезда вверенной ему территории¹⁶.

Как позднее Окольный докладывал генерал-губернатору, при подъезде к Акмолинску его встретили волостные управители уезда – все как один без должностных знаков. Причем знаки отсутствовали и у сыновей полковника Джеикпаева, и бывшего советника областного правления Коченова, которые сами зарекомендовали себя ревностными чиновниками. Проведенное областным начальником разъяснение, что должностные знаки, надеваемые во время исполнения служебных обязанностей, ни в коей мере не противоречат мусульманской вере, к которой российское правительство проявляет уважение, возымело действие. После этого все волостные управители, как и другие должностные лица уезда, в течение двухнедельного пребывания военного губернатора в Акмолинске постоянно носили на себе бронзовые знаки¹⁷.

При этом управитель Бактыбай Киреевской волости Джукен (в некоторых документах – Джузесар) Айдеркин, в свое время первым открыто выступивший против ношения должностных знаков, оказался на стороне казахов, отказавшихся от претензий по поводу православного креста как из самосохранения, опасаясь понести ответственность за спровоцированное им волнение, так и из чувства мести за потерю власти при увольнении его от должности волостного управителя¹⁸.

Тем не менее военный губернатор, во избежание недоразумений, распорядился заключить Айдеркина в местную гауптвахту, чтобы

позднее переправить до дальнейших распоряжений в тюремный замок города Петропавловска Акмолинской области. Признавая дальнейшее пребывание Айдеркина в области нежелательным, Окольный обратился к Хрущову с предложением выслать Айдеркина административным порядком в одну из внутренних губерний империи на неопределенный срок, а именно до того времени, пока «не установится окончательно в народе спокойствие»¹⁹.

В завершении своего доклада, уверяя главного начальника края, что инцидент практически полностью исчерпан и Временное положение 1868 г. неуклонно и твердо внедряется в повседневную жизнь области, генерал-майор Окольный посетовал на то, что должностные лица близлежащих уездов Семипалатинской области до сих пор не получили свои знаки и, видя в этом принципиальное упущение, просил генерал-губернатора вмешаться²⁰.

Препровождая этот доклад, равно как и предыдущее, в Министерство внутренних дел, Хрущов объяснил министру А.Е. Тимашеву отсутствие должностных знаков у казахов Семипалатинской области их несвоевременным заказом на Алтайских заводах, а заодно и просил разрешения на выполнение предложения Окольного в отношении Джузесара Айдеркина²¹.

* * *

Со 2 июля 1870 г. Айдеркин томился в заключении без предъявления обвинения, допроса и иных следственных действий. Скот, жены и малолетние дети остались без призора, здоровье немолодого уже казаха расстроилось. Прошения к областному прокурору и губернатору об освобождении из-под стражи или под поручительство, а также попытки выяснить причины ареста и добиться расследования успехом не увенчались²². К тем же лицам с просьбами об освобождении обращалась и его жена Копея.

Но все дело в том, что административное задержание не предполагало обычных следственных процедур и судебного разбирательства. Фактически судьба ее супруга была предрешена. И в расчет здесь не шла ни почти тридцатилетняя (с 1843 г.) безупречная служба волостным управителем, ни заслуженные две медали и кафтан²³.

Дело приобрело политическую окраску и действительно не могло завершиться признанием невиновности бывшего волостного управителя. На обращение супруги задержанного Хрущов приказал ответить, что его дело передано на усмотрение министра внутренних дел, без решения которого ее просьба не может быть уважена²⁴.

5 октября, в день, когда Айдеркин подписал свое очередное прошение к генерал-губернатору, в адрес последнего из столицы было направлено предписание министра внутренних дел Тимашева о направлении бывшего волостного управителя в порядке административной высылки на жительство в Ярославль и вновь с указанием

неопределенного срока – до тех пор, пока спокойствие среди казахов не установится окончательно²⁵.

Настойчивая Копея Айдеркина вновь обратилась к Хрущову. Из ее прошения становится очевидным, что на сей раз причину задержания ее мужа и перспективу ограничения свободы супруге уже разъяснили. «Содержащийся в Петропавловском тюремном замке муж мой киргизец Акмолинской области Джужефар [Так в тексте. – Д.В.] Айдеркин, вследствие распоряжения г-на министра внутренних дел, за подстрекательство будто бы избранных в волостные начальники киргиз к непринятию ими принятых знаков на эти должности предназначен к высылке на житие в г. Ярославль до водворения спокойствия в области; но как волнения между киргизами и подстрекательства мужа моего не было и нет, то имею честь покорнейше просить Ваше высокопревосходительство, приостановить высылку мужа моего...»²⁶.

На это прошение легла резолюция главного начальника края: «Отказано лично, но уведомить об этом через полицию»²⁷.

Не унимался и супруг. Узнав наконец о причине своего задержания, он оправдывался перед Хрущовым: «Вывод этот [О подстрекательстве к непринятию служебных знаков. – Д.В.] сделан, как я думаю, никем другим, как акмолинским уездным начальником Фроловым, который по не известным мне причинам возымел ко мне какое-то неудовольствие и поэтому удалил меня от должности волостного управителя... Принимать помянутый знак я не отказывался и к непринятию оно не подстрекал, что могут подтвердить все волостные управители Акмолинского уезда, и если бы по этому предмету я был спрошен или произведено исследование, то, надеюсь, что был бы оправдан, но я вовсе не спрошен и только от Вашего высокопревосходительства узнал, за что именно заключен в острог»²⁸.

Но краевой начальник не желал (и был в этом с административной точки зрения прав) отступать. Через месяц после подачи прошения Айдеркин был отправлен в Ярославль²⁹, куда и прибыл 2 февраля. Здесь он был оставлен без полицейского надзора и на собственное иждивение.

Он писал в Омск, жалуясь на тяжесть арестантской лямки, которую он тянул в течение полугода, и убожество жизни, выпавшей ему на долю в Ярославле. Далеко от семьи, лишенный возможности получения помощи от родных, весьма затрудненный в переписке с ними, одинокий казах мог рассчитывать лишь на милосердие своих новых соседей, их щедрость и сочувствие. Чужеродное окружение, непривычный тягостный климат и отсутствие возможности отправления насущных религиозных нужд были невыносимы. И лишь вовремя протянутая рука доброго человека не давала умереть с голоду. А еще поддержка и помощь безвестных провинциальных интеллигентов, которые помогали найти бумагу, отправить письмо род-

ным, написать прошение властям, пойти на прием к чиновникам. Лишь глухая административная машина не хотела видеть страдания жалкого кочевника, почти лишенного всех смыслов существования, и не думала затевать расследование по вполне очевидному для себя делу. А ведь ни о чем другом, кроме проведения следствия без участия уездного начальника Форолова, и не просил Джужен Айдеркин своего генерал-губернатора³⁰.

Западно-Сибирский генерал-губернатор Хрущов на сей раз ограничился уведомлением ярославского военного и гражданского губернатора адмирала И.С. Унковского о том, что не в силах удовлетворить просьбу Айдеркина о проведении следствия на том основании, что тот был выслан в Ярославль не по его указанию, а по распоряжению министра внутренних дел³¹.

Вникнув в эту ситуацию, ярославский губернатор, по сути, встал на сторону казаха Айдеркина. В своем отношении к Хрущову адмирал Унковский обращал внимание на то, что «...Айдеркин, не зная русского языка и не имея здесь никого, кто бы мог понимать его природный язык, поставлен в весьма затруднительное положение в отношении хозяйственных распоряжений для своего содержания; кроме того, у него нет здесь никаких денежных средств даже и на однодневное продовольствие, тогда как в месте постоянного жительства его, насколько я мог понять из его разъяснений, у него есть весьма достаточное состояние. По этим своим крайним обстоятельствам он почти каждодневно является ко мне и просит о производстве ему содержания из казны. Так как просьба Айдеркина о выдаче ему пособия из казны удовлетворена быть не может, а из слов его видно, что он неоднократно писал к своей жене и сыновьям, чтобы выслали ему на содержание деньги, но ответа от них не получает до сего времени, из чего он и заключает, что посылаемые им к семейству письма не доходят по назначению, то, входя в крайне стеснительное положение Айдеркина, я считаю обязанностью обратиться к Вашему высокопревосходительству с всепокорнейшей просьбой о распоряжении, чтобы Айдеркину в скорейшем времени было выслано семейством его потребное на содержание его количество денег, и о последующем почтить меня уведомлением; при чем долгом считаю присовокупить, что Айдеркин здесь лишен всякой возможности снискивать какие-либо средства к пропитанию своим личным трудом или занятиями и в настоящее время живет здесь почти одной только частной благотворительностью»³².

Этот весьма интересный документ не только открывает нам человеколюбие одного из высших представителей российской администрации (сенатор, адмирал Иван Семенович Унковский был известным кругосветным мореплавателем, исследователем Японского моря и залива Петра Великого), но ставит вопросы, на которые имперская бюрократическая машина не оставила ясных делопроизводственных ответов. Остается непонятным, почему имеющий не-

сколько жен, то есть достаточно состоятельный, казах был отправлен полицией в административную высылку совершенно без средств к существованию. Ведь вполне очевидно, что у областной и уездной администрации была возможность запросить их у семьи бывшего волостного управителя. И кто получал письма, отправленные Айдеркиным? (А в том, что он их отправлял, вряд ли можно сомневаться). Может быть, они оставались в почтовой конторе Акмолинска или ложились под сукно на столе уездного начальника, добившегося ареста и высылки в чем-то действительно провинившегося или просто неугодного ему казаха?

Наверняка положение без средств к существованию и в неприглядной окружающей среде было для бывшего волостного управителя и человека состоятельного невыносимым. Но он находил в себе силы бороться. Более того, его голос креп, и, судя по всему, ему удавалось найти сочувствие среди местных жителей. (Ведь для того чтобы написать прошение, нужно было найти человека, грамотного в юридическом отношении и опытного в написании прошений начальству, и заплатить ему за работу). Наконец, после нескольких месяцев жизни в Ярославле появились и вполне недвусмысленные обвинения акмолинского уездного начальника в злоупотреблении служебным положением.

В его прошении на имя Хрущева от 1 мая 1871 г. сказано:

«По ложному извету, возведенному на меня уездным начальником Фроловым, что будто бы я служил поводом подстрекательства к непринятию знаков, установленных высочайше для лиц служащих, губернатор Акмолинской области ходатайствовал через Ваше высокопревосходительство об удалении меня с места жительства, не произведя ни следствия, ни предав меня суду, даже самоуправно выдержал в остроге 6 месяцев, и я сослан на житье в г. Ярославль, где со 2 февраля живу без куска хлеба, так как кормовых мне не дано и не производится.

Наше законодательство так ясно говорит, что без следствия и суда никто не может быть лишен прав и преимуществ, я же, такой верноподданный государю как и прочие, сослан, был выдержан в тюрьме, лишен имуществ, должности, которую несколько лет проходил честно, за что высочайше удостоен был несколькими наградами. И ныне, при введении в действие Положения нового об устройстве киргизов, общество мне дало подписку [Приговор. – Д.В.] исполнять его в точности. Следовательно, если бы с моей стороны было какое-либо возбуждение, то бы общество произвело беспорядки, а их нет. Донос произведен Фроловым из личных его требований ко мне, которых я не считал возможным удовлетворять.

Ваше высокопревосходительство, Вы поставлены соблюдать правосудие, которое прошу оказать надо мной, нарядить чиновника особых поручений для следствия, которым окажется, что я не только не был подстрекателем, но ревностным исполнителем закона и воли

государя. И по исследовании прошу мне объявить свое распоряжение исходатайствовать мне возвращение на родину, а до того времени перевод на житье в Нижний Новгород, где бы я мог иметь возможность совершать обряды веры, а в г. Ярославле этого я лишен»³³.

Обращение ярославского губернатора сдвинуло дело с мертвой точки, и акмолинский вице-губернатор распорядился обязать семейство Айдеркина выслать ему необходимые для жизни средства³⁴.

Определенное беспокойство о судьбе Айдеркина проявил и сам Хрущов, обратившись к Окольничему с вопросом о предполагаемой продолжительности его административной высылки. То, что ответил ему акмолинский военный губернатор, заставляет сомневаться в правдивости и справедливости выдвинутых обвинений: «...По мнению моему, ссылка Айдеркина должна продолжаться по крайней мере еще три года, так как этот человек по смелому характеру своему и изворотливому уму опасен для спокойствия киргизов вверенной мне области, притом же слишком раннее возвращение его ослабит впечатление сделанного наказания...»³⁵.

Не дает покоя мысль, что бывший волостной управитель стал тем самым «стрелочником», на которого областное начальство решило свалить свои неудачи при введении в действие Временного положения 1868 г. Особенно если учесть, что сам генерал-губернатор считал возможным ограничиться однолетним (по успокоению Степи) сроком высылки Айдеркина в Ярославль³⁶.

Косвенно на такое заключение наводит и готовность Окольничего задержать Айдеркина в Ярославле даже ценой непредусмотренных казенных расходов. Губернатор Акмолинской области сетовал, что явная материальная несостоятельность Айдеркина толкала его на беспокойство ярославского начальства постоянными просьбами об оказании финансовой помощи. Последнее, как предполагал Окольничий, исходя именно из желания отделаться от административно высланного, оказавшегося столь назойливым, старалось отделаться от него и ходатайствовало о его возвращении на постоянное место жительства. Дабы избежать ненужного для западносибирского начальства возвращения бывшего волостного управителя, губернатор предлагал любой ценой удержать Айдеркина в Ярославле, вплоть до обращения в Министерство внутренних дел с ходатайством о выделении некогда почетному казаху по 30 коп. в сутки для поддержания его существования³⁷.

* * *

Шло время. И тон прошений административно высланного, а также степень его осведомленности о перипетиях его дела менялись:

«...Должен я, несчастный, страдать без конца и умереть от голода, мучениям моим пошел уже другой [Второй. – Д.В.] год, а потому, Ваше сиятельство, осмеливаюсь утруждать покорнейшей просьбой

о произведении через кого следует дознания и, в случае установления в Киргизской степи спокойствия, войти с ходатайством к министру внутренних дел о возвращении меня в место жительства, а если там и по сие время продолжается беспокойство, то в силу Манифеста, данного в ознаменование дня рождения его императорского высочества великого князя Георгия Александровича в 13 день мая об облегчении участи некоторых преступников, будете ходатаем о переводе меня в Петропавловский или Омский уезд, так как в г. Ярославле нет ни мечети, ни муллы, а на жизненные припасы ужасная дороговизна... за что должен за Вас молить бога по гроб жизни...»³⁸.

В конце концов военный губернатор Акмолинской области, оставив намерение изыскать для Айдеркина казенные средства, обязал его семейство высылать в Ярославль не менее 9 руб. в месяц³⁹. Представляется, что глагол «обязывать» в данном контексте не совсем уместен. Из хранящейся в Государственном историческом архиве Омской области переписки по этому делу следует, что Джукен Айдеркин был лишен возможности получать денежные средства от своих родичей.

Все это время Копея Айдеркина не оставляла надежды вернуть мужа. Преодолев тысячи верст, она с одним из сыновей добралась до столицы империи и с просьбой о всемилостивейшем прощении супруга бросилась к ногам цесаревны Марии Федоровны. И тогда, следуя ее воле, Министерство внутренних дел предложило Хрущову рассмотреть вопрос о возможности возвращения ссыльного на родину⁴⁰. (Выходит, вопрос о прекращении срока административной высылки фактически был полностью в компетенции главного начальника Западной Сибири).

Бюрократический маховик завертелся. Генерал-губернатор запросил мнение военного губернатора, а тот – мнение уездного начальника. Ответы пошли в обратном направлении. Уже известный нам подполковник Фролов докладывал начальнику области, что двухлетнее спокойствие области не создает препятствия к возвращению Айдеркина. При этом он выразил убеждение, что, во имя предотвращения вредного влияния на общество, бывшего волостного управителя следует оставить под особым полицейским надзором, назначив местом пребывания одну из ближайших к Акмолинску волостей. Новый военный губернатор Акмолинской области генерал-лейтенант В.С. Цытович поддержал мнение своего подчиненного⁴¹. И Хрущову осталось лишь изъявить свое согласие⁴².

Еще через два месяца товарищ министра внутренних дел генерал-майор М.Р. Шидловский уведомил главного начальника края о разрешении Д. Айдеркину вернуться на родину под особый негласный полицейский надзор⁴³.

Джукен вместе с Копеей и сыном Ахмедом отправились в Омск.

* * *

Наша история, однако, на этом не закончилась.

За бывшим волостным управителем остался долг перед казной – 218 руб. и 53 с четвертью коп., выданные ему на путевые издержки из Петропавловска в Ярославль⁴⁴.

Соответствующее распоряжение о взыскании с бывшего административно высланного этих казенных денег генерал-губернатор направил губернатору Акмолинской области⁴⁵.

Через год Цытович доложил, что Айдеркин, ссылаясь на нехватку корма для скота в предшествующую зиму, вызванный этим падеж и свое практически полное разорение, смог внести лишь 110 руб. из всей причитающейся суммы. Оставшуюся часть долга он просил простить либо отсрочить до июня 1874 г. Губернатор Акмолинской области прошение казаха счел заслуживающим удовлетворения⁴⁶.

Судьба оставшейся части средств, затраченных государством на ссылку бывшего волостного управителя, избранного по Временному положению 1868 г., решалась уже в Тобольской губернской казенной палате.

* * *

Казалось бы, мы незаслуженно много места уделили истории одного человека, документы о котором почти случайно не были уничтожены и дошли до нашего времени.

Но судьба Джукена Айдеркина во многом показательна.

Она свидетельствует об административных упущениях при введении в действие Временного положения 1868 г., о труднопреодолимых культурных различиях и недостаточном учете психологии и особенностей местного населения, об использовании административных взысканий, о жесткости местной администрации при реализации политических задач, о неумении начальников уездов конструктивно взаимодействовать с подчиненными им казаками, служившими в низовом аппарате управления.

А может быть, свидетельствует еще и о том, что осталось за страницами документов лично между подполковником Фроловым и волостным управителем Айдеркиным.

А еще это свидетельство милосердия простых русских обывателей, в среде которых довелось жить казаку, разоренному властями, и гимн преданной любви его жены Копеи, которая ради спасения супруга преодолела немыслимое расстояние от своего аула до императорских чертогов и одолела бездушную бюрократическую машину.

Примечания Notes

¹ *Васильев Д.В.* Массовые народные движения как инструмент российской региональной политики в Казахской степи в конце XVIII в. (на примере движения Сырыма Датова) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2017. № 1. С. 31–43.

² *Васильев Д.В.* Реализация реформ О.А. Игельстрома в степи оренбургского ведомства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 1 (31). С. 17–22.

³ *Васильев Д.В.* Казахская степь на рубеже XVIII – XIX вв.: реформы и проекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6 (36). С. 135–145.

⁴ *Васильев Д.В.* Россия и Казахская степь: Административная политика и статус окраины, XVIII – первая половина XIX века. Москва, 2014.

⁵ Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1. Алма-Ата, 1960. С. 323–340.

⁶ *Васильев Д.В.* Форпост империи: Административная политика России в Центральной Азии, середина XIX века. Москва, 2015. С. 279–293.

⁷ *Васильев Д.В.* Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: на пути к интеграции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4 (73). С. 5–21.

⁸ Материалы по истории политического строя Казахстана... С. 337.

⁹ *Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Казахи и русские: Бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.

¹⁰ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 18556. Л. 1–2.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Л. 2–2об.

¹³ *Васильев Д.В.* Мусульманская политика Российской империи в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 2. С. 117–126; *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.) Москва, 2004. С. 121, 122; *Васильев Д.В.* Административная аккультурация: Опыт региональной политики Российской империи в Центральной Азии, XVIII – XIX вв. Оренбург, 2018. С. 128, 129.

¹⁴ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18556. Л. 4об.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 6, 6об., 5, 5об.

¹⁷ Там же. Л. 11–13.

¹⁸ Там же. Л. 14.

¹⁹ Там же. Л. 14об., 15.

²⁰ Там же. Л. 16об.

²¹ Там же. Л. 17, 17об.

²² Там же. Л. 22–23.

²³ Там же. Л. 18а–19.

²⁴ Там же. Л. 20, 20об.

²⁵ Там же. Л. 25.

²⁶ Там же. Л. 28.

²⁷ Там же. Л. 28.

²⁸ Там же. Л. 31, 31об.

²⁹ Там же. Л. 34.

³⁰ Там же. Л. 35–36.

³¹ Там же. Л. 37, 37об.

³² Там же. Л. 40–41.

³³ Там же. Л. 39, 39об.

³⁴ Там же. Л. 45.

³⁵ Там же. Л. 48, 48об.

³⁶ Там же. Л. 55.

³⁷ Там же. Л. 48об., 49.

³⁸ Там же. Л. 52, 52об.

³⁹ Там же. Л. 54, 54об.

⁴⁰ Там же. Л. 55об.

⁴¹ Там же. Л. 57, 57об.

⁴² Там же. Л. 58.

⁴³ Там же. Л. 59.

⁴⁴ Там же. Л. 61–62об.

⁴⁵ Там же. Л. 64.

⁴⁶ Там же. Л. 68–69.

Автор, аннотация, ключевые слова

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва)
dvvasiliev@mail.ru

В статье на основании ранее не публиковавшихся архивных документов рассмотрен частный случай реакции коренного населения степных областей Российской империи на реализацию административной реформы 1868 г. в Казахской степи. Впервые в отечественной историографии обращается внимание на то, что в казахском регионе, уже более ста лет находившемся в составе Российской империи, продолжали сохраняться глубокие цивилизационные различия между коренным населением и российской имперской властью. Эти различия являлись серьезным препятствием и создавали немалые сложности для тех казахов, которые по разным причинам сохраняли лояльность к российской власти. В тех случаях, когда они занимали должности в местном, низовом аппарате управления, им нелегко было выполнять свои служебные обязанности. С другой сто-

роны, рассмотренный в статье случай, который произошел с одной состоятельной и уважаемой казахской семьей, свидетельствует о недостаточной продуманности мер по реформированию системы управления. Кроме того, он свидетельствует о неадекватном восприятии российской бюрократией готовности коренного населения Казахской степи к принятию этих реформаторских мер. По мнению автора, о сложностях, с какими сталкивалось российское правительство в адаптации казахского общества к общеимперским административным порядкам, можно судить не только на основе анализа крупных социальных волнений, в которых заметную роль играли личные интересы их руководителей, но и на основе детального разбора частных случаев непонимания или сопротивления. В такого рода частных случаях российские чиновники не утруждали себя попыткой вникнуть в уклад жизни и обычаи населения. И зачастую они использовали привычные для них административные меры, включая высылку в отдаленные губернии с преимущественно русским населением. Кроме того, российские чиновники проявляли неоправданную жесткость по отношению к представителям местного казахского населения, которые занимали должности в низовом аппарате управления.

Казахская степь, казахи, ислам, Западная Сибирь, Акмолинская область, Министерство внутренних дел, генерал-губернаторство, губернатор, бюрократический аппарат, административная высылка, реформа государственного управления.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Vasilyev, D.V. Kazakhskaya step na rubezhe XVIII – XIX vv.: reformy i proekty [The Kazakh Steppe at the Turn of the 18th and 19th Centuries: Reforms and Projects.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 6 (36), pp. 135–145. (In Russian).

2. Vasilyev, D.V. Massovye narodnye dvizheniya kak instrument rossiiskoy regionalnoy politiki v Kazakhskoi stepi v kontse XVIII v. (na primere dvizheniya Syryma Datova) [Mass Popular Movements as an Instrument of Russian Regional Policy in the Kazakh Steppe at the End of the 18th Century (from the Example of the Syrym Datov Movement.).]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 2017, no. 1, pp. 31–43. (In Russian).

3. Vasilyev, D.V. Musul'manskaya politika Rossiiskoy imperii v Turkestanskom i Stepnom general-gubernatorstvakh [The Muslim Policy of the Russian Empire in the Turkestan and Steppe Governor-Generalships.]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 117–126. (In Russian).

4. Vasilyev, D.V. Rossiya i Kazakhskaya step v pervoy polovine XIX veka: na puti k integratsii [Russia and the Kazakh Steppe in the First Half of the 19th Century: On the Path to Integration.]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo*

nauchnogo fonda, 2013, no. 4 (73), pp. 5–21. (In Russian).

5. Vasilyev, D.V. Realizatsiya reform O.A. Igelstroma v stepi orenburgskogo vedomstva [The Implementation of Governor-General Osip A. Igelstrom's Reforms in the Orenburg Steppe.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 1 (31), pp. 17–22. (In Russian).

6. Vasilyev, D.V.; Lyubichankovskiy, S.V. Kazakhi i ruskiye: Bytovaya akkulturratsiya v XIX v. [Kazakhs and Russians: Daily-Life Acculturation in the 19th Century.]. *Voprosy istorii*, 2018, no. 3, pp. 151–165. (In Russian).

(Monographs)

7. Arapov, D.Yu. Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiiskoy imperii (poslednyaya tret XVIII – nachalo XX vv.) [The System of the State Regulation of Islam in the Russian Empire (Last Third of the 18th and Early 19th Centuries.).]. Moscow, 2004, 287 p. (In Russian).

8. Vasilyev, D.V. Administrativnaya akkulturratsiya: Opyt regionalnoy politiki Rossiiskoy imperii v Tsentralnoy Azii, XVIII – XIX v. [Administrative Acculturation: The Experience of the Russian Empire's Regional Policy in Central Asia, 18th and 19th Centuries.]. Orenburg, 2018, 139 p. (In Russian).

9. Vasilyev, D.V. Forpost imperii: Administrativnaya politika Rossii v Tsentralnoy Azii, Sredina XIX veka [Outpost of the Empire: Russia's Administrative Policy in Central Asia, Mid-Nineteenth Century.]. Moscow, 2015, 302 p. (In Russian).

10. Vasilyev, D.V. Rossiya i Kazakhskaya step: Administrativnaya politika i status okrainy, XVIII – pervaya polovina XIX veka [Russia and the Kazakh Steppe: Administrative Policy and the Status of the Periphery, Eighteenth and First-Half of the Nineteenth Centuries.]. Moscow, 2014, 470 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Dmitry V. Vasilyev – Doctor of History, Professor, Moscow City University (Moscow, Russia)

dvvasiliev@mail.ru

The article which is based on previously unpublished archival documents studies an instance showing the reaction of indigenous population in the steppe regions of the Russian Empire to the implementation of the administrative reform of 1868 in the Kazakh steppe. For the first time in Russian historiography attention is paid to the fact that, although the Kazakh region had been staying within the Russian Empire for more than 100 years, profound civilizational differences were still intact between the indigenous people and Russian Imperial authorities. These differences caused difficulties for those Kazakhs who for various reasons stayed loyal to the Russian power. In case they occupied low positions in the local government they were faced with difficulties as they performed their professional duties. On the other hand, the case referred to in the

article which concerns an affluent and respected Kazakh family reveals that the governmental reform had not been sufficiently worked out. Moreover, this fact demonstrates that Russian bureaucracy were not able to adequately assess the reception of these reforms by the indigenous population of the Kazakh steppe. According to the author, the difficulties with the adaptation of Kazakh society to all-imperial administrative norms were not only evident through the analysis of big social unrest, largely instigated by personal interests of their leaders, but also through detailed analysis of individual instances of misunderstanding and resistance. In the latter Russian bureaucrats appear to ignore the sentiments and customs of the people. They often resorted to common administrative measures, such as exile to far-off provinces with predominantly Russian population. In addition, Russian bureaucracy was unreasonably cruel to local low positioned population.

Kazakh Steppe, Kazakhs, Islam, Western Siberia, Akmola Region, Ministry of Internal Affairs, Governor-Generalship, Governor, bureaucratic apparatus, administrative exile, governmental reform.

A. V. Kostrov and Yu. V. Elokhina

**THE RESISTANCE OF OLD BELIEVERS
IN EASTERN SIBERIA
TO OFFICIAL ATTEMPTS
TO MONITOR THEIR NUMBERS
AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY**

А.В. Костров, Ю.В. Елохина

**Сопrotивление старообрядцев Восточной Сибири
попыткам властей контролировать их численность
в начале XX века***

Перевод Ю.В. Елохиной

Uncertainty over the actual number of Old Believers, as representatives of an ecclesiastical opposition movement, constantly troubled responsible officials in the Russian Empire. Administrative and managerial measures to rectify the situation were occasionally advanced, but neither officials of the Ministry of Internal Affairs, nor members of the Russian Orthodox clergy concerned with the matter, possessed accurate data. This was due both to the wariness of the Old Believers in dealing with the state, and to the lack of effective tools for determining their number. In the early twentieth century, therefore, following the legalization of their movement, Old Believers were granted the right to keep church registry books (metric books). On the one hand, this concession provided the Old Believers with new opportunities while, on the other, as a compulsory measure, it supplied provincial officialdom with the means to more accurately monitor the size of the population.

The Old Believer movement in the Baikal region of Siberia had its distinctive historical and cultural features.¹ In addition, unlike Old Believers located in other regions of the empire, Eastern Siberian Old Believers were never notable for their radicalism or propensity to rebel against authority.² For their part, local officials, who tended to lack higher education and a developed political consciousness, considered the Old Believers mere exiles and treated them accordingly.

Pursuant to the Act of 1906, legally registered Old Believer commu-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «“Енисейский меридиан” старообрядчества: сохранение и развитие традиции в условиях таежных скитов и деревень» (проект № 18-09-00723 А). = Research for this article was supported by a grant from the Russian Foundation of Basic Research (Project “Enisey Meridian” on the Old Belief: The Conservation and Development of Tradition in the Context of the Monasteries and Villages of the Taiga” no. 18-09-00723 А).

nities were to keep church registries for the purpose of recording baptisms, marriages, and burials in their community. Leaders of officially registered rural communities were provided registers from the provincial or regional administrative offices, while urban communities obtained them from town councils. The public administration in the cities and local administrative offices in rural areas maintained the registries for Old Believers who did not live as communities. Each particular act – baptism, marriage, or burial – was to be registered in a book specific to that act. The book was to be kept for one year. If, at the end of that time, however, the book remained unfilled, it could be used into the following year. Otherwise, the community was supplied with a new book.

The issuing of registry books often involved delays and even serious irregularities. For example, one Irkutsk Old Believer community that held services in its own church where it also conducted baptisms, marriages, and funerals had registered with the authorities on February 25, 1908, but did not receive its registry books until June 21, 1908.³ Consequently, the registry books only included entries from that time on (i.e. a death record in August, a marriage record in October etc.). Since marriages, unlike deaths, had to be recorded, marriages conducted before the summer of 1908 were entered and backdated in the marriage registry for 1911.

Entries in baptism registries provided the child's date of birth, gender, parents' and godfathers' names, and the child's name according to the church calendar.⁴ Burial registers included data on the deceased person's death date, rank and title, full name, place of residence, age, and marital status, as well as data on the person "filing the death statement," and place of internment. If funeral services were held in absentia, that fact also had to be recorded.⁵

Marriage registration books are the most informative and, therefore, the most interesting. They stated the marriage date, full data on the bride and groom (rank and title, name, patronymic, family name, religion, place of residence, age, and "which marriage it was for them"). They also contain data on the best men, "must number no fewer than two," and "where and when the announcement was made." As a rule, the banns column stated, "In church before the community in accordance with the Pilot (Kormchaya) Book." The full name of the church was sometimes indicated, for example, "In the Church of the Mantle of Our Lady."⁶ The last column was intended for the signatures of the betrothed, the best men, and the priest officiating at the marriage ceremony.

In 1911 it became mandatory to indicate religious affiliation in the registry books, especially in regard to marriages. This was a response to the common practice of leaving the "confession" column in the marriage record books blank, a tactic which served to conceal marriages between Old Believers and converts from official Orthodoxy. The authorities, who sought to keep conversions from one confession to another within certain bounds, therefore, introduced the new requirement.⁷

In issuing registers and supplying information necessary for other

documents, local officials frequently displayed the bureaucratic inertia that had marked the previous policy toward the Old Believers. Although the term "raskolnik" (schismatic) in reference to Old Believers had been outlawed, in one particular registry the phrase "on the birth of people belonging to the raskol from birth" can be found.⁸ While this might appear to be an unintentional slip of the pen, given that the Russian Orthodox Church had been a part of the state apparatus, and that it continued to view the Old Belief as a major rival even after the reforms of 1905-1906, then it is clear that this expresses the attitude of officials (both secular and religious) toward the Old Believers.

While the churchmen's attitude can be accounted for by their fierce theological polemics with the Old Believers, the secular bureaucracy had its own motives. First, the attitude expressed by the Russian Orthodox Church carried influence since Ministry of Internal Affairs' officials, themselves, were followers of Orthodoxy. Second, representatives of local government had a pecuniary incentive in preserving the old state of affairs. This entailed depriving the "schismatic" of all rights and opportunities. He would then find it necessary, either from fear of the state (its laws and especially its representatives), or to settle his own problems and those of the community, to slip "his honor the official" a bribe. This financial interest in the continued existence of a disenfranchised "schismatic" resulted in a conscious and unconscious opposition to the emergence of an "Old Believer" who possessed civil rights and held a conciliatory attitude toward the state. This opposition manifested itself in practice and sometimes found expression in official documents.

The various Old Believer groups in the Baikal region had different opinions on registering communities and keeping registry books. Old Believer denominations located in the economic centers of the region (primarily settlers from the western part of the country) willingly accepted the requirement to register their communities (in order to facilitate the resolution of economic and other matters) and keep registry books (to simplify marriage registration and property inheritance). Those located in rural areas, however, (especially the Transbaikal "Semeiskie" denomination, descendents from the Old Believers, who had been exiled to the region en masse in the second half of the 18th century, and who occupied the territory of Verkhneudinsky Uyezd (District) of Transbaikalia, where they lived as an enclave) for the most part responded to the innovations with hostility. Thus, in Irkutsk where two communities (Belokrinitskaya and Pomorskaya) did register and obtained their registry books within a short period of time, in Transbaikalia out of the four communities that had initially registered only one remained (Beglopovtsy in Tarbagatai settlement). The others, after numerous and vigorous debates among the membership, refused to keep registry books or to register their spiritual mentor. Interestingly, among the "Semeiskie" group, even supporters of the liberal Belokrinitskoe concord refused to register their communities or keep registry books. Moreover, attempts by the authorities to introduce

registry books for the Semeiskie group in late 1909 – early 1910 encountered serious difficulties.

In November 1909, the Transbaikal Regional Military Governor's office sent two telegrams to district authorities (Verkhneudinsky uyezd (district) received the telegrams first due to the presence there of a large number of Old Believers of the Semeiskie group.).⁹ One telegram proposed supplying the regional office with figures specifying the number of: 1) Old Believer communities in the area; 2) community membership; 3) mentors and priests; 4) open skits and monasteries; 5) monks; and 6) Old Believer schools. The second telegram demanded additional information on the number of births, marriages, and burials in 1907, 1908, and 1909 (each year taken separately) in all the registered communities and in those not registered. In order to evaluate the quality and quantity of the figures on the local Old Believers, the authorities required that the source of this information also be provided, i.e. registry books kept by communities, registration records kept by regional governing offices, or family lists.

The district (uyezd) heads, in their turn, “sent down” the questionnaire to township (volost) administrations with the demand that they immediately supply the information required. In response to the order, township administrations provided the necessary data. However, virtually every report stated that neither the Old Believer communities, nor township administrations kept registry books, and that all the data were taken from family lists. The Okino-Klyuchi township administration, for example, wrote that “there are no registry books for Old Believers in the township, therefore all data are recorded in family lists.”¹⁰ The Klyuchi township administration wrote that “in the registry books contained in the township administration for Old Believers those not organized in a community are not recorded.”¹¹ The Bichura township administration answered that “the township administration does not keep registry books because the Old Believers are not organized into communities and the information is taken from family lists.”¹² The Tarbagatai township administration wrote that the Old Believers within its territory “are not recorded in either the registry books or family lists, the figures are taken from information supplied... by the village elders.”¹³ Perhaps the most straightforward answer came from Kuitun township: “the data was taken partly from family lists and partly from interviewing rural residents because Old Believers do not promptly inform the township administration of births, marriages, and burials.”¹⁴

Naturally, data obtained in this way were inaccurate and could not satisfy regional authorities. Hence, in late December 1909, the Transbaikal regional Office of the Military Governor dispatched an official letter to the head of Verkhneudinsky district, T.I. Gorlov. It stated that since the Old Believers residing in Verkhneudinsky district refused to legally register their communities (except for one community in Tarbagatai village), in conformity with the law the township governments should keep

their registry books. The latter were instructed to keep registry books starting from January 1, 1910, “in strict accordance with legal requirements.”¹⁵ Along with the letter, Chita sent registry books (twenty-seven in number); by January 11, 1910, the Verkhneudinsky district authority had already distributed the books and the relevant instruction to all township administrations.

News of the compulsory introduction of registry books for Old Believer communities and the actions of local authorities in this regard riled the local Old Believer population. Assemblies were held in villages and settlements to discuss the issue. No small role in organizing and conducting these gatherings was played by *ustavshchiki* (ritualists) who were the most doctrinaire element of the local Old Believers. Representatives of the Mukhorshibir township administration complained to the district authorities that while data were being gathered in Sheroldai, Novy Zagan, and Mukhorshibir settlements, “*ustavshchiki* refused to provide any information” declaring “as it has been done from time immemorial, so let it be done.” Even village elders refused to supply any figures on births, marriages, and deaths “since they descended from these very same Old Believers.”¹⁶

Similar events occurred in other localities. In Nikolsk township, for example, “there was an attempt to evade supplying the information required,” while village clerks in Khonkholoy and Kharauz settlements “also displayed in this matter a most unjustified sluggishness.” As a result, on February 20, 1910, by order of one Semyonov, the peasants leader of the third division of Barguzin district, the clerk of the Nikolsk township administration was fined 2 rubles, while the village clerks at Khonkholoy and Kharauz settlements were fined 1 ruble each.¹⁷ In this fashion, the authorities demand for information from township administrations was thwarted by Old Believer resistance. Where rural or township administrators were themselves descended from the Old Believers, they simply sabotaged any attempt to collect data. Old Believer activity was not restricted to sabotage, however.

In order to develop a common stance in the face of the imposition of registry books by the authorities, Old Believers from Kuitun, Kunalei, Bryansk, Tarbagatai, Nikolsk, Mukhorshibir, and Okino-Klyuchi townships gathered in an unsanctioned assembly on March 8, 1910 in the chapel of Sheroldai settlement, Mukhorshibir township.¹⁸ The bailiff of the third police district in the province, one Sharypov, who happened to be passing through a neighboring settlement, accidentally learned of the event being held in Sheroldai and hastily made his way there. By the time he arrived, however, most of the participants had already dispersed. The bailiff did manage to round up fifty of the deputies from the meeting, and undertook to explain to them the necessity to keep registry books. The deputies of the various communities, especially the *ustavshiki*, responded by “flatly refusing to keep the registers,” claiming that “according to the Old Rite keeping such books is a serious sin.” In addition, the

Old Believers informed the bailiff of their intention to gather the Spiritual Assembly in Kunaleiskoye settlement on March 20, 1910, where they planned to draft a resolution and “send it to His Imperial Majesty with a petition exempting them from keeping these books.” To impart to this step the stamp of legitimacy, the Old Believers also informed the bailiff of their wish “that the head of the district attend the assembly.”¹⁹

In fulfillment of his professional duty, the bailiff informed the head of Verkhneudinsky district of the situation. He, in turn, passed the information onto the Military Governor of the Transbaikalia region. Concurrently, the district authority issued an order on “preventing” the Old Believers from conducting their assembly on March 20 and bringing to account the individuals guilty of arranging the illegal assembly of March 8, 1910.²⁰

In the event, the measures taken by the authorities proved ineffective. Old Believers from all the settlements involved had succeeded in discussing these issues at the assembly on March 8. Respected Old Believers and *ustavshchiki* who had attended the assembly informed their communities of the results of this discussion and the prevailing negative attitude toward keeping registers. This enabled Old Believers from different villages to agree on the tactics to be employed and to establish a united front. As a result, whenever government representatives attempted to introduce registry books among Old Believer communities, there followed an outpouring of written statements from the villages and townships declaring their refusal to keep registers and provide data.

Peasants from Nadeinskoye settlement in Kuitun township, for example, wrote, “we wish to live the way our ancestors did, and not report on those who were born, married, or buried, and we do not now consent to keep such records.”²¹ The statement of the Old Believer community in Nizhnetaleiskoye settlement, Bryansk township, dated March 11, 1910, contained similar sentiments. It noted that having held consultations, representatives of the community “do not agree to enter in registry books those who were born, married, or have died,” and that instead they wish “in the manner of our forbearers” to live “without metric records.”²²

Attempting to resolve the complex situation, I.T. Gorlov reported to V. I. Kosov, Military Governor of the Transbaikalia region, that “township governments under pressure... from spiritual mentors and *ustavshchiki* who have convened Old Believer assemblies, have yet to begin keeping registry books.” For that reason, he requested clarification on “whether it is necessary against those guilty of not keeping...these books, the township elders and clerks, to institute criminal proceedings.”²³ In short, district officials sought permission to apply repressive measures in order to overcome Old Believer resistance. Entirely unexpected, then, was the Military Governor’s clarification, to the effect that making entries in registry books depends on the wishes of the Old Believers, themselves, and “does not constitute any obligation on them.” In light of this, the authorities should not resort to any “coercive measures” regarding the Old Believers’ refusal to keep records in these books.²⁴

The Military Governor’s change of heart in this matter might, at first glance, appear strange. It was, after all, his office that had called for prompt delivery of data on Old Believers residing in the region, and the immediate imposition of order in regard to registry books in Old Believer communities. Now, however, his instruction was not to employ “any coercive measures” in the matter. The cause of the change, evidently, lay in the Old Believers’ sharp reaction to the introduction of registry books in most settlements. The refusal to provide data, the convoking of assemblies, the plans to petition “His Imperial Majesty,” and the formation of a united front heightened the tensions between the authorities and the Old Believers, and threatened to disrupt public tranquility, the preservation of which was a priority for both the regional and district administrations.

Moreover, administrative pressure that had initially sought to introduce registry books in Old Believer communities by any means had clearly stimulated the migration of Old Believers not only from Verkhneudinsky district, but from Transbaikalia as a whole. A case in point, due to the obligation to keep registry books nineteen Old Believer families resolved to migrate to South Ussuri.²⁵ Their decision alarmed the regional administration. Relocation due to land scarcity was one thing, and was a fairly common occurrence at this time. Flight to escape “the servants of Antichrist” in order to find “uncontaminated land” was another matter entirely. This sort of relocation, driven by growing religiosity in response to heightened persecutions (especially during a period of “increased religious tolerance”!) placed in doubt the success of the reforms being implemented in the region. If events should take an unfortunate turn, the result could be a mass exodus of Old Believers from the territory.

On March 24, 1910, Military Governor Kosov directed the Verkhneudinsky district head to conduct an “immediate and detailed” investigation into the relocation, and to report on it immediately.²⁶ The district chief visited Kuitun, Kunalei, Mukhorshibir, and Sheroldai settlements as ordered, where he “personally explained the matter and reassured the Old Believers.” Based on the results of the investigation, including a recounting of his own guilt in the escalation of the conflict, he reported that the Old Believers were relocating to South Ussuri “entirely due to land scarcity and other factors of an economic nature.”²⁷ A no less significant reason related to intensifying persecution despite the proclamation of “religious freedom.” Given the severe economic conditions, such a situation might serve as a final stimulus to relocation, lending it a mass character and the tinge of a “religious exodus.”²⁸

In the aftermath of this incident, the authorities displayed more restraint in gathering and refining information on Old Believers in the region. In 1912, for example, regional authorities asked local officials “not to refuse” to verify and provide data “which are already available.” At this time, the following information was of interest: 1) the Old Believers’ concord, and their numbers in registered and unregistered communities;

2) meetinghouses, temples, skits, monasteries, schools, charitable institutions; 3) conversions from Orthodoxy to the Old Belief.²⁹ Figures were gathered locally using every source available short of applying pressure on the Old Believers.

It should be noted that keeping registry books also presented a problem among the local Old Ritualists (edinovertsy), as seen in the file, “On the Correction of Birth Records in the Registry Book of the Doninskaya Old Ritualist Church,” which is preserved in the State Archives of the Transbaikal Region.³⁰ The development of this confessional group had a complex character that frequently produced “distortions” in the metric records of its representatives. The problematical relationship with the official Church (of which the edinovertsy were formally a part) and conversions to the Old Belief³¹

Authors, Abstract, Key words

Alexander V. Kostrov – Doctor of History, Professor, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
a_kostrov@mail.ru

Yulia V. Elokhina – Candidate of History, Senior Lecturer, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
head_id@admin.isu.ru

This article examines the attempt by local secular and religious officials to establish the size of the Old Believer population in Eastern Siberia at the beginning of the twentieth century, and the resistance the Old Believers mounted in response. The research is based on unique documents housed in several regional state archives. The authors – well-known Irkutsk historians – focus on the actions taken by local officials following the Revolution of 1905 when the autocracy found it necessary to undertake social reform to survive. As part of the religious reform, local officials attempted to introduce church registry books into Old Believer communities in 1906 in order to monitor population size and to collect data on births, marriages, and deaths. The authors thoroughly analyze the Old Believers’ reasons for rejecting the introduction of these books as part of their everyday practice. Old Believer resistance was peaceful, yet stubborn, and, as the authors show, was in keeping with the traditional Old Believer principle that accommodation with the state constituted sinful behavior. The authors clearly demonstrate that in this confrontation with state authority, the Old Believers emerged the victors.

Old Belief, Old Believer, Old Believers community, population, population census, birth rate, mortality, metrical book, Ministry of Internal Affairs, Russian Orthodox Church, social reform, Siberia, Eastern Siberia, historical demography.

Примечания Notes

¹ *Бураева С.В., Батулин С.А.* Будни довоенной Бурятии: Особенности визуальной репрезентации повседневности (1920 – 1930-е гг.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 3 (11). С. 59–77.

² *Kostrov A.V., Prigarin A.A.* Photography as a Source for Comparative Research of History and Culture of Local Old Believer Groups in the First Third of the 20th Century (Through the Example of the Old Believers of Bessarabia, Buryatia and Tuva) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9. № 12. С. 2947–2963.

³ State Archive of Irkutsk Region (GAIO). F. 279. Op. 1. D. 1. L. 13 (back side).

⁴ GAIO. F. 279. Op. 1. D. 3.

⁵ GAIO. F. 279. Op. 1. D. 1.

⁶ GAIO. F. 279. Op. 1. D. 2. L. 2–5.

⁷ GAIO. F. 279. Op. 1. D. 5.

⁸ GAIO. F. 279. Op. 1. D. 3.

⁹ State Archive of Republic of Buryatia (GARB). F. 337. Op. 2. D. 1564. L. 74–76.

¹⁰ Ibidem. L. 82 (back side).

¹¹ Ibidem. L. 62.

¹² Ibidem. L. 39.

¹³ Ibidem. L. 53 (back side).

¹⁴ Ibidem. L. 49–50.

¹⁵ Ibidem. L. 15, 15 (back side).

¹⁶ Ibidem. L. 16.

¹⁷ Ibidem. L. 25, 25 (back side).

¹⁸ Ibidem. L. 41, 41 (back side).

¹⁹ Ibidem. L. 40–41 (back side).

²⁰ Ibidem. L. 41, 41 (back side).

²¹ Ibidem. L. 10.

²² Ibidem. L. 33, 33 (back side).

²³ Ibidem. L. 41 (back side).

²⁴ Ibidem. L. 42.

²⁵ Ibidem. L. 44–45 (back side).

²⁶ Ibidem. L. 45.

²⁷ Ibidem. L. 83, 83 (back side).

²⁸ *Костров А.В.* Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905 – 1930-е гг.). Иркутск, 2010.

²⁹ GAIO. F. 337. Op. 2. D. 1959. L. 3.

³⁰ State Archive of Transbaikal Region (GAZK). F. 8. Op. 1. D. 1824. L. 1–90.

³¹ GAZK. F. 8. Op. 1. D. 1240. L. 1–25.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Buraeva, S.V.; Baturin, S.A. Budni dovoyennoy Buryatii: Osobennosti vizualnoy reprezentatsii povsednevnosti (1920 – 1930-e gg.) [Ordinary Days in Pre-War Buryatia: Characteristics of the Visual Representation of Daily Life (1920s – 1930s)]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2013, no. 3 (11), pp. 59–77. (In Russian).
2. Kostrov, A.V.; Prigarin, A.A. Photography as a Source for Comparative Research of History and Culture of Local Old Believer Groups in the First Third of the 20th Century (Through the Example of the Old Believers of Bessarabia, Buryatia and Tuva). *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2016, vol. 9, no. 12, pp. 2947–2963. (In English).

(Monographs)

3. Kostrov, A.V. Staroobryadchestvo Baykalskoy Sibiri v “perekhodnyy” period otechestvennoy istorii (1905 – 1930-e gg.) [The Old Believers of Baikal Siberia during the “Transitional” Period of Russian History, 1905 – 1930.]. Irkutsk, 2010, 443 p. (In Russian).

Авторы, аннотация, ключевые слова

Костров Александр Валерьевич – докт. ист. наук, профессор, Иркутский государственный университет (Иркутск)
a_kostrov@mail.ru

Елохина Юлия Валерьевна – канд. ист. наук, доцент, Иркутский государственный университет (Иркутск)
head_id@admin.isu.ru

В статье рассматриваются попытки местных светских и духовных властей Восточной Сибири установить контроль над численностью старообрядческого населения в начале XX в., а также сопротивление старообрядцев этим попыткам. Источниками для этого исследования послужили уникальные документы нескольких государственных региональных архивов. Основное внимание авторы – известные иркутские историки – уделили действиям местных властей Восточной Сибири после Русской революции 1905 г., когда российское самодержавие вынуждено было провести некоторые социальные реформы. Одной из таких реформ стало введение в 1906 г. метрических книг в старообрядческих общинах. Действия местных властей по введению метрических книг в старообрядческих общинах были направлены на установление контроля за численностью их членом, а также за рождаемостью и смертностью в этих общинах. Авторы обстоятельно анализируют причины отрицательного отношения старообрядцев к по-

пыткам местных властей установить и зафиксировать в документах число членом общины, ввести в повседневную практику запись родившихся и умерших в метрические книги. Сопротивление старообрядцев местным властям носило исключительно мирный характер, но отличалось столь же исключительным упорством. Главной причиной упорного сопротивления старообрядцев авторы считают то, что в старообрядцы в начале XX в., как и в прежние времена, считали участие в подобном государственном мероприятии грехом. В результате, как считают авторы, в Восточной Сибири старообрядцы взяли верх в напряженном противостоянии с местной властью.

Старообрядчество, старообрядец, старообрядческая община, численность населения, перепись населения, рождаемость, смертность, метрическая книга, Министерство внутренних дел, Русская православная церковь, социальная реформа, Сибирь, Восточная Сибирь, историческая демография.

РОССИЯ И МИР Russia and the World

К.Р. Амбарцумян

«ГРУЗИЯ НУЖНА НАМ КАК ВРЕМЕННЫЙ БУФЕР»: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФАКТОРЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ СОВЕТИЗАЦИИ ЮЖНОГО КАВКАЗА (1920 – 1921 ГОДЫ)*

K.R. Ambartsumyan

“We Need Georgia as a Temporary Buffer”: International Factors in the Bolsheviks’ Sovietization of the South Caucasus (1920 – 1921)

В XXI в. к теме установления Советской власти в пределах Южного Кавказа в 1920–1921 гг. историки обращались неоднократно – и российские¹, и кавказских государств (бывших Советских республик Закавказья)², и западные³. Политизированность предмета исследования неизбежно порождает к нему острый интерес и дискуссии, что обуславливает необходимость дальнейшего расширения источниковой базы и продолжения научного осмысления тогдашних военно-политических и других процессов, протекавших на Южном Кавказе.

Целью данной статьи является изучение зависимости процесса советизации от внешней политики РСФСР и международной ситуации, сложившейся вокруг региона к 1920 г.

Основными источниками послужили документы Народного комиссариата по иностранным делам (Наркоминдел) РСФСР, ранее не вводившиеся в научный оборот: документы Секретариата наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина и Референтуры Наркоминдела по Турции.

* * *

В рамках восточного направления внешней политики большевиков Южный Кавказ имел ключевое значение.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917 – 1922 гг.)» (№ 18-09-00444).

1920 г. стал переломным в расстановке международных приоритетов Советского государства: развитие Кемалистского национально-освободительного движения в Турции, разгром армий генерала А.И. Деникина, утверждение Советской власти на Северном Кавказе, неудача «похода за Вислу» – все это вызвало усиление внимания руководства партии большевиков к Южному Кавказу. Чем очевиднее рушились надежды на пролетарскую революцию в Европе, на советизацию Германии и Польши, тем активнее большевистская Москва переключила внимание на Восток.

Начался этот процесс еще в 1919 г., еще до советско-польской войны. Где-то в конце 1919 г. Н. Нариманов, возглавлявший Отдел Ближнего Востока Наркоминдела РСФСР, писал Г.В. Чичерину: «Отдел Мусульманского Ближнего Востока полагает: социальную революцию в Европе вызовет не пропаганда, а экономический кризис, но чтобы ускорить экономический кризис в Европе вообще, в частности и главным образом в Англии, необходимо на Востоке ускорить движение против европейского империализма, т.к. экономический базис последнего не в Европе, а в Азии»⁴.

Так большевистская идея экспорта революции начала трансформироваться еще до неудачи «похода за Вислу». Руководящие партийные работники кавказского происхождения стали активно подводить под него новое, «восточное», основание, на котором строилась логика первостепенного экспорта революции на Восток ради конечной цели – победы революции на Западе.

В январе 1920 г. Кавказское бюро (Кавбюро) ЦК РКП(б) провело совещание ответственных партийных работников Кавказского краевого комитета РКП(б). На нем, была выработана формула, определяющая отношение партии большевиков к «буржуазно-националистическим» кавказским партиям (то есть организованным по национальному принципу), и, соответственно, к национальным правительствам независимых закавказских республик, где эти партии находились у власти: «Организующие буржуазию отдельных республик Кавказа, начиная с мусаватистов и заканчивая дашнакцутюн, изменчески и враждебно проявили себя во время бывшего существования на Кавказе Советской власти, предавая ее то империалистам, то агентам контрреволюции Деникину и т.д., используя для своих целей отсталые слои населения, и так как задача диктатуры рабочего населения в подавлении влиятельных групп буржуазии, то и естественно, что в интересах социалистической революции эти партии не могут иметь в Советской республике никаких прав на существование»⁵.

После насильственной советизации Азербайджана в апреле 1920 г. и за считанные недели до советизации Армении «корреспондент» Отдела внешних сношений Народного комиссариата по иностранным делам Азербайджанской ССР А.С. Щепотьев в датированном 4 ноября 1920 г. сообщении заместителю наркома иностранных

дел РСФСР Л.М. Карахану обстоятельно обрисовал ситуацию, сложившуюся на Кавказе после революции 1917 г. и распада бывшей Российской империи. В частности, он отмечал, что при имеющемся территориальном расселении закавказских народов реализация принципа самоопределения невозможна. После большевистского переворота был создан Закавказский сейм, который институционально отделил южнокавказский край от России и Северного Кавказа. Однако единство было кратковременным: «Существование Закавказской республики явилось лишним доказательством невозможности совместной работы грузин, армян, мусульман. Республика не просуществовала и шести недель, так как все национальности не укрепили связи друг с другом. Но каждая по отдельности была слаба, чтобы выйти из того положения, в котором оказалось Закавказье. Необходимо было опереться на какую-либо внешнюю силу, тем более что Советская власть, укрепившаяся на берегах Каспия, признана была и бакинцами. <...> Буржуазное демократическое правительство Закавказской Республики, окруженное с одной стороны, Советской властью, упрочившейся в Баку, с другой – Союзом горцев Северного Кавказа, с третьей – продвигающейся в ее пределы армией Вехиба-паши, было лишено в действительности всякой реальной силы...»⁶.

Щепотьев в докладе представил следующую расстановку внешнеполитических приоритетов независимых кавказских республик, которая ясно обозначилась уже в 1918 г.: «Мусульмане естественно сочувствовали Турции и видели в ней одной защитницу своих интересов от армянских и грузинских притязаний. Армяне надеялись на Антанту и на создание с ее помощью “Великой Армении” от Черного до Средиземного морей, что им обещали на лондонских и парижских конференциях. Грузины же повернули в сторону германской ориентации. В мае 1918 г. Россия, пошедшая по пути социальной революции, еще чуждой Закавказским народам, за исключением лишь сознательного и организованного пролетариата, представлялась для большинства Закавказских народов лишь “историческим воспоминанием”»⁷.

На территориях же со смешанным этнорелигиозным составом населения, таких как Карабах, Аджария, Борчалы, Нахичеванский район, как особо отметил в своем докладе Щепотьев, межэтнические конфликты обострялись. Казалось, что эскалация даже удобна и помогала повысить престиж иностранной администрации. И немцы, и англичане выслушивали ту или другую сторону, но практических мер для урегулирования конфликта не предпринимали⁸.

Военная и международная ситуация, сложившаяся вокруг Кавказа после разгрома армий Деникина, и вынуждала большевиков, и дала им военную возможность действовать решительно и не дать шанса геополитическим соперникам занять отпавшие от России территории. С другой стороны, Совнарком получал предлог для по-

литической и военной экспансии и свое нарушение программного права на самоопределение народов аргументировал захватнической политикой империалистических стран в отношении Кавказа.

* * *

За установление Советской власти в Грузии, Армении и Азербайджане отвечало сформированное в начале апреля 1920 г., Кавказское бюро (Кавбюро) ЦК РКП(б), под руководством Г.К. Орджоникидзе. 23 апреля 1920 г. он телеграфировал Г.В. Чичерину об удобстве момента для вхождения Красной армии войск в Баку. В этот же день в Анкаре открылось Великое Национальное собрание Турции, которое провозгласило себя верховной властью в стране. Благоприятствующим фактором было давление лидера национального движения в Турции Мустафы Кемалю на Азербайджан, который требовал пропустить советские части к границе Турции для помощи в отражении наступления войск Антанты⁹.

К этому моменту Кавбюро заключило с Кемалем соглашение о совместных действиях против Великобритании. 24 апреля 1920 г. Кемаль обратился советскому правительству с предложением объединить силы в борьбе с «империалистическими правительствами»¹⁰. Большевистский режим и Кемалистское национально-освободительное движение, будучи главными врагами Антанты, вынуждены были объединить усилия и идти на некоторые уступки, в том числе в кавказском вопросе.

Советизация Азербайджана была связана не только с вынужденным налаживанием советско-турецких отношений. Этого требовали планы большевиков по проникновению в Персию. Засилье Великобритании во всех сферах жизни раздражало иранское общество, усиливалось недовольство шахским режимом, разрасталось повстанческое движение в провинциях. Для большевиков складывался благоприятный момент для экспорта революции в восточное государство. Поэтому Азербайджану отводилась роль не только «связующего звена между Персией и Турцией»¹¹, но и плацдарма для продвижения к «чувствительным пунктам английской дипломатии»¹².

Вскоре после провозглашения советской власти в Азербайджане были сделаны первые шаги в этом направлении.

25 мая 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение об одобрении инициативы Наркоминдела РСФСР по поддержке национально-освободительного движения народов Востока, в том числе движения, возглавляемого Кучук-ханом в Персии. Командующему Каспийской флотилией Ф.Ф. Раскольникову поручалось обеспечить материальную и организационную поддержку Кучук-хану, передать ему Энзели, аргументировав данный акт распоряжением советского правительства не вмешиваться во внутренние дела Персии. Однако, под видом полицейской службы оставить

часть судов под азербайджанским флагом для содействия Кучухану¹³, что снимало ответственность с РСФСР и перекладывало на пока еще официально независимый советский Азербайджан.

Более того, после ликвидации на Каспии деникинского флота, Раскольников, которого с июня 1920 г. назначили командовать Балтийским флотом, возражал против своего перевода, аргументируя свой протест политической целесообразностью: «...Ввиду того, что в Персии началась революция, и я, действуя согласно вашим декретам, глубоко вошел в это дело, прошу ЦК разрешить мне исполнить мой долг революционера до конца и оставить меня для политической работы в Персии»¹⁴. Орджоникидзе, соответственно и Кавбюро, его поддерживал: «...В связи ликвидацией белого флота на Каспии тов. Раскольников безусловно может быть освобожден от занимаемой должности, но весьма и весьма желательно оставить его здесь. Он превосходно ориентировался в Персидских дела, хорошо изучил Кучук Хана»¹⁵.

В советской восточной политике Азербайджан имел значение витрины. Представитель Азербайджанской ССР в России Б. Шахтахтинский, обращаясь к В.И. Ленину, подчеркивал его значимость в достижении целей экспорта революции: «В виду этого наша Восточная политика может быть максимально энергичной, могущей достигнуть наибольших результатов в наикратчайший срок. Для этого необходимо на примере Азербайджана показать Востоку, что может дать политика Советроссии Восточным народам»¹⁶. В этом контексте им обозначалась особая роль сотрудничества с кемалистской Турцией: «Турция может оказать нам большие услуги в деле освобождения Востока. Ее эмиссары пользуются влиянием на Востоке. Союз с турками уничтожит англофильскую пропаганду о том, что большевики являются разрушителями религии в Индии и Афганистане»¹⁷.

Для западного направления внешней политики большевиков установление Советской власти в Азербайджане определялось не только противостоянием с Великобританией. Средством влияния и налаживания отношений Советской России с Европой являлась бакинская нефть. В современном политическом дискурсе часто употребляется понятие «нефтяная дипломатия». Понимание значимости данного фактора было уже в 1920 г.

Так, в докладе о положении Азербайджана зампредревкома и наркоминдел Азербайджанской ССР М. Гусейнов сообщал Чичерину об активности европейских посланников в вопросе налаживания экономических контактов: «Меня осаждают представители разных фирм и стран, с предложением товаров в обмен на нефтепродукты, главным образом, керосин, бензин, масла, а также другие наши валютные товары: шелк, шерсть, хлопок, меха, овчина, ковры, икра, фризон. Ко мне приходят итальянцы, французы, под разными видами от англичан, бельгийцы, словаки, чехи, германцы, американцы, шведы, датчане и т.д.»¹⁸.

А буквально через год после установления Советской власти в Баку, председатель Азнефти А.П. Серебровский сообщал из Константинополя об успешном выполнении задачи по налаживанию товарообмена, в том числе с западными державами: «Товару в Константинополь много и купцы дают охотно в кредит тем более что Нефтеком официально признан союзным командованием как юридическое лицо, имеющее право покупать суда и нанимать рабочих... Препятствий в Константинополе союзники не оставили. Англичане выдали паспорт без задержки. Французы помогли достать рабочих. Обе эти нации наперебой старались завязать с нами дела»¹⁹.

О более уверенном ощущении себя большевиками в международном окружении свидетельствует факт быстрой национализации бакинской нефтяной промышленности к концу мая 1920 г., то есть сразу после занятия Баку Красной армией²⁰.

На фоне военной активности большевиков и стремительной советизации Азербайджана дипломатия закавказских делегаций в Париже, где до января 1920 г. работала Парижская мирная конференция, а после ее завершения остался аппарат Верховного совета Антанты, выглядит трагикомично.

События вокруг провозглашения Советской власти в Азербайджане, происходили одновременно с попытками представителей трех кавказских республик добиться от Антанты признания их независимости и договориться о границах. Посредником в Париже по поручению министра иностранных дел Великобритании лорда Дж. Керзона выступил британский дипломат Роберт Ванситтарт, призвавший грузин, азербайджанцев и армян солидаризироваться. Он пояснил, что Верховный совет Антанты не мог оказывать действительную помощь при имеющихся распрях между ними. Наибольшие дискуссии вызвал статус Батума и возможности его использования Азербайджаном и Арменией, главным образом о железнодорожной связи Армении с Батумом. Из Парижа 20 апреля 1920 г. все переместились в Сан-Ремо на заседание Верховного совета Антанты, посвященное главным образом ближневосточным проблемам. Однако работа началась именно с вопросов по закавказским республикам. Роберт Ванситтарт предупредил о необходимости подготовить и подписать соглашения до первого заседания в Сан-Ремо. Договориться не удалось, и условие Верховного совета Антанты выполнено не было²¹.

* * *

Между тем, по замыслу Орджоникидзе, следующей после Азербайджана должна была быть советизирована Грузия. Вопрос обсудили на заседании Политбюро ЦК РКП(б), и было принято решение запретить Орджоникидзе «самоопределять Грузию»²². В свою очередь Карахан предостерег Кавбюро от поспешных и необдуманных действий. В секретной директиве не имя Орджоникидзе он довольно

емко сформулировал тактические цели советского правительства после советизации Азербайджана: «... Нам выгоднее, чтобы англичане были изгнаны из Батуми руками буржуазной Грузии, чем путем пропуска наших войск втянуться в войну с англичанами. Грузия нужна нам как временный буфер, будучи советской, она не смогла бы в этой роли служить. Азербайджану следует заключить мир с Грузией, причем если имеются договоры с Азербайджаном, основанные на взаимных началах, их можно восстановить. Только получение ими нефти надо обставить так, чтобы мы всегда держали их в своих руках. По договору они обязаны очистить Батум от англичан, если будет затягиваться, мы можем закрыть нефть в нефтепроводах, как выходящем в Батум к англичанам, это будет серьезным кнудом для них, так как они получают нефть по нефтепроводу в Тифлис для всех своих нужд. Соглашаясь с Вами, что мир с христианскими государствами мусульмане оценят неправильно, мы с армянами не вступим в переговоры, прежде чем не завяжутся у нас сношения с Турцией, к нам едет Энвер-Паша и представители Кемал-Паши с Юга. Переговорами с Турцией мы сгладим наш мир с христианской Грузией. Укажите Тифлису, чтобы наши сразу не приступили к изданию газеты и легальной работе. Через Уратадзе я посылаю краевому комитету много литературы. Укажите крайкому, чтобы они сносились с ними по проводу через Гегечкори, проверьте, все ли наши освобождены в Тифлисе, чтобы знали, выполняют ли они свое обязательство. Информировать о положении в Азербайджане, есть ли связи с Персией и Турцией, что происходит в Армении»²³.

После установления Советской власти в Азербайджане и невозможности дальнейшего ее продвижения в Грузию, руководство Кавбюро пребывало в некоторой растерянности: возникало ощущение, что «христиане покорили Азербайджан, оставили Грузию и Армению в стороне»²⁴.

Камнем преткновения между советским Азербайджаном и Арменией были Карабах, Зангезур, Шуша, Нахичевань, Джульфа. В соответствии с требованиями Наркоминдела РСФСР, они не должны были передаваться ни той, ни другой стороне. Там создавались Советы под руководством военных властей Советской России. Баку настаивал на присоединении спорных районов, особенно в связи с существованием там советских учреждений, делая упор на политическую близость²⁵. Такую же позицию отстаивало Кавбюро в лице Орджоникидзе: «Сообщаю Азербайджан претендует на Карабах Зангезур и Нахичеванский и Шаруро Даралагезский уезд. В Карабахе и Зангезуре провозглашена Советская власть и обе упомянутые территории [считают] себя частью Азербайджанской Советской республики. Нахичевань уже несколько месяцев в руках повстанцев мусульман. Азербайджан без Карабаха и Зангезура обойтись не может»²⁶. Однако ЦК партии большевиков четко постановил вести политику компромисса с правительствами Грузии и Армении, излиш-

не не давить и не давать лишнего повода для претензий со стороны Великобритании. Поэтому советизация Армении весной-летом 1920 г. отрицалась категорически.

Ситуацию вокруг Армении осложняли завязавшиеся официально доброжелательные отношения РСФСР с кемалистами²⁷. Делегация во главе с министром иностранных дел кемалистской Турции (с центром в Ангоре) Бекир-Сами Беем в июле 1920 г. прибыла в Москву, где с мая находилась делегация правительства Армении. Премьер-министр Армянской республики А.И. Хатисов в своих воспоминаниях передал состояние дел следующим образом: «Делегация эта осталась два месяца в Москве, вела переговоры с Чичериним, установила основы соглашения и для окончательного их оформления вернулась осенью 1920-го года в Эривань, где должна была продолжать переговоры через Леграна – уполномоченного Московского правительства. Переговоры эти не закончились благодаря турецко-большевистскому натиску на Армению. Но во всяком случае Московская власть признала независимость Армении, ее права на армянские вилайеты Турции и все обещало подписание формального договора между Арменией и Россией наподобие подписанного 7-го мая соглашения между Грузией и Россией. Но беспокойные соседи Армении не дремали. Большевики не могли примириться с демократическим строем Армении, кемалисты-турки не могли допустить осуществления Сервского договора. У обеих сил был общий враг – демократическая Армения, а общеевропейская конъюнктура толкала большевистскую Россию и кемалистскую Турцию на взаимное соглашение во вред европейским державам, главным образом Англии и Франции. Над головой Армении заносился меч ангоро-московского соглашения»²⁸.

Примерно в период встреч с армянской делегацией в Москве в руководстве партии большевиков поднимался вопрос о форсировании советизации Армении. 31 июля в повестке дня Политбюро ЦК РКП(б) стоял вопрос «Об Армении». Кавбюро выступило против советизации Армении и снова предложило захватить Грузию, которая продолжала оказывать помощь армии генерала П.Н. Врангеля, вышедшей из Крыма и начавшей наступательные операции (врангелевское правительство закупало в Батуме и на зафрахтованных судах перевозило в Крым нефтепродукты, необходимые армии и Черноморскому флоту)²⁹.

Кроме того, советник полпредства РСФСР в Грузии Л.Н. Старк предоставлял конкретные факты содействия грузинских властей перевозке во врангелевский Крым военнослужащих разбитых деникинских войск: «С каждым пароходом из Поти в Крым едут офицеры и казаки. Мы знаем это прекрасно, вплоть до фамилий, но пока ничего сделать не можем. Работает французская миссия, выдаются румынские паспорта и применяется тысяча способов, которые лишают нас возможности получить формальные доказательства. Аген-

турных сведений недостаточно. На днях я пытался устроить в Батуме историю с пароходом “Борис”, на котором уезжало в Крым около 200 добровольцев. Сведения имелись точные, но ничего не получилось, так как пароход поднял французский флаг, а командир стоявшего на рейде французского миноносца заявил, что не допустит осмотра»³⁰.

Старк сетовал, что Грузия помогает не только Врангелю, но и с помощью Американского комитета помощи способствует доставке боеприпасов Армении. Имелись факты о приходе в Батум судна с патронами и французскими винтовками для Армении. Вопрос с советизацией Армении не решился, и дело затянулось до осени³¹.

* * *

Осенью 1920 г. ситуация обострилась: вспыхнула армяно-турецкая война (24 сентября – 2 декабря 1920 г.). РСФСР стала предлагать посредничество Армении в отношениях с кемалистской Турцией со следующим минимальным набором условий: полный разрыв отношений с Антантой, от которой она получала поддержку, дезавуирование Севрского договора, и, что было наиболее насущной потребностью для Советской России, – предоставление свободного транзита для товаров, оружия и войск в Турцию³².

Дашнакское правительство оказалось не в состоянии остановить наступление. Армения была зажата между Турцией и большевиками. Советский представитель в республике Б.В. Легран осенью 1920 г. докладывал в Наркоминдел РСФСР о расколе в партии дашнаков в вопросе внешнеполитической ориентации на два лагеря. Представители первого крыла отвергала посредническую политику Советской России и полагали, что ее скоро вытеснят с Южного Кавказа, и Армении придется один на один остаться с Турцией. Отсюда вытекало стремление заключить мир с турками самостоятельно. Второе крыло Б.В. Легран называл «русофильским»: именно оно желало союза с Россией и допускало существование Армении как части федерации в пределах Советского государства³³.

Натиск беженцев со стороны турецкой Армении грозил голодом и эпидемиями, поэтому правительству пришлось начать переговоры с командующим турецкой армией Кязимом Карабекиром. Для посредничества в армяно-турецких переговорах Чичерин прислал члена Кавбюро Б.Г. Мдивани, который должен был сдерживать турецкую сторону и отстаивать интересы большевиков. По свидетельству Хатисова, турки не позволили советскому представителю даже присутствовать на мирной конференции, начавшей работу в Александрополе³⁴. В то же время в Москве Чичерин получал заверения об участии представителя РСФСР на мирных переговорах в Александрополе³⁵. Легран писал, что, он и Мдивани прибыли в Эривань 19 ноября, когда армянское правительство уже приняло условия ту-

рецкой стороны: «Армении придется остаться с глазу на глаз с Турцией. Поэтому оно стремится к самостоятельному заключению мира с турками ценою самых широких уступок и выдвигало проект создания правительства из представителей всех партий»³⁶.

2 декабря 1920 г. армянское правительство вынуждено было пойти на подписание Александропольского договора, означавший потерю территорий и государственного суверенитета Арменией. Легран, передавая атмосферу турецкого военного наступления, писал Чичерину: «Турция изображает всякую войну против Армении, наступление войск Карабекира, как акт революционной заслуги, заслуживающий поддержку со стороны Советской власти и коммунистической партии. Даже армянские коммунисты в Александрополе выпустили прокламацию, приветствуя наступление революционных турецких войск, идущих для избавления советского народа от дашнаков. Нам грозит потонуть в победоносной кемализации Армении, а потом и Грузии. Даже Мдивани проникся доверием к кемалистам и их планам “советизации” Армении»³⁷.

Не имея возможности влиять на ход мирных переговоров, большевики пошли на советизацию, так как в противном случае Турция занимала Армению и приближалась вплотную к границам Азербайджана. К моменту подписания договора дашнакское правительство считалось низложенным, поэтому у РСФСР были юридические основания не признавать его условий.

В Лондоне внимательно следили за каждым шагом большевиков в армянской политике. К торгпреду РСФСР в Англии Л.Б. Красину обратилась депутация англо-армянского комитета, выразившая желание присоединить Карабах, Зангезур и Нахичевань к армянской республике³⁸. В контексте налаживания торговых отношений между Россией и Великобританией нужно было не навредить переговорам на стадии успешного завершения. В этом направлении цель была достигнута: в день провозглашения Армянской ССР, 29 ноября 1920 г., англичане передали Красину для рассмотрения проект торгового соглашения между Великобританией и Россией³⁹.

* * *

Теперь оставался нерешенным только грузинский вопрос, который изначально был наиболее затруднительным для большевиков. Один из ответственных работников Наркоминдела писал наркому по делам национальностей И.В. Сталину 9 ноября 1920 г.: «Менее спешно решение по вопросу о Грузии, так как Антанта в нее еще не вступает... Готовиться ко всему безусловно необходимо без всяких новых решений. Принимать же окончательное решение мы еще успеем, если Антанта действительно захочет оккупировать Грузию. Нам еще неясно как мы будем реагировать на передачу Батума англичанам. Нам даже неясно, насколько эта оккупация будет носить

военный характер, и насколько такая военная оккупация грозила бы дальнейшим объектам. Экспедиция, имеющая целью поднять всю Грузию, Северный Кавказ и напасть на Баку, была бы чрезвычайно серьезной, нам кажется сомнительным, чтобы Англия на это решилась. <...> Если Антанта так долго бездейственно смотрит на разгром Армении [Речь идет о турецкой военной экспансии в пределы Республики Армения. – К.А.], это свидетельствует о затруднительности для нее операций на Кавказе»⁴⁰.

С момента подписания советско-грузинского договора в мае 1920 г. РСФСР была вынуждена выстраивать отношения с суверенным государством. Продолжалась война с Польшей, в свете которой приходилось продолжать оглядываться на позицию Великобритании и всей Антанты. Дипломатическим представителем РСФСР в Грузии был назначен С.М. Киров, заместитель председателя Кавбюро, а осенью его сменил А.Л. Шейнман. Официально для всего мира шло налаживание отношений между двумя независимыми государствами. Социально-экономическая ситуация в Грузии была критической, молодая республика остро нуждалась в бакинской нефти, чем старалось пользоваться большевистское руководство. В августе 1920 г. Киров писал Чичерину: «Беседовал неоднократно об отношении Грузии к Антанте. Грузия легко может предпочесть нам Антанту, таково мое впечатление. 1. Антанту Грузины считают сильнее нас. 2. Большевизм считают недолговечным. 3. Не доверяют нам. Англия обещает Грузии заем, в Лондоне находится министра финансов Грузии Канделаки, туда же собирается Гегечкори. Тем не менее, когда вопрос становится прямо, возможны колебания руководящих кругов, так как существуют течения, борющиеся за независимость страны. Чтобы Грузию привлечь, нам надо экономически ее связать с нами, дать ей нефть, развить торговлю через посредничество Грузии»⁴¹.

Советизация Армении оказалась более назревшей, нежели Грузии, в связи с турецким наступлением и активностью Антанты, которая с советской стороны выглядела как попытка сделать из Армении «свою цитадель»⁴². Против подобной убежденности советской стороны в отношении грузинской политики решительно возражал Верховный комиссар Франции на Кавказе Даниель-Абель Шевалье: «Я категорически опровергаю предположение, что Франция и Антанта имеют намерение использовать Грузию, как базу агрессивных действий и пропаганды... Грузия – великий и естественный путь между Востоком и Западом. Это условие является обязательным для восстановления нормального мирового порядка. Все, жалеющие закрыть этот путь, являются врагами восстановления нормального мирового порядка. Желание же вмешательства по существу равносильно закрытию. Это вызовет меры со стороны Антанты для защиты Грузии»⁴³.

За деятельностью Шевалье в Москве следили с повышенным

вниманием. В частности, беспокойство вызвала его встреча с представителем советского Азербайджана Исрафиловым в декабре 1920 г. Шейнман расценивал французскую политику как стремление к отделению кавказских республик⁴⁴. В тоже время для него было очевидно отсутствие каких-то соглашений с Антантой. В докладе Чичерину он обобщил полученную из разных источников информацию о неприемлемости условий Антанты для грузинского правительства: «Антанта среди прочих условий займа выставила коалиционное правительство. Контроль над финансами, путями сообщения и торговлей отторгнуты. Все указывает на безвыходность положения в связи с неполучением помощи от Антанты на приемлемых условиях и обостряющимся внутренним кризисом»⁴⁵.

Турецкий фактор, как и случае с Арменией, вынуждал Москву лавировать между усилением позиций в отношении с Грузией и сохранением доброжелательных отношений с кемалистским правительством. После переговоров с турецким военачальником Карабекиром Шейнман убедился в потенциальной угрозе Батуму: кемалисты полагали, что Батум должен принадлежать Турции⁴⁶.

К концу 1920 г. большевистское руководство полагало, что Восток фактически находится в руках Ленина и Мустафы Кемалю⁴⁷. Основания для уверенности в превосходстве были, включая то, что западные державы отказались от военно-политической активности на Кавказе. Грузия оказалась зажата в тиски между советскими республиками и Турцией. Еще в июне 1920 г. Великобритания приняла решение покинуть Батум, и получив порт в свое распоряжение, Грузия потеряла ее поддержку. Эту передачу Батума грузинский дипломат З.Д. Авалов справедливо назвал «даром данайцев»⁴⁸.

К концу 1920 г. стал очевиден советско-грузинский разлад, договор от 7 мая 1920 г. нарушался обеими сторонами. 30 декабря 1920 г. Шейнман направил Чичерину шифrogramму о необходимости менять тактику в отношении меньшевистского грузинского правительства: «Поведение Группы [Грузинского правительства. – К.А.] за последние дни склоняет меня к применению более сильных действующих средств. Уход парохода “Принцип” из Поти не мог произойти без попустительства портового начальства, тем более на этот пароход претендуют французы. Весьма вероятно, что этим путем инсценированных бегств Группы намеревается удовлетворить французов, оставив нас при бессильной бумажке обязательства Группы передавать суда»⁴⁹.

Просчет грузинского правительства был в чрезмерной ориентации на Лигу Наций. На тот момент ситуацию на Южном Кавказе определяли Советская Россия и кемалистская Турция. Ленинский Совнарком требовал от своих представителей в Тифлисе использовать это положение и не допустить, чтобы доведенная до отчаяния Грузия «бросилась в объятия Англии» и не передала ей Батум. Получив независимость, грузинское правительство поспешило нала-

живать дипломатические связи с Европой, что отвлекло от главных событий дома. На западе Советские Россия, Украина и Белоруссия установили перемирие с Польшей, и это окончательно развязало руки большевикам на Южном Кавказе.

15 февраля 1921 г. на территорию Грузии вступила 11-я армия, 25 февраля она была уже в Тифлисе. Совсем уже трагично на фоне разворачивающегося захвата страны выглядела фигура грузинского посланника во Франции А. Чхенкели, который в этот же день в Париже торжественно ехал к резиденции президента Французской республики для вручения верительных грамот.

* * *

Таким образом, не только гражданская война, но и канва международных отношений диктовала большевикам последовательность действий на Южном Кавказе. Строго говоря, четкого плана советизации не было, и в этом значимость международного контекста, который активно вторгался в ход региональной политики Советской России и вынуждал менять тактику, как это было в случае с отложенным захватом Грузии. Комплексный взгляд на обстановку, сложившуюся в мировой политике вокруг региона, позволяет сделать вывод о том, что именно удачно выбранный момент позволил большевикам сделать Южный Кавказ сферой влияния, а затем вернуть в лоно российской государственности в 1922 г.

Примечания Notes

¹ Густерин П.В. Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917 – 1921 гг. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 92 – 100; Муханов В.М. Советизация Армении в 1920 г. и Серго Орджоникидзе // Международная аналитика. 2017. № 1 (19). С. 89–98; Муханов В.М. К истории советизации Закавказья (1920 – 1921 гг.) // Кавказский сборник. Т. 8 (40). Москва, 2014. С. 171–228; Амбарцумян К.Р. Участие России и Турции в политических процессах Южного Кавказа в 1918 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 166–176; Амбарцумян К.Р. Место Южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920 – 1921 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 8–15; Булыгина Т.А., Амбарцумян К.Р. К вопросу о месте Южного Кавказа в советско-персидских отношениях в 1917 – 1921 годах // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 16–23; Амбарцумян К.Р. Особенности взаимоотношений Союза объединенных горцев и Грузинской демократической республики (1918 – 1919 гг.) // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 104–113.

² Мустафа-заде Р.С. Две Республики: Азербайджано-российские отношения в 1918 – 1922 г. Москва, 2006; Петросян Г.А. Отношения Республики Армения с Россией (1918 – 1920 гг.). Ереван, 2012; Гасанлы Дж.П. Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости, 1917 – 1920. Москва, 2011; Hasanli J. The Sovietization of Azerbaijan: The South Caucasus in the Triangle of Russia, Turkey, and Iran, 1920 – 1922. Salt Lake City (UT), 2018.

³ Baberowski J. Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus. München; Stuttgart, 2003; Brinegar S. The Oil Deal: Nariman Narimanov and the Sovietization of Azerbaijan // Slavic Review. 2017. Vol. 76. Iss. 2. P. 372–394; Andersen A. Georgia and the International Treaties of 1918 – 1921. Richmond Hill (Ontario, Canada), 2018.

⁴ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54837. Л. 11об.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 64. Оп.1. Д. 15. Л. 7.

⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321а. Д. 54861. Л. 5–6.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же.

⁹ Большеви́стское руководство: Переписка, 1912 – 1927: Сборник документов Москва, 1996. С. 121.

¹⁰ АВП РФ. Референтура по Турции. Оп. 3. Папка 2. Д. 3. Л. 3.

¹¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54837. Л. 11.

¹² Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики Москва, 1961. С. 144.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 83. Л. 1.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 474. Л. 122.

¹⁵ Там же. Л. 117.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54859. Л. 1об.

¹⁷ Там же. Л. 7об.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321а. Д. 54862. Л. 11.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 834. Л. 3, 3об.

²⁰ Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917 – 1920 годах. Москва, 1999.

²¹ Авалов З.Д. Независимость Грузии в международной политике, 1918 – 1921: Воспоминания. Очерки. Париж, 1924. С. 265–280.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 74. Л. 3.

²³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 1. Папка 321д. Д. 54851. Л. 43.

²⁴ Большеви́стское руководство: Переписка, 1912 – 1927. С. 133.

²⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54859.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 496. Л. 48.

²⁷ Амбарцумян К.Р. Место Южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920 – 1921 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 8–15.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 524. Л. 176об.–177.

- ²⁹ Карпенко С.В. Белые генерала и красная смута. Москва, 2009. С. 369–373.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321а. Д. 54845. Л. 4.
- ³¹ Там же. Л. 28.
- ³² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321а. Д. 54870. Л. 4; Амбарцумян К.Р. Место Южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920 – 1921 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 8–15.
- ³³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54869а. Л. 4–5.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 524. Л. 178.
- ³⁵ АФП РФ. Референтура по Турции. Оп. 3. Папка 2. Дело 4. Л. 6.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321а. Д. 54869а. Л. 4–5.
- ³⁷ Там же. Л. 6.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54845. Л. 26.
- ³⁹ Правда (Москва). 1920. 29 нояб.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321а. Д. 54870. Л. 7.
- ⁴¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54846. Л. 74.
- ⁴² Там же. Л. 12.
- ⁴³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54850. Л. 149–150.
- ⁴⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54846. Л. 7.
- ⁴⁵ Там же. Л. 15.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Известия (Москва). 1920. 21 нояб.
- ⁴⁸ Авалов З.Д. Независимость Грузии в международной политике, 1918 – 1921: Воспоминания. Очерки. Париж, 1924. С. 280.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54846. Л. 1.

Автор, аннотация, ключевые слова

Амбарцумян Каринэ Размиковна – канд. ист. наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
karina-best21@mail.ru

В статье в основных моментах раскрыты международные факторы, влиявшие на процесса советизации большевиками Южного Кавказа в 1920–1921 гг. Международную ситуацию, сложившуюся вокруг Южного Кавказа к 1920 г., автор раскрывает на основе уникальных документов Народного комиссариата по иностранным делам Советской России. Переписка советских дипломатических работников и партийных руководителей, осуществлявших непосредственное руководство советизацией Южного Кавказа, позволила раскрыть зависимость процесса установления Советской власти в закавказских республиках не только от хода Гражданской войны в России, но и международной обстановки. Впервые использованные автором Архивные документы свидетельствуют, во-первых, о значительном влиянии интересов и политики кемалистской Тур-

ции на внешнеполитический курс большевистского руководства на Южном Кавказе. Официально между большевистской Россией и кемалистской Турцией шло налаживание взаимодействия и взаимопомощи, однако на деле в пределах Южного Кавказа между ними сохранялось соперничество. Во-вторых, большевистское руководство старалось не наносить слишком большого ущерба интересам Великобритании в этом регионе, чтобы за счет скорейшего восстановления российско-британских торговых отношений вырваться из экономической и дипломатической изоляции. В-третьих, большевистское руководство стремилось учесть крайне сложную национальную и религиозную обстановку, исторически сложившуюся на Южном Кавказе. Автор приходит к выводу, что международные факторы в немалой степени корректировали советизацию Южного Кавказа большевиками. Именно комплексная и относительно адекватная оценка международной обстановки, сложившейся вокруг Южного Кавказа, позволил большевикам удачно и быстро провести советизацию региона.

Южный Кавказ, международные отношения, Советская Россия, партия большевиков, Народный комиссариат по иностранным делам, экспорт революции, советизация, Турция, Кемалистское движение, Армения, Грузия, Азербайджан, Г.В. Чичерин, Г.К. Орджоникидзе.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Ambartsumyan, K.R. Mesto Yuzhnogo Kavkaza v sovetsko-turetskom sblizhenii v 1920 – 1921 gg. [The Place of the South Caucasus in the Soviet-Turkish Rapprochement in 1920 – 1921.]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, 2017, no. 3, pp. 8–15. (In Russian).
2. Ambartsumyan, K.R. Osobennosti vzaimootnosheniy Soyuzu obyedinennykh gortsev i Gruzinskoy demokraticeskoy respubliki (1918 – 1919 gg.) [Features of the Relations between the Union of the United Mountain Peoples and the Georgian Democratic Republic (1918 – 1919).]. *Istoriya: fakty i simvoly*, 2018, no. 4 (17), pp. 104–113. (In Russian).
3. Ambartsumyan, K.R. Uchastiye Rossii i Turtsii v politicheskikh protsessakh Yuzhnogo Kavkaza v 1918 godu [The Participation of Russia and Turkey in the Political Processes of the South Caucasus in 1918.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 166–176. (In Russian).
4. Brinegar, Sara. The Oil Deal: Nariman Narimanov and the Sovietization of Azerbaijan. *Slavic Review*, 2017, vol. 76, no. 2, pp. 372–394. (In English).

5. Bulygina, T.A.; Ambartsumyan, K.R. K voprosu o meste Yuzhnogo Kavkaza v sovetsko-persidskikh otnosheniyakh v 1917 – 1921 godakh [On the Question of the Place of the South Caucasus in Soviet-Persian Relations, 1917 – 1921.]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, 2018, no. 4, pp. 16–23. (In Russian).

6. Gusterin, P.V. Politika Sovetskogo gosudarstva na musulmanskom Vostoke v 1917 – 1921 gg. [The Policy of the Soviet State in the Muslim East, 1917 – 1921.]. *Voprosy istorii*, 2010, no. 1, pp. 92 – 100. (In Russian).

7. Mukhanov, V.M. Sovetizatsiya Armenii v 1920 g. i Sergo Ordzhonikidze [The Sovietization of Armenia in 1920 and Sergo Ordzhonikidze.]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 2017, no. 1 (19), pp. 89–98. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

8. Mukhanov, V.M. K istorii sovetizatsii Zakavkazya (1920–1921 gg.) [On the History of the Sovietization of Transcaucasia (1920 – 1921.)]. *Kavkazskiy sbornik* [The Caucasian Collection.]. Moscow, 2014, vol. 8 (40), pp. 171–228. (In Russian).

(Monographs)

9. Andersen, Andrew. Georgia and the International Treaties of 1918 – 1921. Asteroid Publishing Inc., 2018, 480 p. (In English).

10. Baberowski, Jörg. Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus. München, Stuttgart, Deutsche Verlags-Anstalt, 2003, 888 p. (In German).

11. Hasanli, Jamil P. Russkaya revolyutsiya i Azerbaydzhan: Trudnyy put k nezavisimosti, 1917 – 1920 [The Russian Revolution and Azerbaijan: The Difficult Path to Independence, 1917 – 1920.]. Moscow, 2011, 665 p. (In Russian).

12. Hasanli, Jamil P. The Sovietization of Azerbaijan: The South Caucasus in the Triangle of Russia, Turkey, and Iran, 1920 – 1922. University of Utah Press, 2018, 484 p. (In English).

13. Igolkin, A.A. Otechestvennaya neftyanaya promyshlennost v 1917 – 1920 godakh [Russia's Oil Industry, 1917 – 1920.]. Moscow, 1999, 187 p. (In Russian).

14. Karpenko, S.V. Belye generaly i krasnaya smuta [White Generals and Red Turmoil.]. Moscow, 2009, 432 p. (In Russian).

15. Mustafa Zadeh, Rahman. Dve Respubliki: Azerbaydzhan-rossiyskiye otnosheniya v 1918 – 1922 g. [Two Republics: Azerbaijan-Russia Relations, 1918 – 1922.]. Moscow, 2006, 355 p. (In Russian).

16. Petrosyan, Gegham A. Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiey (1918 – 1920 gg.) [The Relations of the Republic of Armenia with Russia (1918 – 1920.)]. Yerevan, 2012, 424 p. (In Russian).

Author, abstract, keywords

Karine R. Ambartsumyan – Candidate of History, Senior Lecturer, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)
karina-best21@mail.ru

The article largely focuses on international factors that affected the process of the Bolsheviks' Sovietization of South Caucasus from 1920 to 1921. Referring to unique documents of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Russia the author reveals the international situation that emerged by 1920. The correspondence of diplomatic personnel and party authorities who directly controlled the Sovietization of South Caucasus helped to discover that the process of establishing the Soviet power in the Transcaucasian republics depended not only on the course of the Civil War, but also on the international situation. The documents originally used by the author, firstly, testify to the considerable influence of the interests and policy of Kemalist Turkey upon the foreign policy of the Bolshevik leadership in South Caucasus.

Officially, Bolshevik Russia and Kemalist Turkey were in the process of building cooperation and mutual assistance, however, in reality, they remained competitors in South Caucasus. Secondly, the Bolshevik leadership tried to avoid causing too much damage to the interests of Great Britain in this region in order to rapidly use better trade relations between Russia and Britain for escaping its economic and diplomatic isolation. Thirdly, the Bolshevik leaders tried to take into account the complicated national and religious situation historically established in South Caucasus. The author concludes that the Bolsheviks' Sovietization of South Caucasus was to a large extent adjusted by international factors. It was due to the complex and relatively adequate assessment of the international situation set up around South Caucasus that allowed the Bolsheviks to sovietize the region in a fast and efficient way.

South Caucasus, international relations, Soviet Russia, Bolshevik Party, People's Commissariat for Foreign Affairs, export of revolution, Sovietization, Turkey, Kemalist movement, Armenia, Georgia, Azerbaijan, Georgy V. Chicherin, Grigory K. (Sergo) Ordzhonikidze.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ Landmarks in Human History

* * *

Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова, Э.К. Хабибуллина

НАУЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Н.Ф. КАТАНОВА В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ И СИНЬЦЗЯН В 1889 – 1892 ГОДАХ

D.E. Martynov, Yu.A. Martynova, and E.K. Khabibullina

Nikolay Katanov's Scientific Journey to Eastern Siberia and Xinjiang (1889 – 1892)

Николай Федорович Катанов (1862 – 1922) являлся тюркологом-универсалом, чье научное наследие все еще не опубликовано и даже не выявлено до конца. В историографии он остался также как первый хакасский ученый и первый исследователь тувинского языка. В его биографии как исследователя выделяется длительное путешествие к тюркским племенам Хакассии, Тувы, Семиречья и Синьцзяна, предпринятое по заданию Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества.

Обстоятельства научной карьеры Катанова сложились так, что, выполнив и перевыполнив программу исследований, он так и не смог опубликовать их результатов. С одной стороны, колоссальный пласт фольклорных текстов хакасов, сойотов и тувинцев был опубликован в «Образцах народной литературы тюркских племен»¹ и магистерской диссертации Катанова об урянхайском языке². С другой, огромное число уйгурских устных текстов на языке оригинала и в латинской транскрипции были переданы вдовой исследователя за границу, и увидели свет в Германии в 1933–1943 гг.³ Фольклорные тексты из издания 1907 г. неоднократно издавались и переиздавались, тогда как оригинальные путевые дневники, в значительной степени подготовленные автором к печати, упокоились в архивохранилищах Санкт-Петербурга и Казани. После новых публикаций 2010-х гг. и авторских архивных изысканий, появляется возможность уточнить ход и результаты тюркологической экспедиции Н.Ф. Катанова.

Николай Федорович Катанов был командирован на окраины Российской и Цинской империй для «изучения остатков тюркских племен». Эта экспедиция была запланирована совместно Русским географическим обществом и Санкт-Петербургским университетом, однако она, вероятно, имела и политический подтекст. Почти одновременно с ней на территории Синьцзяна действовали экспедиционные отряды М.В. Певцова и братьев Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло, причем маршруты последнего отряда проходили почти по тому же пути, что и у Катанова. О значимости миссии Катанова для властей свидетельствует и история с получением разрешения на проезд до оазисов Турфана и Хами. Когда начальник округа Тарбагатай не пропустил ученого далее Урумчи и потребовал специальный паспорт из Пекина, в его получении и доставке участвовали генеральные консулы Российской империи в Чугучаке и Урге – братья М.П. и Я.П. Шишмаревы, а позднее и российский МИД⁴.

Не исключено, что выпускник Санкт-Петербургского университета Н.Ф. Катанов исполнял определенные разведывательные поручения, связанные с оценкой настроений местных жителей и их отношения к российским и цинским властям, выяснением численности российских подданных в Китае, определением проездных путей и экономической конъюнктуры в регионе⁵.

В таком контексте сводная хроника путешествия Катанова, суммирующая маршруты его передвижения, тематику исследований, окружение и состав информантов, позволяет также оценить методы работы, применявшиеся в этнографических экспедициях XIX в.

Инициатором этнографо-лингвистической экспедиции к тюркским племенам Сибири и Восточного Туркестана был В.В. Радлов – известный ученый-тюрколог, основоположник сравнительно-исторического метода в лингвистических исследованиях. Катанов, который частным образом занимался у Радлова, считал его своим учителем. Проект Радлова («Записка») был рассмотрен на заседании этнографического отделения Русского географического общества 11 декабря 1887 г. и признан полностью соответствующим важнейшим целям общества. В той же «Записке» Радловым было предложено отправить исследователя-одиночку, а Катанов – тогда студент Факультета восточных языков – был рекомендован как «наиболее подготовленное и более способное лицо»⁶.

Радлов запросил у Русского географического общества финансирование в размере 1 000 руб., особо оговорив, что будет дополнительно ходатайствовать перед Академией наук. Прошение Радлова было поддержано деканом Факультета восточных языков В.П. Васильевым⁷.

С самого начала финансирование было крайне ограниченным. Н.И. Веселовский в редакционном примечании к опубликованному

дневнику поездки к карагасам писал: «Н.Ф. Катанов ведет свое путешествие при таких скудных материальных средствах, при каких редко кто из ученых путешественников, вообще не избалованных в этом отношении, совершал поездки на отдаленный Восток»⁸.

Разработку научной программы и инструкции для Катанова осуществлял известный тюрколог профессор И.Н. Березин. Программа была утверждена на заседании Факультета восточных языков 28 января 1889 г.⁹, а ее машинописный текст, сохранившийся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, датирован 16 января (в это время Катанов уже находился в пути).

В «Инструкции кандидату Катанову» на первое место выносятся исследование уйгурских наречий и предписано продолжать научное направление, начатое Чоканом Валихановым. Важнейшим рекомендованным методом признается сравнительно-исторический, поэтому в инструкции предписано изучать древние памятники и сопоставлять их язык с современными разговорными формами, и особое внимание уделять фонетике¹⁰.

Следующим по важности пунктом следует «народная литература: сказания, песни, пословицы, и пр.» Европейская наука того времени не располагала сведениями об уйгурском фольклоре, поэтому в инструкции проводятся аналогии с азербайджанским и киргизским эпосом, и утверждается, что и в отношении Восточного Туркестана «не следует терять надежды»¹¹.

Весьма примечательна следующая сентенция: «Мусульманское мирозерцание едва ли успело развиться у восточных турок, но, тем не менее, следует отличать верования и предания языческие от новых мусульманских»¹².

Наконец, «при посещении малоизвестных стран» рекомендовалось «обратить внимание на торговые пути и предметы торговли»¹³.

Фактические результаты путешествия вышли далеко за указанные в инструкции пределы, поскольку включали огромный объем исследований в области языка и культуры тувинцев, сойотов и хакасских племен.

* * *

Выехав из Санкт-Петербурга 12 декабря 1888 г., 17 декабря Николай Катанов уже был в Оренбурге и 19 января 1889 г. прибыл в Красноярск. Своей главной базой он решил сделать родное село Аскиз, что находилось примерно в 65 верстах (почти 70 км) от Абакана.

В предисловии к дневнику путешествия в Туву (как и к остальным) он неукоснительно указывал имеющиеся у него суммы, а в собственно дневниковых записях приводил все траты, даже мелочные, – привычка, выработанная еще в Красноярской гимназии и Петербургском университете¹⁴. Располагая 720 руб. от Академии наук и 600 руб. – от Русского географического общества, к 26 сентября

1889 г. он сэкономил 188 руб. 35 коп., которые предполагал использовать для поездки к бельтирам и карагасам в Енисейскую и Иркутскую губернию. Помимо дорожных расходов, основную статью составили подарки туземным информантов, включающие табак, чай, нитки, иголки, писчую бумагу, складные ножи и сахар¹⁵.

Путешествие по Туве продолжалось около полугода.

Выехав из Верхнеусинска 15 марта, время до 30-го числа Катанов провел на съезде чиновников приграничных улусов. Далее в течение двух недель он занимался практическим изучением тувинского языка на реке Эйлиг-Кем, и, сочтя свои познания достаточными, отправился 28 апреля на территорию Урянхайского края. В Аскизе он нанял себе секретаря И.К. Реполовского, «чтобы переписывание собранных материалов не заняло много времени». Передвижения осуществлялись как на телеге, так и верхом, а также на плоту по рекам.

Основными пунктами назначения были русские торговые фактории, сотрудников которых Катанов отметил и поблагодарил в своем дневнике поименно. Помимо купцов, поддержку путешественнику оказали Усинский пограничный начальник Н.О. Талызин и его заместитель Д.В. Пряжгодский [Фамилия в рукописи написана неразборчиво. – Д.М., Ю.М., Э.Х.], и даже управляющий усинскими золотыми промыслами И.Е. Маковкин. Катанову удалось получить рукописные материалы П. Осташина – чиновника по особым поручениям при иркутском генерал-губернаторе, – и миссионера Верхнеусинской Воскресенской церкви отца Николая (Путилова)¹⁶.

Как этнограф Катанов работал целеустремленно, едва ли не до одержимости. «Время распределялось обыкновенно так: утром шла беседа с урянхайцами, в полдень переписка записанного, вечером – вторичная беседа и вторичная переписка». Тувинцы доверяли ему из-за близости этнического типа, а также совершенного владения им языком. В письмах Радлову, опубликованным в виде приложения к «Запискам Императорской Академии наук», Катанов отмечал, что выдавал себя, «смотря по обстоятельствам», за переводчика Усинского пограничного начальника, или рядового писаря-хакаса, или даже торговца с Абакана¹⁷.

Чтобы не вызывать подозрений в шпионаже (Урянхайский край входил в Цинскую империю), Катанов преимущественно останавливался в русских факториях, полный список которых педантично привел в одном из писем тому же Радлову¹⁸. Со своими информантами он расплачивался табаком, чаем, нитками, иголками, бумагой и даже деньгами, давая по 15 коп. за короткую сказку и 30 коп. – за длинную¹⁹. В результате его информанты позволяли фиксировать свои имена и возраст, а также принадлежность к клану и прочее, чего не удавалось никому из предшественников Катанова, включая Г.Н. Потанина²⁰.

В общей сложности исследователь записал 1 122 песни, 160 зага-

док, 15 сказок, 35 мифов. Весь этот материал был использован в его диссертации 1903 г. «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня»²¹. Обработка полевых материалов была не менее сложной, чем их добывание: по собственному признанию, Катанов «не успевал писать, употребляя времени с 8 ч. утра до 8-9 ч. вечера»²².

* * *

Следующим этапом экспедиции стала поездка Катанова в Канскую и Нижнеудинскую тайгу для полевых исследований карагасов (тофаларов).

Дневник «Поездка к карагасам в 1890 г.» (с 10 февраля по 21 марта) оказался вообще единственным дневниковым материалом его научного путешествия, который был оперативно опубликован. Эта поездка была не единственной: новые экскурсии для фиксации языкового и фольклорного материала бельтиров, сагайцев и качинцев были совершены с 10 мая по 11 июня 1890 г. Данные материалы были обработаны и включены в общий дневник «Путешествия по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Кроме того, Катанов упоминал еще один дневник 1889 г., местонахождение которого неизвестно²³.

Путешествие в Восточные Саяны началось из Минусинска 28 января 1890 г. Основной его путь пролегал через Канский округ (верховья реки Агул) в направлении Нижнеудинска²⁴. Сопровождал исследователя его родственник Оная Катанов. Исследовательские методы Николай Катанов применял точно такие же, как и в Урянхайском крае: опрашивал надежных информантов из числа русского населения или польских ссыльных, освоившихся на месте (некто Чопковский). Расплачивался с туземными информантами проверенным способом, предварительно закупив «кирпичный» чай, махорку, и прочее²⁵.

Уже в письме Радлову от 18 февраля Катанов сообщал, что успел выяснить названия карагасских кланов («костей»-сеоков), названия рек и речек, предания, зафиксировал ритуалы рождения, свадьбы и похорон, обряды посвящения коней и оленей духам воды и гор, некоторые шаманские практики²⁶. Отсутствие языкового барьера было особо отмечено ученым: «Благодаря... знанию урянхайского наречия, я в два дня настолько освоился с особенностями карагасского наречия, что на третий день уже мог вести точные лингвистические записи на карагасском наречии без переводчика»²⁷.

Дневник поездки к карагасам содержит крайне интересные и важные историко-демографические сведения. Отправленный из Санкт-Петербурга для «изучения остатков тюркских племен», Катанов исходил из того, что периферийные тюркские народы Саяно-Алтая

вымирают. Исследование статистической информации, предоставленной российскими властями, и расспросы в улусах неожиданно открыли ему иную картину: «цифры не показывают вымирания», хотя ассимиляция тюркских народов русским населением быстро прогрессировала²⁸.

* * *

Дневниковые записи Катанова, сделанные весной 1890 г., непосредственно продолжают тувинскую и карагасскую рукописи: «окончив переписку и отправку в С.-Петербург материалов, собранных во время путешествия к тюркскому племени карагасов, я отправился... вверх по реке Абакану, чтобы продолжить исследования качинского, сагайского и бельтирского наречий»²⁹.

Находясь в родных местах, исследователь ограничился почти исключительно фиксацией разнообразного фольклора, от эротических песен и волшебных сказок до большого цикла шаманских молитв и предания о повелителе нижнего мира Эрлик-хане. Главной его задачей была подготовка к путешествию в оазисы Восточного Туркестана, населенные уйгурами. Путь Катанова лежал в оазисы древнего Шелкового пути (впрочем, в инструкции исследователю об этом не упоминалось).

В сопровождении письмоводителя А.П. Бехтерева и родственника Оная (Ивана) Катанова, он 15 июня 1890 г. покинул Минусинск. Путь составил 2 232 версты через Красноярск, Ачинск, Мариинск, Томск, Барнаул, Семипалатинск, Сергиополь (куда телеграфом были высланы суммы на командировочные расходы) до села Бахты на китайско-русской границе³⁰.

К тому времени несколько улучшилось финансовое положение исследователя: ученый хранитель Азиатского музея Академии наук О.Э. Лемм и декан Факультета восточных языков В.П. Васильев между 20 февраля и 24 марта телеграфными переводами и письмами прислали Катанову в общей сложности 1 524 руб. на расходы³¹. Много средств поглотили закупки подарков для информантов и чиновников: дюжина столовых ножей и вилок, иголки, нитки, зрительные трубы, бумага и т.п. (на 474 руб. 30 коп.)³².

В дальнейшем Катанов расплачивался со своими информантами разными способами. Так, сказителю из Чугучака Шах-Седику он чаще всего платил деньгами. Например, 20 сентября за 9 песен, переписанных на бумаге, тот получил 25 коп. в пересчете на русские деньги³³. Рассказчику Абдулле-джану 19 сентября за 8 песен на диалекте Аксу Катанов подарил половину куска розового мыла стоимостью 10 коп.; мыло этот рассказчик требовал и в дальнейшем, и даже получил для невесты гребенку с зеркалом³⁴. Самый продуктивный информант – Ахун-Седик – иногда требовал русскую бумагу, которая, по его словам, превосходила китайскую по качеству³⁵.

23 сентября Ахун-Седику за пословицу и 12 песен Катанов дал 6 листов белой вятской бумаги, стальные ножницы и карандаш³⁶.

* * *

10 июля Николай и Иван Катановы и А. Бехтерев пересекли русско-китайскую границу и прибыли в Чугучак, расположенный в 18 верстах от нее. Консул М.П. Шишмарев к тому времени выхлопотал билет, гарантирующий свободный проезд до Урумчи.

По пути Катанова поразил тот факт, что собственно граница между Россией и Китаем не была обозначена никак, а деревянный столб, который ее когда-то обозначал на пограничном тракте, был взят на дрова казахами, кочующими в тех местах³⁷.

11 июля был нанят проводник – кашгарский сарт Исмаил Садатбеков, – который вел караван из трех русских телег, запряженных шестью лошадьми. Это обошлось в 360 руб., из которых 160 были отданы вперед. В качестве погонщиков были наняты лепсинские казахи Юсуф Юсуфов (Бек-Батыр) и Тасыр Урумбаев³⁸.

Первый этап поездки до Урумчи был сравнительно легким: проводник находил носителей фольклорных текстов, тем более что из-за сильной жары передвижения осуществлялись по ночам.

Деятельность исследователя, однако, вызвала подозрения маньчжуро-китайских властей, поэтому еще на границе Катанову было объявлено, что проездной паспорт может быть выдан только в Пекине, тогда как местные власти не могут пропустить его далее Урумчи³⁹. При затянувшемся посещении гарнизона Кур-Кара-Усуна, 6 августа Катанову нанес визит уездный правитель Ян Ци-шу, которому исследователь сообщил, что его главная цель – «изучение татарских наречий провинции Ганьсу».

Это знакомство оказалось полезным, когда у путешественников украли лошадь: 8 августа пришлось нанести начальству ответный визит. В сопровождении Бехтерева Катанов посетил уездного правителя, рассказывал ему о Санкт-Петербурге и показывал фотографии карагасов, сагайцев и бельтиров. Все это вызвало интерес правителя, и кража была раскрыта⁴⁰.

9 августа Катанов и Бехтерев были приглашены начальником мусульманской конницы. На этой встрече присутствовал мулла, с которым Катанов мог общаться по-арабски, но тот не знал бытовой лексики⁴¹. 12 августа Катанов познакомился с носителем турфанского диалекта уйгурского языка⁴².

Двигаясь далее, 15 августа спутники Катанова встретили А.П. Соболева – приказчика бийской фирмы И.П. Котельникова, от которого узнали о кровопролитной стычке экспедиции Г.Е. Грум-Гржимайло с жителями оазиса Хами⁴³.

Весьма плачевно мог закончиться день 22 августа: миновав деревню Чанцзи, группа Катанова подверглась нападению конокра-

дов, которых было семеро. Потом Катанов выяснил, что нападавшие были гарнизонными солдатами, и действия их покрывал комендант крепости⁴⁴.

Пребывание Катанова в Урумчи продлилось с 23 августа по 25 сентября. Члены его группы остановились у Азим-бая – аксакала российского землячества, – платя за постой 1 руб. в день⁴⁵. Встречался исследователь и с чиновником уездной управы, которым сообщил, что является посланником «из города Белого царя, чтобы проверить русских купцов, живущих между Чугучаком и Урумчи»⁴⁶.

Ученый также общался с Гуйжун Дун-цином – директором русской школы, с которым был знаком еще в Санкт-Петербурге. Тот служил переводчиком при уездном правителе (в архивном деле сохранились визитные карточки как переводчика, так и уездного правителя Ян Ци-шу)⁴⁷.

Постоянными информантами сделались: профессиональный исполнитель народных песен Басит, уроженец Турфанского оазиса, и хотанский сарт Ахун – музыкант и певец, который в первый же день продиктовал 22 песни⁴⁸.

10 сентября Басит привел нового информатора – турфанца Седика, профессионального переписчика рукописей, который очень добросовестно подошел к делу, вплоть до того, что ходил по улицам и базару и записывал песни⁴⁹.

И проводник Исмаил оказался полезен и для исследований: помогал Катанову в понимании трудных сартских выражений, при случае переводя тексты на казахский язык⁵⁰.

Незадолго до отъезда, 21 сентября, Катанов познакомился с голландскими католическими миссионерами из конгрегации Пречистого сердца Девы Марии, возглавляемыми Йоханнесом Стенеманом (Johannes-Baptist Steeneman, 1853 – 1918). С миссионерами, направленными в Кульджу (Или), Катанов общался на немецком и французском языках⁵¹.

Обратный путь до Бахтов оказался не менее тяжел: неоднократно совершали нападения конокрады, после Чанцзи началось сильное похолодание, и «без шубы нельзя было ходить»⁵². 16 октября все вернулись в Чугучак. Даже после окончательного расчета Исмаил приводил к Катанову информантов, среди них – певца-нищего (диванэ) Шах-Седика из Аксу (29 октября)⁵³.

* * *

Период между 5 ноября 1890 г., которым датирован дневник первой поездки в Урумчи, и 22 декабря 1892 г., когда Катанов вернулся в Санкт-Петербург, документирован крайне неравномерно. В Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ) сохранилось два объемных архивных дела. Первое из них содержит обработанный дневник пребывания в Чугучаке между 15 мая и 21 августа 1891

г.⁵⁴ (окончательно датирован 23 сентября 1892 г.)⁵⁵. Дневник путешествия в Хамийский и Турфанский оазисы по ряду жизненных обстоятельств Катанова никогда не был обработан, и представляет собой набор самодельных тетрадок, исписанных в полевых условиях, преимущественно карандашом (очень редко – чернилами)⁵⁶. Часть материалов утрачена: каждая тетрадка обозначена как «дневник №», причем нумерация начинается с 15-го, событийно – это путь из Хами в Турфан.

1891 г. можно условно обозначить как «стационарный»: проживая в Бахтах и Чугучаке в ожидании паспорта для проезда по Синьцзяну, Катанов сосредоточился на работе с информантами, «собирал фольклор киргизов, узбеков, сартов и окиргизившихся сартов»⁵⁷. Результаты были не менее поразительны, чем во время поездки в Урянхайский край: «Сказок китайских сартов – 24, толкований снов китайских сартов – 33; поверий киргизских (т.е. казахских) – 6, пословиц – 387, песен в четверостишиях – киргизских 158, узбекских – 35, китайских сартов – 134», и т.д.⁵⁸

В период с 1 ноября 1890 по 6 февраля 1891 гг. Катанов действовал для помощи в обработке научных материалов И. Катанова и Бехтерева, но далее отправил их в Минусинск, поскольку проживание на троих стоило 20 руб. в месяц. Главным советчиком и информантом продолжал оставаться проводник Исмаил⁵⁹.

Как обычно, Катанов обстоятельно готовился к большому путешествию по Синьцзяну: в архивном деле сохранилась переписанная им таблица расстояний между Пекином и 24 городами Синьцзяна, округов Тарбагатай и Или⁶⁰. 24 апреля он нанял Юнуса Джангуданова, который сопровождал его вместе с Исмаилом в прошлом году. 2 мая в Чугучаке в присутствии М.П. Шишмарева был подписан договор с Фаттахом Насимом-оглы на доставку Катанова и Джангуданова до Урумчи за 16 дней с кладью 15 пудов. Стоимость сделки составила 80 руб.⁶¹

В дневник была занесена, датированная 12 мая, примечательная новость, которая должна послужить стимулом для серьезных архивных изысканий: в этот день пришла посылка от фотографа И.Ф. Толшина, с которым Катанов познакомился в прошлом году в Урумчи. Это были 70 фотографий, которые фиксировали этнические типы; сделаны они были в Синьцзяне в 1889–1890 гг.⁶²

Переехав окончательно в Чугучак 13 мая, Катанов остановился у возчика Фаттаха. В тот период он планировал добраться летом до Хами, осень провести в Турфане, а зиму в округе Или, чтобы весной 1892 г. вернуться в Россию⁶³.

Эти планы не выдержали проверки реальностью, главным образом, из-за осложнений при получении паспорта. Пребывая в ожидании, Катанов составил таблицу проверки местного времени по высоте положения солнца и занимался записыванием фольклора. 9 июня нанес визит прошлогодний знакомец Шах-Седик⁶⁴.

Только 23 июня через Шишмарева пришли известия, что в Пекине был выписан паспорт для свободного передвижения Катанова по территории Китая⁶⁵. Он был на китайском, маньчжурском и русском языках⁶⁶. Кроме того, 21 марта 1892 г. через чугучакское консульство был получен охранный лист для поездок по Синьцзяну (Катанов в это время находился в Турфане). Китайский текст его составлял 189 иероглифов⁶⁷.

В письме Радлову от 31 октября 1891 г. Катанов отметил: «Подготовка моя заключалась в том, что я нашел, при помощи русских подданных... несколько китайских татар из городов Турфана, Логуचना, Аксу, Кучара и Кашгара, записываю из их уст памятники народной литературы и таким образом совершенствуюсь в изучении... языка». Из заслуживающего внимания Катанов называл: исторические повествования о войнах в Восточном Туркестане, песни, распеваемые в мусульманские праздники, эротические песни, толкования снов, загадки и пословицы. Также он занимался изучением казахских диалектов племени, размещенного в Дурбульджине⁶⁸.

9 октября 1891 г. в библиотеке чугучакского ахуна Курбан-Али им было сделано замечательное открытие: издание поучений императора Цянь-луна (1736 – 1796) с параллельным уйгурским переводом. Ахун лично принес Катанову книгу и позволил переписать уйгурский текст. Уже работая в Казани, в 1900 г. исследователь смог получить печатную книгу. Факсимиле и перевод были опубликованы Императорским Русским археологическим обществом⁶⁹.

Несмотря на трудность расшифровки текста полевых дневников Катанова, они позволяют существенно дополнить информацию, помещенную в «Письмах из Сибири и Восточного Туркестана». Например, в опубликованных книгах и статьях ни словом не упоминается о том, что исследователь фиксировал погодные явления, но в 1890 г. наблюдения были сугубо визуальными, поскольку у Катанова не было ни термометра, ни барометра, ни анемометра. В дневнике № 17, в записи от 13 марта 1892 г., впервые упоминается термометр Реомюра, показания которого неукоснительно записывались⁷⁰. Записи температуры интересны в связи с переездами по пустыне и в Турфанскую впадину: они зафиксировали сильнейшие перепады дневных температур, которые зависели также от состояния облачности и высоты местности над уровнем моря.

В Хамийский оазис Катанов прибыл только 1 января 1892 г. После Урумчи исследователь двигался через Гучэн, горные хребты и урочище Янцзи. В пути его сопровождал проверенный проводник Юнус и нанятый в Урумчи дунганин Дауд⁷¹.

Из дальнейшего повествования известно, что в путешествии по Хами и Турфану ученого сопровождали фотограф Толшин и уроженец Красноярска Ф.М. Васильев, с которыми он познакомился в Урумчи еще в 1890 г. Они рассчитывали заработать, делая фото-портреты китайцев, провели в Турфане два месяца, но совершенно

неудачно, поскольку местные жители не заинтересовались их фотоискусством⁷².

Дневник № 15, открывающийся записью от 6 марта, содержит описание буддийского храма на пути в Турфан. Запись в дневнике № 16 от 11 марта снабжена пометой «300 верст до Хами»⁷³. В письмах Радлову Катанов отмечал, что его работе в Хами не мешал языковой барьер, поскольку за полгода жизни в Чугучаке он овладел местным (логучэнским) диалектом уйгурского языка, который был близок хамийскому⁷⁴.

18 марта 1892 г. Катанов после утомительного пути прибыл в Турфан, где поначалу остановился в пригородной деревне Сингим⁷⁵. Практически сразу его персоной заинтересовался уездный правитель, приславший солдата для проверки паспорта. Вообще Турфан явно вызвал интерес исследователя, ибо книжки дневника, посвященного именно этому городу, изобилуют максимальным количеством подробностей. Например, в тот же день, 18 марта, Катанов стал свидетелем прохождения большого тележного поезда из 23 повозок, влекомых 14-ю упряжками. Данный поезд следовал из Пекина в Урумчи и далее в Чугучак, причем путь в один конец занимал четыре месяца. Такие караваны в первую очередь везли дары маньчжуров и калмыков Джунгарии богдыхану⁷⁶.

Проводник Дауд привел Катанова в российское землячество, которое в Турфане составляли десять имперских подданных из Ташкента и Коканда⁷⁷.

20 марта ученый был приглашен к турфанскому градоначальнику (фамилия его была Пэн, а имя в дневнике не упоминалось). Прием оказался неформальным: очевидно, начальнику было любопытно взглянуть на россиянина, заграничный паспорт для которого был выписан через МИД в Пекине. Беседа была посвящена, в основном, состоянию дорог в Синьцзяне и в России, а также строительству железных магистралей. На следующий день Катанов вновь был приглашен к начальнику, где демонстрировал «фото сибирских инородцев». Выяснилась также причина интереса к личности русского путешественника: охранный лист на его имя прибыл из Хами ранее приезда самого ученого. Общению не мешало даже то, что оно велось через двух переводчиков: Дауд переводил сказанное Катановым с русского на уйгурский, а на китайский переводил толмач-китаец, который ранее служил у кашгарского губернатора⁷⁸. О впечатлении, которое ученый произвел на градоначальника, свидетельствовали щедрые дары: мясо (утка, курица и 3 китайских фунта-цзиня баранины), 1½ цзиня чая и серебряных слитков на 4 русских рубля. Катанов отдался литографированными картами мира на русском и китайском языках⁷⁹.

21 марта градоначальник вновь пригласил ученого. Перед визитом Катанов и проводники Дауд и Юнус пошли в книжную лавку, в которой обнаружили труды имама Кари Курбана-Али. С этими бо-

гословскими сочинениями Катанов впервые познакомился еще в Чугучаке, где было казанское издание трактата «Джериде-и-Джериде», напечатанное по-арабски в 1889 г.⁸⁰

23 марта Катанов был удостоен большой чести – приглашения на обед к градоначальнику. В дневнике обстоятельно перечислялись подарки: большой французский бинокль (купленный когда-то в Томске специально для подобного случая), три карандаша марки Agow с ластиком, русский столовый прибор высшего качества и большая коробка шведских спичек⁸¹. Подарки обошлись ему в 19 руб., причем наибольший восторг вызвали карандаши и ластик⁸². Катанов оказался в избранном обществе: кроме него, было всего пятеро приглашенных – начальник таможни, командир гарнизона, инспектор образования, магистрат Синьчэна (крепости в Турфане) и чиновник из Урумчи. Судя по порядку угощения, Катанов оказался самым почетным гостем, поскольку ему первому предлагались все блюда. Ученый с этнографической методичностью описал и меню: в качестве закуски к винам двух сортов полагались миндаль и арбузные семечки. Обеденный стол, как принято у китайцев, был снабжен поворотным кругом посередине, на котором располагались закуски девяти разновидностей, включая коренья и яйца в уксусе. Основных блюд было 35, и они подавались поодиночке. В их число входила жареная баранина, телятина, свинина, особым образом приготовленная рыба, ласточкины гнезда и «морские черви» (вероятно, трепанги). «Между подаванием каждых 2 кушаний б[ыл] небольшой антракт, в который гости курили табак, пили вино и вытирали рот хозяйскими салфетками. Выход из-за стола не считался неприличным. После первого кушанья гости все до одного сняли верхние одежды, желая показать этим, что от пищи стало уже жарко»⁸³.

Четырехчасовой обед способствовал доверительности: ученому удалось выяснить границы полномочий градоначальника (20 китайских верст-ли от городских стен), а также то, что в Турфане с его пятидесяти тысячным населением имеется 5 китайских школ с 75 учениками, из которых три – казенные. От Катанова даже не стали скрывать, что чиновник из Урумчи конвоирует начальника одного из округов в ссылку в Хэйлунцзян. Причиной ссылки стало изнасилование девушки в округе, которым этот чиновник управлял⁸⁴.

Общение с градоначальником не закончилось и на этом: 24 марта Катанов был приглашен вместе с Толшиным, поскольку городское начальство захотело сделать свои фотографические портреты⁸⁵.

Далее в дневнике до 31 марта включительно фиксировались только сводки погоды, что, по-видимому, указывало на интенсивную фиксацию лингвистической и фольклорной информации, не включаемую в путевой журнал. 4 и 5 апреля Катанов нанес прощальные визиты градоначальнику, причем последний был в ямэне. Перед ученым открыли центральные ворота, как если бы он был персоной очень высокого ранга⁸⁶.

Закончив исследования в Хамийском и Турфанском оазисах, Катанов 3 мая перебрался в Кульджу (Или), где свел доброе знакомство с российским консулом В.М. Успенским⁸⁷. Любезность консула была так велика, что исследователя поселили непосредственно в дипломатической миссии⁸⁸.

Катанов продолжал осмысливать накопленный материал и пришел к следующим выводам: «У хамийских татар и татар Восточного Туркестана [Этноним «уйгуры» по отношению к тюркоязычному мусульманскому населению оазисов Синьцзяна официально был принят только в 1935 г. – Д.М., Ю.М., Э.Х.] есть две литературы: письменная и устная. Памятники письменной литературы состоят преимущественно из переводов с арабского, персидского и китайского языков, зато весьма богата народная литература. Интересно, что, несмотря на запрещение Корана, хамийские сарты (татары) занимаются рисованием, пьянством и деланием идолов для китайцев»⁸⁹. Были также зафиксированы реликты шаманизма в Хами, причем зафиксированные молитвенные обращения к духам были подобны тофаларским, хакасским и тувинским⁹⁰.

Не менее значительными были достижения в области лингвистики: Катанов на практике изучил восемь уйгурских диалектов и субдиалектов (включая хотанский, аксуйский, турфанский), а также диалект синьцзянских казахов, незначительно отличающийся от семиреченского⁹¹.

В мае 1892 г. Катанов покинул пределы Синьцзяна и прибыл в Джаркент. Рассчитав проводника Юнуса, через Сергиополь ученый отправился в Минусинск, в который прибыл 15 июня⁹².

С 1 июля он обосновался в Аскизе, рассчитывая завершить исследовательскую программу среди хакасских соотечественников. Эти небольшие экспедиции по кочевьям бельтиров, каларов, сагайцев и качинцев продолжались до 13 октября⁹³.

Окончание научного путешествия получилось практически по сюжету популярной литературы того времени: 14 октября 1892 г. в Петропавловской церкви Аскиза Катанов обвенчался с приемной дочерью своего дяди Ефима Семеновича – Александрой Ивановной Тихоновой⁹⁴.

* * *

Экспедиция Николая Федоровича Катанова стала классической академической экспедицией эпохи позитивизма: ее непосредственный исполнитель не участвовал в разработке плана и программы исследований, которые предписывались «сверху» организаторами. Вполне стандартно для XIX в. формулировалась и основная цель – проверка априористического утверждения о вымирании «отсталых» народов на периферии империи.

Вместе с тем эта экспедиция стала глубоко новаторской: факти-

чески она осуществлялась силами энтузиаста-одиночки, который, происходя из коренных народов, имел совершенно невероятные для европейской науки того времени возможности проникновения через все реальные и мыслимые этнокультурные барьеры.

Результаты экспедиции в Сибирь и Восточный Туркестан настолько опередили свое время, что так и не были своевременно опубликованы, и осознание важности пласта традиционной культуры, зафиксированного Н.Ф. Катановым, наступило более чем столетие спустя после совершенного им беспримерного научного подвига.

Примечания Notes

¹ Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов // Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX. Санкт-Петербург, 1907. Т. I, II.

² Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

³ Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. I. (Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften, XXXII.). Berlin, 1933; Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. II. Aus dem Nachlaß von N. Th. Katanov herausgegeben. (Als Manuskript getruet). Berlin, 1943.

⁴ Хохлов А.Н. Поездка Н.Ф. Катанова в Северо-Западный Китай в 1890 – 1892 гг. и его труды по исламоведению // Архив российской китаистики. Т. II. Москва, 2013. С.

⁵ Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Методы полевой работы в дневниковом наследии востоковедов последней трети XIX в. (на материале записей Н.Н. Миклухо-Маклая и Н.Ф. Катанова) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 6. С. 1495–1509.

⁶ Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (1862 – 1922): Очерк жизни и деятельности. 2-е изд. Москва, 1973. С. 23.

⁷ Рыкин П.О. Николай Федорович Катанов (1862 – 1922): Вехи жизни и творчества // Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли: Дневник путешествия, исполненного в 1889 году... Кызыл, 2011. С. 366.

⁸ Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 г. Санкт-Петербург, 1891. С. II.

⁹ Катанов Н.Ф. «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану»: Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н.Ф. Катановым. Казань, 2017. С. 730.

¹⁰ Там же. С. 732.

¹¹ Там же. С. 731.

¹² Там же. С. 732.

¹³ Там же.

¹⁴ *Тугужева В.Н.* Детство и юношество: Аскиз и Красноярск // Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии. Казань; Абакан, 2009. С. 18–19.

¹⁵ *Катанов Н.Ф.* Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году... Кызыл, 2011. С. 15.

¹⁶ Там же. С. 15, 16.

¹⁷ *Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана // Записки Императорской Академии наук. 1893. Т. XXIII. С. 10.

¹⁸ Там же. С. 8, 9.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ *Иванов С.Н.* Николай Федорович Катанов (1862 – 1922): Очерк жизни и деятельности. 2-е изд. Москва, 1973. С. 53.

²² *Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана. С. 19.

²³ *Катанов Н.Ф.* «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану»... С. 46.

²⁴ *Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана. С. 26.

²⁵ *Катанов Н.Ф.* Поездка к карагасам в 1890 г. С. I.

²⁶ *Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана. С. 26.

²⁷ *Катанов Н.Ф.* Поездка к карагасам в 1890 г. С. I.

²⁸ *Катанов Н.Ф.* «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану»... С. 95.

²⁹ Там же. С. 35.

³⁰ Там же. С. 86.

³¹ Там же. С. 34.

³² Там же. С. 87.

³³ Там же. С. 190.

³⁴ Там же. С. 188, 197, 207.

³⁵ Там же. С. 194.

³⁶ Там же. С. 203, 204.

³⁷ Там же. С. 87.

³⁸ Там же. С. 86, 87.

³⁹ Там же. С. 89, 90.

⁴⁰ Там же. С. 105.

⁴¹ Там же. С. 105, 106.

⁴² Там же. С. 109–111.

⁴³ Там же. С. 105, 106.

⁴⁴ Там же. С. 119, 120.

⁴⁵ Там же. С. 122, 221.

⁴⁶ Там же. С. 122.

⁴⁷ Там же. С. 718–720.

⁴⁸ Там же. С. 147.

⁴⁹ Там же. С. 162, 175.

⁵⁰ Там же. С. 155, 156.

⁵¹ Там же. С. 197.

⁵² Там же. С. 221, 222.

⁵³ Там. С. 237.

⁵⁴ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 969. Оп. 1. Д. 11.

⁵⁵ Там же. Л. 3.

⁵⁶ ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 76.

⁵⁷ ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 2–3.

⁵⁹ Там же. Л. 4.

⁶⁰ Там же. Л. 16–17об.

⁶¹ Там же. Л. 18об.–19об.

⁶² Там же. Л. 23.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 31–32, 68об.

⁶⁵ Там же. Л. 91–91об.

⁶⁶ *Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана. С. 63, 64.

⁶⁷ ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 76. Л. 105, 105об.

⁶⁸ *Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана. С. 62, 63.

⁶⁹ *Катанов Н.Ф.* Маньчжурско-китайский «Ли» (закон) на наречии тюрков Китайского Туркестана // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XIV. Санкт-Петербург, 1902. С. 31–75.

⁷⁰ ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 76. Л. 38.

⁷¹ *Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана. С. 68–70.

⁷² ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 76. Л. 111, 111об.

⁷³ Там же. Л. 1–2, 29, 35об.

⁷⁴ *Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана. С. 73.

⁷⁵ ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 76. Л. 86об.

⁷⁶ Там же. Л. 99.

⁷⁷ Там же. Л. 102об.

⁷⁸ Там же. Л. 105об.–106об.

⁷⁹ Там же. Л. 107об.–108.

⁸⁰ Там же. Л. 120–121об.

⁸¹ Там же. Л. 133об.–134.

⁸² Там же. Л. 149об.

⁸³ Там же. Л. 134об.–139.

⁸⁴ Там же. Л. 141об.–142.

⁸⁵ Там же. Л. 150–153.

⁸⁶ Там же. Л. 187.

⁸⁷ Там же. Л. 424.

⁸⁸ *Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана. С. 76.

⁸⁹ Там же. С. 81.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 95.

⁹² ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 76. Л. 449.

⁹³ *Рыкин П.О.* Николай Федорович Катанов (1862 – 1922): Вехи жизни и творчества // *Катанов Н.Ф.* Очерки Урянхайской земли: Дневник путе-

шествия, исполненного в 1889 году... Кызыл, 2011. С. 368.

⁹⁴ Куюкова Н.И. Н.Ф. Катанов – гордость земли хакасской: Библиографический справочник. Абакан, 2012. С. 6.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – докт. ист. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
dmitrymartynov80@mail.ru

Мартынова Юлия Александровна – канд. ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
juliemartynova82@gmail.com

Хабибуллина Эльмира Камилевна – канд. филол. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
minabova@mail.ru

В начале XXI в. стало возможным оценить весь масштаб деятельности тюрколога-универсала Н.Ф. Катанова (1892 – 1922). Несмотря на широкую известность его трудов по лингвистике и этнографии, значительная часть полевых материалов, полученных им в Восточной Сибири и Синьцзяне (Цинская империя), остается неопубликованной. Авторы впервые вводят в научный оборот рукописные материалы, посвященные третьему этапу научного путешествия Катанова в Восточный Туркестан. Анализ неопубликованных прежде дневников известного ученого позволяет существенно уточнить представления о его методах, применяемых в лингвистических и этнологических исследованиях. В 1887 г. Русское географическое общество, по инициативе В.В. Радлова, приняло решение устроить комплексное обследование тюркских племен, обитавших на примыкающих друг к другу окраинах Российской и Цинской империй. В программе исследований, разработанной И.Н. Березиным, особое внимание было уделено диалектам уйгурского языка, чрезвычайно плохо изученным в то время. Более того: западная наука даже не была уверена в существовании фольклора и эпоса у тюркских племен, проживавших в оазисах, через которые проходил Великий шелковый путь. Катанов, являясь этническим хакасом, отправлялся в это важное и многообещающее научное путешествие в одиночку, поскольку его лингвистические таланты снимали трудности, обычно порождаемые языковыми и культурными барьерами. На первых порах исследователь работал в среде своих соотечественников, а далее, изучив тувинский язык, около полугода провел на территории Урянхайского края. Наибольшую сложность составили для него подозрительность и противодействие властей Синьцзяна. В итоге, благодаря содействию российского Министерства иностранных дел, научные планы и задачи, поставленные перед Катановым, были выполнены и перевыполнены. Их важнейшим результатом стало первое в мире описание тувинского языка, а также мно-

жество публикаций по этнографии и устной литературе хакасов, тувинцев и уйгуров.

Российская академия наук, Русское географическое общество, Министерство иностранных дел, Империя Цин, Синьцзян, Урянхайский край, хакасы, тувинцы, уйгуры, Хакасия, Тува, Великий шелковый путь, востоковедение, тюркология, Н.Ф. Катанов.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Martynov, D.E.; Martynova, Yu.A. *Metody polevoy raboty v dnevnikovom nasledii vostokovedov posledney treti XIX v. (na materiale zapisey N.N. Miklukho-Maklaya i N.F. Katanova)* [Field Work Methods in the Diary Records of the Orientalists of the Last Third of 19th Century (From the Notes of Nikolay N. Miklukho-Maklay and Nikolay F. Katanov)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 158, no. 6, pp. 1495–1509. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Khokhlov, A.N. *Poyezdka N.F. Katanova v Severo-Zapadnyy Kitayu v 1890–1892 gg. i yego trudy po islamovedeniyu* [Nikolay F. Katanov's Journey to the North-Western China in 1890 – 1892 and his Works on Islamic Studies.] *Arkhiv rossiyskoy kitaistiki* [Archive of Russian Sinology]. Moscow, 2013, vol. 2, pp. 327–355. (In Russian).

3. Rykin, P.O. *Nikolay Fedorovich Katanov (1862 – 1922): Vekhi zhizni i tvorchestva* [Nikolay F. Katanov (1862 – 1922): Milestones in Life and Creative Work.]. *Katanov, N.F. Ocherki Uryankhayskoy zemli: Dnevnik puteshestviya, ispolnennogo v 1889 godu...* [Katanov, N.F. Essays on the Land of Uriankhay: The Diary of a Journey Conducted in 1889...]. Kyzyl, 2011, pp. 359–383 (In Russian).

4. Tuguzhekova, V.N. *Detstvo i yunoshество: Askiz i Krasnoyarsk* [Childhood and Youth in Askiz and Krasnoyarsk.]. *N.F. Katanov i humanitarnyye nauki na rubezhe vekov: Ocherki istorii rossiyskoy tyurkologii* [Nikolay F. Katanov and the Humanities at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Essays on the History of Russian Turkology]. Kazan, Abakan, 2009, pp. 10–23. (In Russian).

(Monographs)

5. Ivanov, S.N. *Nikolay Fyodorovich Katanov (1862 – 1922): Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [Nikolay F. Katanov (1862 – 1922): Essay on his Life and Activity.]. 2nd ed. Moscow, 1973, 114 p. (In Russian).

6. Katanov, N.F. *Opyt issledovaniya uryankhayskogo yazyka, s ukazaniyem glavneyshikh rodstvennykh otnosheniy ego k drugim yazykam tyurkskogo kornya* [Experience in Researching the Uryankhay Language, Indicating its Main

Relationships to Other Turkic-Root Languages.]. Kazan, 1903, 590 p. (In Russian).

Authors, abstract, keywords

Dmitry E. Martynov – Doctor of History, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)
dmitrymartynov80@mail.ru

Yulia A. Martynova – Candidate of History, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)
juliemartynova82@gmail.com

Elmira K. Khabibullina – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)
minabova@mail.ru

The early 21st century was able to witness the assessment of the entire scope of the activities pursued by Nikolay F. Katanov, a universal scholar-turkologist (1892 – 1922). Although his works in linguistics and ethnography are widely known, the bulk of his field studies materials he obtained in Eastern Siberia and Xinjiang (the Qing Empire) still remains unpublished. This article is the first attempt to introduce the scientist's manuscripts which cover the third stage of his research journey in Eastern Turkestan into scientific circulation. The analysis of his previously unpublished diaries allows to considerably clarify his methods applied in linguistic and ethnological studies. In 1887 the Russian Geographical Society on the initiative of V.V. Radlov decided to undertake a complex examination into Turk tribes that inhabited the adjacent peripheral territories of the Russian and Qing Empires. The research agenda worked out by I.N. Berezin paid special attention to the accents of the Uighur language which was poorly studied at that time. Moreover, western science even defied the existence of the folklore and epos of Turk tribes living in oases lying on the way of the Great silk road. N. Katanov, being an ethnic Khakas, set out on this promising scientific journey on his own as he was spared the language and cultural difficulties that would otherwise commonly arise. At first the researcher worked in the company of his compatriots, but then, having learnt the Tuvan language, spent nearly half a year on the territory of Uriankhay Krai. The biggest obstacle for him was the suspicious attitude and interference on the part of the Xinjiang authorities. Finally, due to the assistance from the Ministry of Foreign Affairs the planned goals set before N. Katanov were implemented and even surpassed, the major result being the first description of the Tuvan language as well as a large number of publications on ethnography and oral literature of the Khakas, Tuvans and Uighurs.

Russian Academy of Sciences, Russian Geographical Society, Ministry of Foreign Affairs, Qing Empire, Xinjiang, Uriankhay Krai, Khakas, Tuvans, Uighurs, Khakassia, Tuva, Great silk road, Oriental studies, Turkology, Nikolay F. Katanov.

К.К. Семенов

ГЕНЕРАЛ А.В. ФОК: РУССКАЯ СМЕРТЬ НА ИСПАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

К.К. Semenov

General Anatoly V. Fok: A Russian Death on Spanish Soil

*Посвящается памяти
Юрия Станиславовича Цурганова*

Когда с начала 1990-х гг. в России, в условиях резкого всплеска общественного интереса к судьбам антибольшевистской, «белой», эмиграции, началось ее научное, на основе ставших доступными архивных документов, изучение, история именно военной эмиграции сразу заняла свое особое место в эмигрантской тематике. Прошлое военной эмиграции оказалась проблемой весьма сложной, комплексной, сильно подверженной воздействию политических факторов. Она требовала и многолетнего поиска архивных документов, и очень тщательного анализа источников, и объединения усилий нескольких исследователей. Результаты этой многотрудной (мы оставляем в стороне конъюнктурщиков, накинувшихся на эту «перспективную» тематику) исследовательской работы публиковались как в формате журнальных статей¹, так и в формате первых коллективных монографий².

И сразу же, что естественно, в изучении российскими специалистами истории русской военной эмиграции особое место заняло изучение эмигрантского «активизма» – продолжения конкретными военными организациями и конкретными генералами и офицерами активной вооруженной борьбы против большевистской власти в России и коммунистических сил в разных странах³. В том числе и участие эмигрантов из числа военнотружущих русской императорской армии и войск антибольшевистских правительств в гражданской войне в Испании на стороне генерала Ф. Франко⁴.

Западные исследователи, между тем, уже не один десяток лет методично изучают участие добровольцев из разных стран в гражданской войне в Испании, как на стороне республиканских войск, так и войск генерала Франко. И в их работах можно встретить немало ценных сведений и интересных суждений о русских добровольцах⁴.

Наконец, яркой чертой, характерной особенно для отече-

ственной историографии русской военной эмиграции, является острый, не ослабевающий интерес исследователей к личностям и судьбам тех, кто боролся против большевизма как в годы Гражданской войны в России, так и в эмиграции.

Одним из таких русских добровольцев из числа военных эмигрантов был генерал-майор Анатолий Владимирович Фок, погибший на полях сражений гражданской войны в Испании.

* * *

Потомственный дворянин Новгородской губернии, Анатолий Владимирович Фок родился 3 июля 1879 г. в Оренбурге.

Закончив курс наук в Псковском кадетском корпусе, он поступил в Константиновское артиллерийское училище юнкером рядового звания, на правах вольноопределяющегося 1-го разряда 30 августа 1897 г. Год спустя, 8 августа 1898 г. юнкер Фок за успехи в учебе был произведен в унтер-офицеры, а 8 ноября того же года – в портупей-юнкера. По окончании трех классов училища высочайшим приказом от 9 августа 1900 г. он был произведен в подпоручики Кавказской гренадерской его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича артиллерийской бригады со старшинством с 8 августа 1898 г.⁵

Срок действительной воинской службы Фока исчислялся с 1 сентября 1900 г. По прибытии к месту службы, молодой офицер был зачислен в 4-ю батарею 22 сентября 1900 г.

16 апреля 1901 г. Анатолий Фок был переведен в 7-ю батарею, а 1 декабря 1901 г. назначен ее делопроизводителем. В следующий чин подпоручика Фок был произведен высочайшим приказом 25 августа 1902 г. со старшинством с 8 августа 1902 г. Через 20 дней Фок сдал должность делопроизводителя и был переведен в 4-ю батарею. 25 апреля 1903 г. поручик Фок был прикомандирован к 7-й батарее, но уже 26 июля снова вернулся в 4-ю батарею. С 11 сентября 1903 г. он вновь служил во 2-й батарее, а 2 октября 1903 г. был назначен обучающим (то есть инструктором) в бригадную учебную команду. После роспуска учебной команды вернулся на службу в батарею 31 марта 1904 г. Позже был произведен в штабс-капитаны.

В сентябре 1909 г. Фок был командирован в Главную гимнастическо-фехтовальную школу. За время обучения показал склонность к фехтованию и по окончании курса был оставлен при школе инструктором. В сентябре 1912 г. Фока произвели в капитаны. В школе он последовательно занимал должности заведующего отделением, старшего преподавателя гимнастики и казначея школы. Неоднократно направлялся в командировки для организации курсов гимнастики, фехтования и рубки в отрядах пограничной стражи⁶.

В июне 1912 г. он входил в состав команды Российской им-

перии на V летних Олимпийских играх в Стокгольме.

С началом Первой мировой войны Фок вернулся в Кавказскую гренадерскую бригаду, действовавшую в Восточной Пруссии, в качестве 2-го старшего офицера 2-й батареи. В сентябре 1914 г. он уже воевал в должности 1-го старшего офицера, затем – командующего 1-й батареей. В 1915 г. бригада была переброшена в Галицию. В боях капитан Фок показал себя храбрым и деятельным офицером, его сослуживцы свидетельствовали:

«Сим удостоверяю, что в боях 4 и 5 июня 1915 года у дер. Осередек командующий 1 батареей капитан Фок проявил выдающуюся храбрость и самоотвержение и, искусно руководя огнем своей батареи, оказал вверенному мне полку полное содействие в отражении повторных ожесточенных атак противника на вверенный мне полк.

Таких блестящих результатов капитан Фок достиг лишь благодаря своей исключительной храбрости; находясь в течение обоих этих дней, 4 и 5 июня, безотлучно на передовом наблюдательном пункте в окопе 8 роты вверенного мне полка под сильнейшим ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника, подвергая свою жизнь явной опасности, причем, для лучшего наблюдения за противником, влезал на находившееся около окопа дерево»⁷.

За боевые отличия в Галиции Фок был произведен в подполковники. Осенью 1915 г., в дни позиционной войны, он организовал на фронте фехтовальные состязания, футбольные матчи, игру в городки для солдат и офицеров.

29 марта 1916 г. подполковник Фок был утвержден командиром батареи.

После Февральской революции его наградили Георгиевским оружием (29 апреля 1917 г.) и 10 июля 1917 г. назначили командиром 51-го тяжелого артиллерийского дивизиона, произведя в полковники. 1 сентября 1917 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени⁸.

5 февраля 1918 г. полковник Фок попал в немецкий плен и был интернирован в Минске. Уже 28 февраля 1918 г. был освобожден и отправился на Дон.

4 июня 1918 г. Фок прибыл в Добровольческую армию генерала А.И. Деникина и был назначен в команду разведчиков конно-горной батареи капитана Б.Я. Колзакова, сослуживца Фока по Кавказской артиллерийской бригаде⁹.

2 июля 1918 г. полковник Фок возглавил формирование 2-й конно-горной батареи, позже командовал ей в боях на Кубани, а затем исполнял обязанности командующего 1-м конно-горным артиллерийским дивизионом. С 25 декабря 1918 г. Фок был инспектором артиллерии 1-го конного корпуса и командиром 2-го конно-артиллерийского дивизиона.

В начале 1919 г. А.В. Фок был произведен в генерал-майоры¹⁰.

Принимая участие в боях в Терской области и Донецком каменноугольном бассейне, он занимал различные командные должности:

с 7 ноября 1919 г. в Кабардинской конной дивизии, с 10 ноября 1919 г. – командир Кавказской стрелковой артиллерийской бригады, а с 18 ноября 1919 г. – начальник тыла Кавказской армии¹¹.

1 декабря 1919 г. генерал Фок «слег в тифу», а после выздоровления был снова назначен командиром Кавказской стрелковой артиллерийской бригады.

После эвакуации остатков армий генерала Деникина в Крым он переформировал бригаду в Отдельный сводно-артиллерийский дивизион. Вместе с дивизионом участвовал в боях в Северной Таврии, командовал 6-й артиллерийской бригадой.

Не позднее конца августа 1920 г. генерал-майор Фок был назначен командующим артиллерией Перекопского укрепленного района, а осенью – инспектором артиллерии 2-го армейского корпуса.

Вместе с частями Русской армии генерала П.Н. Врангеля генерал-майор Фок эвакуировался из Крыма 1 ноября 1920 г.

* * *

На чужбине генерал Фок играл заметную роль в жизни русской армии.

В Галлиполи, наряду с руководством Сергиевским артиллерийским училищем курировал спортивную работу с чинами 1-го армейского корпуса. Деятельность Фока была по достоинству оценена сослуживцами, и он вошел в первый состав Правления Общества галлиполийцев. В 1921 г. Фок числился в штате Офицерской артиллерийской школы¹³, а также был избран в общий суд чести в Галлиполи¹⁴.

В начале 1922 г. с частями 1-го армейского корпуса генерала А.П. Кутепова генерал-майор Фок был перевезен в Болгарию, где продолжил свою работу на благо армии. Приказом от 25 февраля 1922 г. он был назначен временно исполняющим должность начальника Офицерской артиллерийской школы в г. Тырново, летом 1922 г. был помощником начальника 1-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса и исполнял обязанности начальника гарнизона в г. Свищов¹⁵.

Осенью 1922 г. Фок и другие генералы русской армии были высланы из Болгарии по требованию левого «земледельческого» правительства.

Из Болгарии Фок переехал во Францию.

Поселившись в Париже в доме VI по улице 4 rue Dupin, Фок устроился на завод простым рабочим¹⁶.

Вскоре он возглавил Клуб русских спортсменов. 1 сентября 1924 г. генерал Врангель образовал Русский обще-воинский союз (РОВС), и генерал Фок стал его членом. 5 января 1925 г. генерал Врангель своим приказом № 5 о чинах военных назначил Фока «начальником Галлиполийской группы (частей быв. I Армейского корпуса) во Франции и Бельгии»¹⁷.

Деятельность в РОВСе генерал Фок сочетал с сотрудничеством с сокольскими организациями: он заведовал Курсами сокольских руководителей в Медоне и читал курс лекций «Основы сокольской гимнастической системы»¹⁸.

В 1925 г. произошел конфликт между А.В. Фоком и командиром 1-го Армейского корпуса генерал-лейтенантом В.К. Витковским, проживавшим в Болгарии. Витковский был недоволен работой Фока и планировал заменить его генерал-майором П.Н. Буровым. В своем письме в канцелярию РОВСа от 1 августа 1925 г. Витковский так излагал причины конфликта: «До сих пор, несмотря на мою настойчивость, мне не удалось, в течении почти двух лет, добиться от генерал-майора Фока исполнения моих требований по руководству чинами вверенного мне корпуса, проживающего во Франции»¹⁹. 11 августа 1925 г. генерал Врангель поручил разобраться в ситуации главе I отдела РОВСа генералу И.А. Хольмсену. Последний, в свою очередь обратился за разъяснениями к генералу П.Н. Шатилову.

23 августа 1925 г. Шатилов ответил Холмсену: «Со своей стороны я полагаю, что такое отчисление является несправедливым. Если генерал Фок, будучи малоприспособленным к интенсивной канцелярской работе, не удовлетворяет в этом отношении генерала Витковского, то в отношении своего личного влияния на подчиненных и других качеств, нужных для строевого начальника, при настоящей обстановке, он не оставляет желать лучшего.

[...]

В настоящее время генерал Фок сильно болен. По-видимому у него рак предстательной железы и едва ли он скоро выйдет из госпиталя.

[...]

Лично я против генерала Бурова особых возражений не встречаю, но смело скажу, что авторитет его для чинов I корпуса во Франции много ниже авторитета генерала Фока и генерала Репьева и замена генерала Фока генералом Буровым для моей работы принесет существенный ущерб»²⁰.

Оживленная переписка по вопросу Фока не утихала в РОВСе до конца 1925 г. В декабре 1925 г. Шатилов сообщал Витковскому: «И мне зачастую не удается получить от Фока то, что я хотел бы иметь. Но тем не менее я предпочитаю его, чем кого-нибудь другого. Вы писали о желательности заменить Фока Буровым. Может быть, и даже наверное, Вы стали бы получать аккуратные донесения и успокоились бы. Но ведь дело наше теперь совсем не канцелярское, к которому у Анатолия Владимировича, правда, никаких способностей нет. Зато нравственное влияние, которое особенно необходимо теперь, Фок выполняет вполне с успехом. Он представляет из себя твердого начальника, в котором элемент строгой командной подчиненности доминирует над всем»²¹.

Наконец Витковский получил письмо от Фока и выяснилось,

что ряд рапортов последнего не доходил до начальства: «На ваш рапорт от 10-го сего декабря за № 253 сообщаю, что рапорта Ваши № 86 от 4-го мая и № 206 от 25-го сентября в моем Управлении получены не были. Все сведения сообщенные вами в них, стали мне известными только теперь по получении их копий.

Вопрос о прежних недочетах считаю исчерпанным. Вместе с тем я прошу вас очень быть аккуратнее в дальнейших представлениях мне необходимых сведений и проведении в жизнь моих распоряжений, как это требует польза дела»²².

* * *

Последние 20 лет своей жизни А.В. Фок оставался непримиримым антибольшевиком. Не довольствуясь борьбой идеологической, он всегда искал возможность продолжить активное сопротивление большевикам. По этой причине он считал необходимым пройти Заграничные высшие военно-научные курсы генерал-лейтенанта Н.Н. Головина.

Желая бороться сам, Фок требовал этого и от других. В середине 1930-х г. он примкнул к группе генералов-«реформаторов», требующих политизировать РОВС и усилить борьбу с большевиками.

Кульминацией трений в руководстве РОВС стали события названные «бунтом маршалов» и произошедшие 23 апреля 1935 г. В тот день к председателю РОВСа генерал-лейтенанту Е.К. Миллеру явилась инициативная группа 1-го армейского корпуса из 14-ти старших офицеров и потребовала преобразований²³. Среди активистов был и генерал Фок.

Позже руководству РОВСа стало известно, что генерал Фок был автором «агитационных» писем, рассылаемых чинам союза²⁴. Желая избежать раскола в организации, генерал Миллер образовал из известных генералов комиссию для разрешения назревших вопросов, но она оказалась инертной.

Нежелание руководства РОВСа реформировать организацию и принять политическую программу привело к образованию генералом А.В. Туркулом организации Русского национального союза участников войны (РНСУВ)²⁵. Костяк организации составили чины дроздовских частей, поддержавшие своего командира. Генерал Миллер пытался уговорить Туркула не идти на разрыв, но безуспешно. После выхода Туркула из РОВСа в канцелярию союза явились генералы А.В. Фок и Д.А. Силкин, которые от лица Дроздовских конного и артиллерийского дивизионов заявили о выходе из союза.

Этот демарш грубо нарушал устав РОВСа, потому виновники получили выговор от его председателя. Реакция Фока была мгновенной: «Доношу, что по объявлении мне выговора приказом I отдела Р.О.В.Союза за № 29 я в рядах чинов Р.О.В.Союза состоять не могу, а потому доношу о своем выходе из Р.О.В.Союза».

На рапорт Фока генерал Миллер наложил резолюцию: «Ввиду изложенного приказываю полагать генерал-майора Фока, Анатолия, выбывшим из Р.О.В.Союза, по собственному желанию»²⁶.

Вскоре А.В. Фок примкнул к РНСУВ генерала Туркула и именно в качестве ее члена попал в Испанию.

Как и многие военные эмигранты, пожелавшие отдать свои военные знания и свой боевой опыт борьбе против Коммунистического интернационала, Фок поддержал восстание националистов в Испании. Перед отъездом в армию Франко он заявил: «Те из нас, кто будет сражаться за национальную Испанию, против III Интернационала, а также, иначе говоря, против большевиков, тем самым будет выполнять свой долг перед белой Россией»²⁷.

* * *

12 февраля 1937 г. в Сан-Себастьян прибыли четыре русских артиллериста: генерал-майоры А.В. Фок и Н.В. Шинкаренко, капитан Н.Е. Кривошея и штабс-капитан Я.Т. Полухин. На границе испанцы были смущены возрастом Фока и его немолодой внешностью и предложили генералу вернуться во Францию. Добровольцам с трудом удалось уговорить начальника испанцев майора маркиза де Тамарита.

Русские добровольцы были зачислены в состав карлистского ополчения – рекете, – в терсио (батальон) «Генерал Зумалакарреги».

После боев в Бискайе, в мае 1937 г. русские добровольцы перешли в терсио «Донна Мария де Молина и Марко Белло». На новое место службы Фок, Кривошея и Полухин прибыли 20 мая 1937 г.²⁸

В конце мая Фок и Полухин, произведенные в звания лейтенантов рекете, были определены во 2-ю роту терсио. В дальнейшем именно в этом терсио будут собираться русские добровольцы, и в нем будет организован Русский отряд.

В пока не опубликованном разделе своих воспоминаний, хранящихся в Гуверовском институте, Н.В. Шинкаренко указывает, что еще до отъезда в Испанию он условился с Фоком: «Так, по моей инициативе, было между нами уговорено, что, когда родится этот отряд русский, ну хоть полк или бригада, так командовать им будет генерал Фок. Мне же быть только его помощником».

В Испанию смогло пробраться лишь небольшое количество русских добровольцев (не более 150 человек), поэтому численность отряда не превышала роты. Претензии Фока и Шинкаренко на общее командование добровольцами были всего лишь благими пожеланиями, если не сказать фантазиями, так как оба не пользовались доверием генерала Миллера.

Летом 1937 г. терсио «Донна Мария де Молина и Марко Белло» оперировало в долине реки Эбро. В конце августа 1937 г. 2-я рота терсио находилось в районе Кинто де Эбро. Число защитников

района составляло около 1 500 бойцов. На вершине горы между шоссе и возвышенностью, неподалеку от кладбища и церкви, дислоцировалась 2-я рота терсио²⁹. Две батареи артиллерии составляли мобильный стратегический резерв. Одно отделение минометов расположилось в районе железной дороги. Фалангисты несли охрану берегов реки Эбро, близлежащих виноградников и других опорных пунктов. Позже в окопы были отправлены чины гражданской гвардии.

На штурм Кинто де Эбро республиканское командование направило XV интернациональную бригаду под командой подполковника Владимира Корпича, состоявшую из четырех батальонов: английского, американского «Авраам Линкольн», балканского «Димитров» и 24-го испанского³⁰. Изначально на штурм Кинто был брошен только американский батальон. Затем ему на помощь была отправлена английская противотанковая батарея. В ходе тяжелых двухдневных боев республиканцы были вынуждены ввести в бой все части XV интербригады. Основная сила республиканского удара пришлось на 2-ю роту карлистского рекете, оборонявшуюся в окопах.

Накануне боя в роте насчитывалось 130 человек, командовал ротой капитан Риварис, пулеметным взводом командовал лейтенант рекете Полухин, при нем также находился лейтенант рекете Фок. «Были во 2-й роте, отдельно от остальных русских. Полухин командовал взводом, а генерал Фок совсем недавно приехал туда из терсиевского штаба. Хотел быть обязательно впереди...» – вспоминал позже сослуживец Фока по Испании³¹.

В течение 24 августа 1937 г. рота Ривариса отразила две атаки республиканцев, в ходе боя карлистам удалось повредить несколько легких советских танков. Позиции националистов бомбили пять советских бомбардировщиков³².

К сумеркам в строю роты осталось лишь 12 человек, они были вынуждены отойти в само местечко Кинто де Эбро. Все тяжело раненные были укрыты в церкви селения, сюда же был перенесен смертельно раненый лейтенант рекете Полухин. К вечеру последние защитники местечка засели в храме. Огонь республиканских орудий сосредоточился на церкви, но, вопреки всем ожиданиям, ее стены оказались крепки.

Тогда командование республиканцев образовало из американского батальона ударную группу в составе десяти человек во главе с Карлом Бредли. Группу вооружили гранатами и нитроглицериновыми бомбами. Группа ползком приблизилась к церкви и затем бросилась на штурм. Укрывшиеся в церкви засели за органом и продолжали сопротивление. Интернационалисты втолкнули в церковь бочку с бензином и подожгли. Огонь яростно поглотил франкистов.

26 августа республиканцы пошли на последний штурм возвышенности у Кинто де Эбро. Одним из последних защитников высоты был генерал-майор Русской армии и лейтенант рекете Анатолий

Фок. По словам одного из американцев, Фок встретил их появление криком «Красные свиньи! Красные свиньи!». Не желая сдаваться врагу, последнюю пулю из своего пистолета Фок выпустил себе в висок³³.

На трупе погибшего американцы обнаружили Евангелие, русские пистолет и шашку. Очень широко известному советскому журналисту Михаилу Кольцову (Моисей Хаимович Фридлянд, псевдоним в Испании – Мигель Мартинес) в качестве трофея достались документы Фока. (До ареста Кольцова органами госбезопасности НКВД СССР оставалось меньше одного года и четырех месяцев).

Своими действиями у Кинто де Эбро националисты на два дня задержали XV интернациональную бригаду, и лишь 27 августа 1937 г. ее потрепанные части смогли отправиться на штурм следующего городка – Фуэнтес де Эбро.

Действия карлистов были высоко оценены командованием националистов, рота получила коллективную награду – лауреду креста Сан-Фернандо за защиту Кинто де Эбро. Кавалерами этой награды посмертно стали и русские добровольцы.

Такова история одной русской эмигрантской жизни и русской смерти на испанской земле.

* * *

Погибшие русские добровольцы Я.Т. Полухин и А.В. Фок заняли место в пантеоне борцов, павших за Белую идею, за освобождение России от большевизма. В приказе по РОВСу от 11 ноября 1937 г. говорилось: «Вечна память и слава доблестным соратникам, павшим смертью храбрых в борьбе с общим врагом — Коммунистическим Интернационалом»³⁴.

Примечания Notes

¹ *Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе в начале 20-х годов (численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 75–85.

² *Герасимова Н.П., Голотик С.И., Евсеева Е.Н., Ершов В.Ф., Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Москва; Göttingen, 1994; *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж: Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. Москва, 1999.

³ *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. Санкт-Петербург, 1996; *Дробязко С.И., Ершов В.Ф., Карпенко С.В., Шинкарук И.С.* Офицеры

и командующие // Русские без Отечества: Очерки истории антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов. Москва, 2000. С. 72–171; *Карпенко С.В., Робкова Е.Б.* Диверсанты и террористы // Русские без Отечества: Очерки истории антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов. Москва, 2000. С. 432–487.

⁴ *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. Москва, 1994.

⁵ *Eby C.* Between the Bullet and the Lie: American Volunteers in the Spanish Civil War. New York, 1969; *Bradley K.* The International Brigades in Spain, 1936 – 39. London, 1994; *Keene J.* Fighting for Franco: International Volunteers in Nationalist Spain during the Spanish Civil War, 1936 – 1939. London; New York, 2001; *Кин Дж.* Сражаясь за Франко: Русские белоэмигранты на стороне националистов // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2012. № 1 (81). С. 207–228.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. П/с 2394 (1906). Л. 2.

⁷ *Бортневский В.Г.* Генерал-майор А.В. Фок // Новый часовой. 1997. № 5. С. 238.

⁸ Лейб-Эриванцы в Великой войне: Материалы для истории полка в разработке полковой исторической комиссии. Париж, 1959. С. 233.

⁹ *Клепов М.Ю.* Офицеры – Георгиевские кавалеры Первой мировой войны. Мартиролог. Москва, 2015. С. 696.

¹⁰ *Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии: Опыт мартиролога. В 2 т. Т. 1. Москва, 2012. С. 581.

¹¹ *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. Москва, 1997. С. 251.

¹² *Бортневский В.Г.* Генерал-майор А.В. Фок // Новый часовой. 1997. № 5. С. 238.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5950. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5950. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5928. Оп. 1. Д. 11. Л. 49.

¹⁶ *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. Москва, 1997. С. 251.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 27. Л. 70.

¹⁸ Российское зарубежье во Франции, 1919 – 2000: Биографический словарь. В 3 т. Т. 3. Москва, 2010. С. 423.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 27. Л. 74.

²⁰ Там же. Л. 72–73.

²¹ Там же. Л. 86.

²² Там же. Л. 84.

²³ *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине: Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX – XXI веках. Архангельск, 2006. С. 268.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

²⁵ *Окороков А.В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации, 1920 – 1990 гг. Москва, 2003. С. 108.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 61. Л. 221.

²⁷ *Окороков А.В.* Русские добровольцы. Москва, 2004. С. 109.

²⁸ *Яремчук А.П.* Русские добровольцы в Испании, 1936 – 1939. Сан-Франциско, 1983. С. 26.

²⁹ *Семенов К.К.* Лицом к солнцу: Участие белоэмигрантов в гражданской войне в Испании (1936 – 1939) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Вып. 1. Москва, 2010. С. 64.

³⁰ *Bradley K.* The International Brigades in Spain, 1936 – 39. London, 1994. P. 29.

³¹ *Белогорский Н.* Смерть Фока и Полухина // Часовой. 1937. № 198. С. 12.

³² *Кольцов М.Е.* Испанский дневник. Москва, 1957. С. 567.

³³ *Eby C.* Between the Bullet and the Lie: American Volunteers in the Spanish Civil War. New York, 1969.

³⁴ *Голдин В.И.* Генералов похищали в Париже: Русское военное Зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. Москва, 2016. С. 470.

Автор, аннотация, ключевые слова

Семенов Константин Константинович – старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва) semenov@domrz.ru

Генерал Анатолий Владимирович Фок (1879 – 1937) был яркой личностью, героем своего времени. Хорошо образованный кадровый офицер Русской императорской армии, спортсмен, участник летней Олимпиады 1912 г. в Стокгольме, он был рожден не для мирной жизни – для войны. Именно война раскрыла его таланты и масштаб его личности. На полях Первой мировой войны Фок зарекомендовал себя офицером редкой храбрости и умения руководить подчиненными в бою. Более того, в тяжелых условиях боевых действий он стремился привить подчиненным любовь к фехтованию и футболу, используя затишья на фронте для проведения соревнований. За время войны он дослужился до чина полковника. Фок не смог принять ни установление в России власти большевиков, ни позорный выход России из Первой мировой войны, организованный большевиками ради сохранения своей власти. И он вступил в Добровольческую армию, чтобы участвовать в вооруженной борьбе против большевизма. В Вооруженных силах Юга России, которыми командовал генерал А.И. Деникин, а затем генерал П.Н. Врангель он командовал артиллерийскими частями, а также занимал должности в различных штабах. Оказавшись в эмиграции после поражения Белого движения, он не порвал с русской армией. Оставаясь непримиримым врагом большевиков, он работал в различных организациях русской военной эмиграции. При этом он являлся сторонником продолжения активной борьбы с большевиками в любой форме. Ненависть к большевикам и понимание угрозы Коммунистического Интернационала (Коминтерна) в 1937 г. привели его в расколотившую гражданскую войну Испанию, где он встал в ряды армии генерала Ф. Франко.

На основе широкого круга архивных и опубликованных источников автор раскрывает личность генерала Фока, его становление как кадрового офицера, спортсмена и антибольшевика. Рассматриваются также мотивы тех решений, которые он принимал на поворотных моментах его жизни, совпавших с поворотными моментами в истории России и Испании. Смерть генерала Фока на испанской земле стала закономерным завершением его борьбы за освобождение России от большевизма.

Русская армия, офицерский корпус, Первая мировая война, Белое движение, военная эмиграция, Русский обще-воинский союз, антикоммунизм, гражданская война в Испании, доброволец, добровольчество, А.В. Фок.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Bortnevskiy, V.G. General-mayor A.V. Fok [Major-General Anatoliy V. Fok.]. *Novyy chasovoy*, 1997, no. 5, pp. 238–240. (In Russian).
2. Ippolitov, S.S.; Karpenko, S.V.; Pivovarov, E.I. Rossiyskaya emigratsiya v Konstantinopole v nachale 20-kh godov (chislennost, materialnoye polozheniye, repatriatsiya) [Russian Emigration in Constantinople in the Early 1920s (Number, Financial Situation, Repatriation)]. *Otechestvennaya istoriya*, 1993, no. 5, pp. 75–85. (In Russian).
3. Keene, J. Srazhayas za Franko: Russkie beloemigranty na storone natsionalistov [Fighting for Franco: Russian “White” Emigrants on the Side of Nationalists.]. *Neprikosnovenny zapas: Debaty o politike i culture*, 2012, no. 1 (81), p. 207–228. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Drobyazko, S.I.; Ershov, V.F.; Karpenko, S.V.; Shinkaruk I.S. Ofitsery i komanduyushchie. *Russkie bez Otechestva: Ocherki istorii antibolshevistskoy emigratsii 20 – 40-kh godov* [The Russians without their Fatherland: Essays on the History of Anti-Bolshevik Emigration in 1920s – 1940s]. Moscow, 2000, pp. 72–171. (In Russian).
5. Karpenko, S.V.; Robkova, E.B. Diversanty i terroristy [Saboteurs and Terrorists.]. *Russkie bez Otechestva: Ocherki istorii antibolshevistskoy emigratsii 20 – 40-kh godov* [The Russians without their Fatherland: Essays on the History of Anti-Bolshevik Emigration in 1920s – 1940s]. Moscow, 2000, pp. 432–487. (In Russian).
6. Semenov, K.K. Litsom k solntsu: Uchastie beloemigrantov v grazhdanskoy voyne v Ispanii (1936 – 1939) [Facing the Sun: Participation of “White” Emigrants in the Spanish Civil War, 1936 – 1939.]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhya imeni Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad.]. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 46–74. (In Russian).

(Monographs)

7. Bortnevskiy, V.G. Zagadka smerti generala Vrangelya: Neizvestnyye materialy po istorii russkoy emigratsii 1920-kh godov [The Mysterious Death of General Wrangel: Unknown Materials on the History of Russian Emigration in 1920s.]. St. Petersburg, 1996, 167 p. (In Russian).
8. Bradley, K. The International Brigades in Spain, 1936 – 39. Osprey, 1994, 64 p. (In English).
9. Eby, C. Between the Bullet and the Lie: American Volunteers in the Spanish Civil War. Holt, Rinehart and Winston, 1969, 342 p. (In English).
10. Gerasimova, N.P.; Golotik, S.I.; Evseyeva, E.N.; Ershov, V.F.; Ippolitov, S.S.; Karpenko, S.V.; Pivovarov, E.I. Rossiyskaya emigratsiya v Turtsii, Yugo-Vostotsnoy i Tsentralnoy Evrope 20-kh godov (grazhdanskiye bezhentsy, armiya, uchebnyye zavedeniya) [Russian Emigration in Turkey, South-Eastern and Central Europe in 1920s (Civilian Refugees, Army, Educational Institutions.)]. Moscow, Göttingen, Konrad Pachnik, 1994, 117 p. (In Russian).
11. Goldin, V.I. Generalov pokhishchali v Parizhe: Russkoye voyennoye Zarubezhye i sovetskiye spetssluzhby v 30-e gody XX veka [Generals were Kidnapped in Paris: Russian Military Abroad and Soviet Special Services in 1930s.]. Moscow, 2016, 854 p. (In Russian).
12. Goldin, V.I. Soldaty na chuzhbine: Russkiy Obshe-Voinskiy Soyuz, Rossiya i Russkoye Zarubezhye v XX – XXI vekakh [Soldiers in a Foreign Land: Russian All-Military Union, Russia and Russian Abroad in 20th – 21st Centuries.]. Arkhangelsk, 2006, 794 p. (In Russian).
13. Ippolitov, S.S.; Nedbaevskiy, V.M.; Rudentsova, Yu.I. Tri stolitsy izgnaniya: Konstantinopol, Berlin, Parizh: Tsentry zarubezhnoy Rossii 1920-kh – 1930-kh gg. [Three Capitals of Exile: Constantinople, Berlin, Paris: Centers of foreign Russian Abroad in 1920s – 1930s.]. Moscow, 1999, 207 p. (In Russian).
14. Keene, J. Fighting for Franco: International Volunteers in Nationalist Spain during the Spanish Civil War, 1936 – 1939. Leicester University Press, 2001, 310 p. (In English).
15. Nazarov, M.V. Missiya russkoy emigratsii [The Mission of Russian Emigration.]. Moscow, 1994, 414 p. (In Russian).
16. Okorokov, A.V. Russkie dobrovoltsy [Russian volunteers.]. Moscow, 2004, 446 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Konstantin K. Semenov – Senior Researcher, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad (Moscow, Russia)
semenov@domrz.ru

General Anatoliy V. Fok (1879 – 1937) was an outstanding personality and a hero of his time. A well-educated career officer of the Russian Imperial army, a sportsman who took part in the 1912 Olympiad in Stockholm, he was born for the war, not for a peaceful life. It was the war that revealed his talents and

the scale of his personality. On the battlefields of World War I Fok displayed himself as an officer of exceptional bravery and a leader during the battle. Besides, in the hardest conditions of war time he tried to get his subordinates to take to fencing and football holding competitions during peaceful breaks on the front. He finished the war in the rank of a colonel. Fok could neither accept Bolsheviks' taking power nor Russia's shameful withdrawal from World War I initiated by Bolsheviks to save their power. Therefore, he joined the volunteer army to fight bolshevism. In the armed forces of the south of Russia headed by General Denikin and then General Wrangel he commanded artillery units and occupied different positions in headquarters. While being in emigration after the defeat of the white movement he did not break his ties with the Russian army. Remaining an irreconcilable enemy of the Bolsheviks he worked in different organizations of Russian military immigration. He stood for continuous fight against the Bolsheviks in any form. His hatred for Bolsheviks and realizing the threat of the Communist International (Commintern) in 1937 brought him to Spain split by the Civil war where he joined General Franco's army. Using a wide range of archival and published sources the author discloses General Fok's personality, his formation as a career officer, a sportsman and anti-Bolshevik. The author also highlights the factors that motivated his decisions at the turning points of his life that coincided with turning points in the history of Russia and Spain. General Fok's death on the Spanish soil was a logical completion of his struggle for the liberation of Russia from bolshevism.

Russian army, officer corps, World War I, White Movement, military emigration, Russian All-Military Union, anti-communism, Spanish Civil War, volunteer, volunteering, General Anatoliy V. Fok.

Научное издание

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 29.03.2019
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru